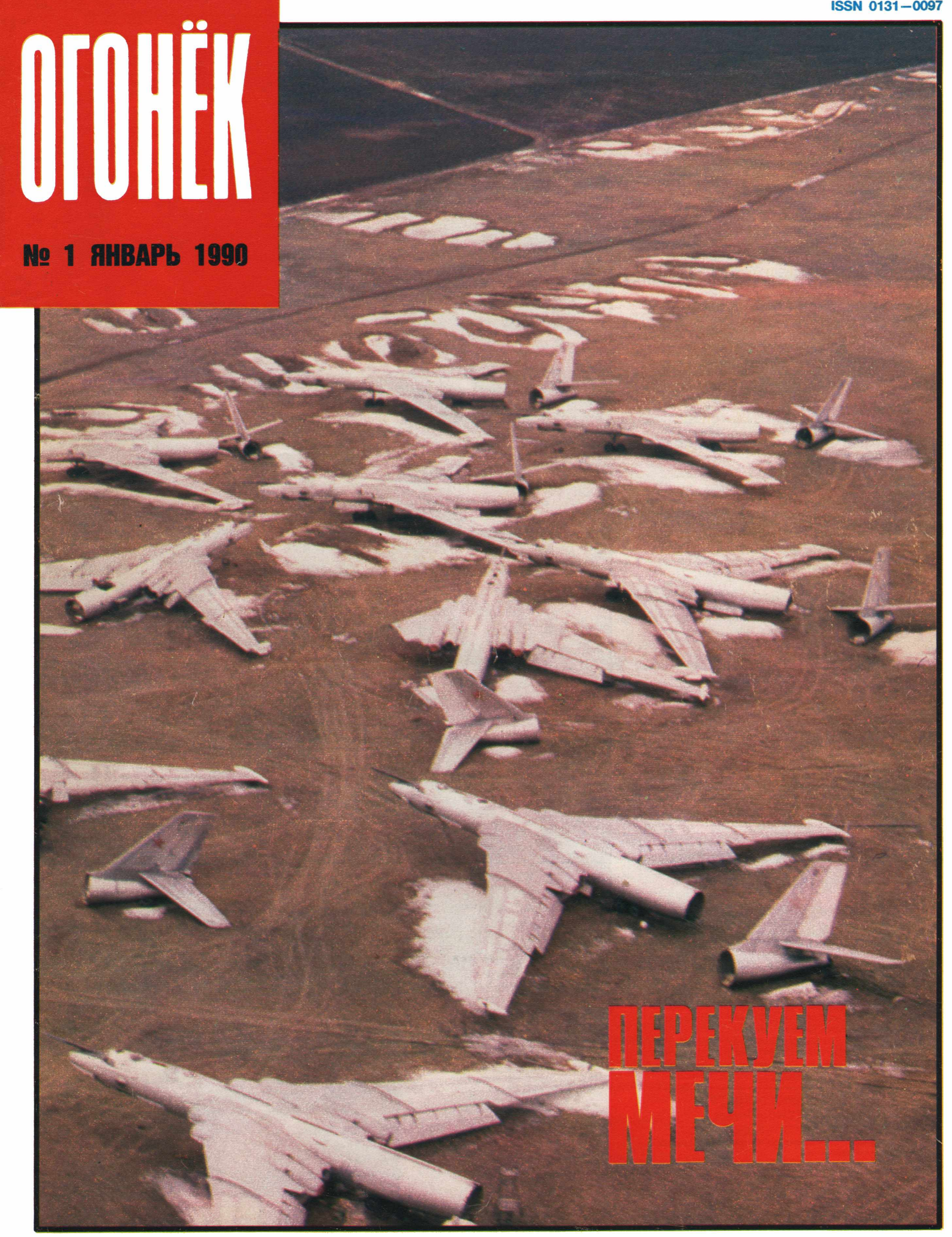
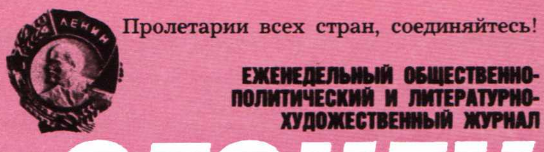
ОГОНЁК

№ 1 ЯНВАРЬ 1990

ISSN 0131—0097



ПЕРЕКУЕМ МЕЧИ...



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЕК

Основан 1 апреля 1923 года
30 декабря — 6 января
№ 1 (3258)
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Фото Александра ДЖУСА
(см. в номере материал «Перекуем мечи...»)

Оформление Ю. В. ДРОБЫШЕВА,
А. А. КОВАЛЁВА
при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 11.12.89. Подписано к печати 26.12.89. А 10635. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1597. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69; и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 251-89-83; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.



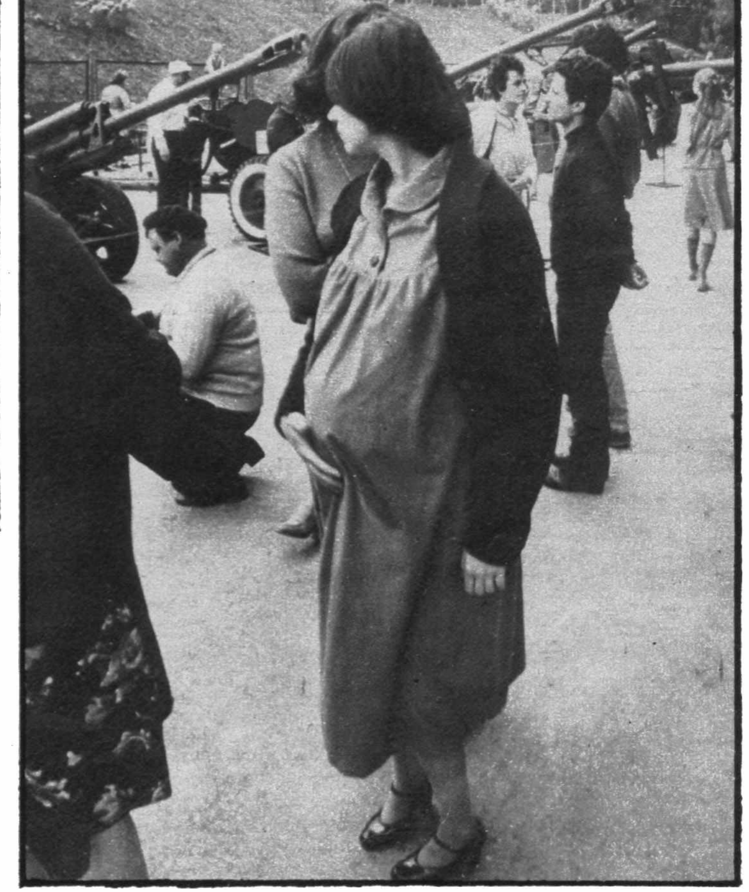






Фото Александра КНЯЗЕВА
(ИРКУТСК)

Фото Владимира ЛАРИОНОВА
(ПЕТРОЗАВОДСК)

Фото Валерия ВОЛОНТИРА
(КИШИНЕВ)

БЕССОННИЦА

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Мы —
боящиеся озонной дыры,
СПИДа и кооператоров,
нашпигованные с детства лекарствами,
слухами и нитратами,
молящиеся, матерящиеся,
стареющие и растущие,
следователи и подследственные,
работающие и бастующие,
спорящие: с чего начинать —
с фундамента или с кровли,
жаждущие
немедленной демократии
или крови,
мы —
типовые, типичные,
кажущиеся нетипичными,
поумневшие вдруг на «консенсусы»,
«конверсии»
и «импичменты»,
ждущие указаний,
что делать надо, а что не надо,
обожающие: кто — музыку Шнитке,
кто — перетягиванье каната,
говорящие на трех языках
и не знающие своего,
готовые примкнуть к пятерым,
если пятеро
на одного,
мы —
на страже, в долгу и в долгах,
на старте и на больничном,
хвастающиеся куском колбасы
или теликом заграничным,
по привычке докладывающие наверх
о досрочном весеннем севе,
отъезжающие: кто за свободой — на Запад,
кто за деньгами — на Север,
мы —
обитающие в общежитиях,
хоромах, подвалах, квартирах,
требующие вместо «Хлеба и зрелищ!» —
«Хлеба и презервативов!»,
объединенные, разъединенные,
-фобы, -маны и -филы,
предпочитающие бег трусцой
и детективные фильмы,
мы —
замкнувшиеся на себе,
познавшие Эрмитаж и Бутырки,
сдающие карты или экзамены,
вахты или пустые бутылки,
задыхающиеся от смога,
от счастья и от обид,
делающие открытия,
подлости,
важный вид,
мы —
озирающие со страхом
воспаленные веси и грады,
мечтающие о светлом грядущем
и о том, чтоб дожить до зарплаты,
мы —
идейные и безыдейные,
вперед и назад глядящие,
непрерывно ищущие врагов
и все время их находящие,
пышущие здоровьем,
никотинною слизью харкающие,
надежные и растерянные,
побирающиеся и хапающие,
мы —
одетые в шубы и ватники,
купальники и бронежилеты,
любители флоксов и домино,
березовых веников и оперетты,
шагающие на службу с утра по переулку морозному,
ругающие радикулит и Госплан,
верящие Кашпировскому,
орущие на своих детей,
по магазинам рыскающие,
стиснутые в вагонах метро,
слушающие и не слышащие,
мы —
равняющиеся на красное,
черное
или белое знамя,
спрашиваем у самих себя,
что же будет
со всеми нами?



ПЕРЕКУЕМ МЕЧИ...

Бывает, едешь по крупному промышленному городу, вокруг сплошь заводские корпуса, а вывесок у проходных, даже скромных табличек — ни-ни! Да что там город — целые регионы давно превратились у нас в «ящики». В иной отдаленный уголок России-матушки попасть не легче, чем в Монтевидео. По специальной визе и на строго ограниченный срок. И мы не удивляемся. Мы понимаем: так надо. Тут дело серьезное — военная тайна!

И вдруг «ящики» начали открываться, выпуская на вольный воздух свою секретную начинку. Мы узнали еще одно малопонятное заграничное слово — «конверсия». В энциклопедическом словаре оно объясняется так: от латинского conversio — превращение, изменение. Человеку сугубо мирному хочется понимать это слово в самом широком смысле. Изменение чего? Наверное, психологии. Ведь при нынешнем уровне развития техники играть в прятки — трогательная наивность: говорят, что «они» могут из космоса сфотографировать лежащий на земле спичечный коробок... Глядишь, вслед за изменением психологии произойдет и превращение. Недоверчивость и агрессия уступят место созидательному планетарному мышлению...

Но это все лирика. Для специалистов конверсия — серьезная народнохозяйственная проблема. Имеются производственные мощности, настроенные на выпуск ракет, танков, истребителей. Требуется в кратчайшие сроки переналадить их на производство товаров народного потребления. То, что раньше для «оборонки» было попутной мелочевкой, теперь должно стать предметом главной заботы.

Население облегченно вздыхает. Слава богу, уж если военные заводы подключили к выпуску ширпотреба, значит, пора откладывать деньги на видеосистемы, кухонные комбайны, персональные компьютеры. Там, у военных, все самое-самое: и оборудование, и технологии, и конструкторские умы.

Руководители же оборонных комплексов не торопятся разделить оптимизм несведущих граждан. Ну, во-первых, слухи о сверхсовременном оборудовании сильно преувеличены. Сколько угодно старых, допотопных станков и машин. Во-вторых, спущенный сверху план на ширпотреб не обеспечен соответствующими ресурсами — обходись тем, что имеешь. В-третьих, далеко не каждый конструктор, много лет бившийся, скажем, над разработкой новейшей подводной лодки, может с ходу придумать машину по производству макарон.

На роду у нас написано всегда и во всем быть первыми. И рады бы поучиться у других стран налаживанию конверсионных производств, да мало пригоден в наших условиях чужой опыт. Нигде нет таких военных заводов-гигантов с замкнутым производственным циклом. Попробуй сдвинь с места инертную махину, заставь ее плавно, без рывков катиться по мирным рельсам.

Еще инертнее привычка. Изо дня в день выполнял рабочий определенные операции, не задумываясь особо о конечном результате своего труда, не болея за сбыт продукции. Это на гражданке пусть волнуются, а здесь знающие люди уже обо всем подумали, все рассчитали. Выполняй добросовестно свою работу — и приличный заработок гарантирован. И вдруг все меняется. Вдруг от тебя начинают требовать предприимчивости, профессиональной смекалки, рацпредложений. У многих ли уцелели нужные качества? В рядах смятение и ужас...

Однако стимул весьма заманчив. Вся прибыль от производства предметов потребления остается на предприятии и оборачивается весомой прибавкой к зарплате. А поскольку у трудового коллектива полная свобода выбора, почему бы не взяться за что-нибудь простенькое, незатейливое, без всяких там сложных технологий и квалифицированного труда? Ну, например, за пошив меховых шапок. Или — прекрасная идея! — за изготовление картонных упаковочных коробок. Дешево и сердито. Однако всех, пожалуй, превзошел по находчивости один авиаремонтный завод, успешно освоивший выпуск... гробов! А что? Товар всегда ходовой.

Вот такая конверсия...

Неужто наша техническая мысль бессильна? Нет, конечно, уверенно заявляет командующий ВВС Московского военного округа генерал-полковник авиации Игорь Михайлович Дмитриев. Он называет только несколько видов продукции, которую оборонные предприятия могут начать выпускать в самом ближайшем будущем. Гидропневмосеялка. Ее использование даст значительный прирост урожая. Специальный кабель для ЛЭП. Сокращает потери при передаче электроэнергии, причем значительно. Оснащенные необходимыми приспособлениями больничные кровати, которые сейчас приходится покупать за валюту.

Естественный вопрос: что же мешает все это производить? Дмитриев видит главную причину в отсутствии единой комплексной конверсионной программы — все делается пока бессистемно, в спешке, непродуманно. Он же предлагает создать государственный промышленно-аграрный и оздоровительный консорциум. Уже название придумал — «Взлет». Оно напоминает Игорю Михайловичу о родной авиации, но и намекает на ожидаемые большие успехи столь необычной организации.

Представьте себе, что авиационные и авиаремонтные заводы, КБ начнут активно сотрудничать с самыми разными мирными предприятиями, расположенными по всей России, а также с колхозами и совхозами. Общие интересы, как мы убедились, находятся без труда. Выгода тоже взаимная. По замыслу Дмитриева, неразумно в качестве критерия успеха брать только заработки (а они будут, надо думать, немалыми). Часть заработанных денег следует обобществить и пустить на выполнение лечебно-оздоровительной программы — одной из многих программ, заложенных в деятельности «Взлета». Суть ее — в создании современных, с первоклассным медицинским обслуживанием диагностических центров для детей и взрослых, в строительстве санаториев, детских садов, семейных пансионатов для сотрудников консорциума. Причем строить предполагается не в столицах, а в областных центрах, повышая тем самым качество жизни в российской глубинке.

До удивительных времен мы все-таки дожили! Военные лидеры начинают мыслить в «очеловеченных» категориях, ставя вровень с обороноспособностью страны здоровье и благополучие ее жителей, улавливая между тем и другим важную взаимосвязь.

Тут можно было бы поставить точку, да не дает покоя еще один вопрос. Какова судьба той, уже произведенной военной техники, что ныне признана излишней?

С 11 по 17 декабря в Москве, в павильоне № 4 объединенных павильонов строительства ВДНХ СССР проходила первая Всесоюзная ярмарка-продажа имущества и техники Министерства обороны СССР и Коммерческого центра Мосгоргглавснаба. Покупателями могли быть все желающие: предприятия, организации, кооперативы, население. В день открытия ярмарки у входа толпилось около шести тысяч человек — столько на выставке не бывало и за год. В павильоне можно было встретить гостей буквально со всей страны.

Покупалось все. Особенно бойко шла торговля всевозможной техникой. Колхозы охотно покупали грузовики, автомобильные двигатели, платформы от зенитных орудий — сколько всякой всячины они могут выдержать с их грузоподъемностью! Один из кооперативов приобрел несколько радиостанций. Геологам понравились осветительные электростанции с автономным питанием. Директор Коммерческого центра Виктор Георгиевич Телегин в первые дни жаловался, что у него немеет рука — так много контрактов приходится подписывать. И удивлялся: до чего хорошо идут товары, даже те, что прежде подолгу залеживались! Вот что значит хорошая реклама и затеянная с размахом коммерческая деятельность. По предварительным данным, центр совершил сделок на сумму примерно в 10 миллионов рублей, а если учитывать всю прибыль от ярмарки-продажи (в ней участвовали и другие коммерческие организации из разных городов), то сумма возрастет вдвое.

И только главное действующее лицо — Министерство обороны — прямой выгоды от происходящего не имело. Оно просто действовало в рамках правительственного постановления под номером 231, согласно которому до конца года наше военное ведомство должно поделиться с мирными отраслями народного хозяйства своими материальными излишками на сумму в полмиллиарда рублей. Передача имущества и техники идет по оптовым ценам, все денежные перечисления прямиком направляются в госбюджет.

Хорошее дело. Полезное. Но, как любое новшество, изобилует недоработками. Почему военные люди должны вникать в тайны маркетинга? Передать бы все имущество, подлежащее реализации, торговому посреднику, и пусть он распоряжается им по своему усмотрению. Но пока не выходит — не оговорен в правительственном постановлении такой пункт.

Впрочем, с продажей все более или менее благополучно. Куда хуже обстоят дела с той военной техникой, которая просто уничтожается. Мало кто знает, к примеру, что множество боевых истребителей с переломанными хребтами ржавеет сейчас под дождем и снегом. Их резали автогеном, крушили киркой, разламывали руками. А теперь не берут даже на металлолом.

Техника техникой, но есть еще и летчики. Подготовка каждого из них обходится нам, налогоплательщикам, в сотни тысяч рублей. И вот целые отряды воздушных асов становятся безработными. В одночасье. Многие к тому же и бездомными. Военное ведомство, отлучая квалифицированных пилотов от работы, не слишком задумывается об их дальнейшей судьбе. Тем временем в летные училища, как и всегда, идет набор курсантов, на их подготовку тратится из государственной казны и не сосчитать сколько миллионов рублей.

Никто не против конверсии. Без нее не сможем мы двигаться вперед ни в области экономики, ни в области духа. Но давайте все-таки научимся подходить к делу, тем более благому, грамотно и обдуманно. А то, не ровен час, изменения и превращения (помните латинское conversio?) как в дурном сне начнут совершаться вовсе не в ту сторону...

Людмила САЛЬНИКОВА



После публикации в № 50 открытого письма Маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева мы получили конверт с тремя вложенными в него письмами. Авторы их — члены Ленинградского комитета социальной защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей.

ПИСЬМА МАРШАЛУ

■

Не такого выступления в печати ждали мы от вас, товарищ Маршал Советского Союза. Мы ждали правды. Горькой, но правды.

Некоторые ваши высказывания просто поражают.

Вы пишете: «Военный переворот может пониматься только так — свержение существующего строя». Если следовать вашей логике, ни один из военных переворотов в мире таковым не является. Выходят на площади танки, льется кровь, заполняются концлагеря, свергается политический лидер... Но ведь общественный строй как таковой не меняется. Значит, военного переворота, скажем пиночетовского, не было?

Конечно, то, что произошло в начале 70-х в Чили, у нас сегодня маловероятно. Но кто стоял рядом с Н. С. Хрущевым при аресте Берия?

Теперь мы знаем правду и о Тбилиси. Оказывается, было совещание в ЦК КПСС под руководством товарища Лигачева, на котором присутствовал кандидат в члены Политбюро товарищ Язов. Там было принято решение «помочь тбилисским товарищам». Где гарантия, что завтра на таком же совещании не будут даны рекомендации другим генералам?

До весны 1985 года наше общество жило по принципу: тот прав, у кого больше прав. И беспрекословное выполнение приказа командира переросло в беспрекословное чиноподчинение, поразившее наши Вооруженные Силы. Офицер или генерал, высказывавший точку зрения, отличную от взглядов руководства, тут же превращался в склочника и очернителя. Армия стала жить по формуле «что прикажут — то и захотим». А это страшно.

Вы говорите о преданности генералов, адмиралов и офицеров социалистическому строю. О каком социализме речь? Нины Андреевой? Брежнева? Сталина?.. Вы не уточняете, но из вашего письма можно сделать вывод, что вам по духу ближе социализм с жестким, административным руководством.

Как говорится, цифры беспристрастны. Но, подгоняя их, можно оправдать любую концепцию. В редакционном ответе уже оспорен ряд ваших цифровых данных, а в отношении других поставлены вопросы.

Сведения о своих Вооруженных Силах мы, как правило, вынуждены черпать из иностранных источников. Секретность! Но почему остаются засекреченными имена тех, кто ответствен за трату народных средств на производство 10 тысяч танков, 8,5 тысячи артсистем, 820 самолетов, уничтоженных сегодня?

Почему вы ни словом не обмолвились о существовании у нас бесконтрольного промышленно-военного комплекса? Сознательно ставлю слова в таком порядке, ибо в США военно-промышленный комплекс контролируется деятельностью пятнадцати комиссий, а у нас промышленно-военный комплекс производит и, как правило, заставляет военных принимать на вооружение те системы, которые удовлетворяют промышленно-военный начальствующий аппарат, но не армию и флот.

Вы декларируете: «За всю историю нашего общества армия и флот в антисоциалистических действиях никогда не участвовали». Но как назвать действия армии по раскрестьяниванию при помощи пулеметов? А оцепление громадных территорий на Украине во время голода? А выселение народов? Дополним этот список Новочеркасском, Чехословакией, Афганистаном?

Вы риторически спрашиваете: «Но кто, кроме КПСС, может сегодня заниматься политическим воспитанием личного состава?..» Отвечу: офицер-Гражданин. Около 80 процентов офицеров — члены КПСС. И они в состоянии проводить политику партии в Вооруженных Силах. И поэтому не надо отождествлять существующие сегодня брежневские политорганы, эту армейскую партократию, с партийными организациями.

Роль партии в руководстве Вооруженными Силами определена в первом пункте «Инструкции организациям КПСС в Советской Армии и Военно-Морском Флоте», датированной 16 февраля 1973 года: «Основой основ военного строительства является руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами, повышение роли и усиление влияния партийных организаций на все стороны жизни и деятельности армии и флота». Это значит, что у нас не правительство, а именно КПСС руководит армией.

Так нарушается у нас основной принцип построения любых вооруженных сил, принцип единоначалия. Так возникают и существуют не на благо армии две параллельные структуры управления:

— политорганы с их контрольными и прочими функциями;

— командиры, готовящие армию и флот к защите отечества.

Нам необходима сильная армия. И именно поэтому в ней не должно быть дурного дублирования структур, то есть безответственности.

Политический аспект военного строительства необходимо привести в соответствие с Конституцией, провозглашающей мирное сосуществование. Иначе Конституция превращается в фарс.

Военное строительство должно вестись в строгом соответствии с оборонительной военной доктриной. И военная доктрина должна быть направлена не на подготовку к войне, а против войны, на упрочение устоев международной безопасности, на борьбу с международным терроризмом.

Доказано, что способность нанести агрессору неприемлемый для него ущерб — это объективный фактор стратегической стабильности. Сегодня, когда стало аксиомой, что в глобальном ядерном конфликте победителей не будет, военная мощь государства в значительной мере зависит от качественного, а не количественного состояния Вооруженных Сил. Вот потому наши Вооруженные Силы и наше государство от армейской перестройки только выиграют.

Сейчас противостояние двух социальных систем — это равновесие страха. А это отнюдь не достаточное условие равной безопасности. Важно добиться значительного снижения уровня военного равновесия, и в перспективе здесь полное исключение всех видов оружия массового уничтожения из военных арсеналов обеих сторон. И важнейший качественный критерий безопасности есть разумная достаточность обороны. Достаточность как показатель соотношения сил, не позволяющих вести широкомасштабные наступательные операции.

Это и есть ответ на ваш вопрос, какие Вооруженные Силы нам нужны. И не только нам — миру.

Потому что все прочее — чревато войной и гибелью человечества.

А теперь конкретно, как же добиться армейской перестройки?

В США при переходе к профессиональной армии несколько снизились расходы на ее содержание. Проблем с набором у них тоже теперь не существует.

В век научно-технической революции пора и нам отказаться от старых, изживших себя подходов к комплектованию Вооруженных Сил. Понимаю, что людям пожилым это нелегко. Но время требует. Только переход на профессиональную (добровольческую, наемную) армию может резко повысить ее боеготовность и боеспособность. Идея профессиональной армии, естественно, вытекает из статьи 31-й нашей Конституции.

И военно-политические, и геостратегические условия нашей страны при наличии ракетных войск стратегического назначения позволяют иметь высококачественные, мобильные сухопутные войска, ПВО, ВВС и ВМФ гораздо меньших размеров, чем те, что существуют сегодня.

Экономия очевидна. Не надо содержать мешающие армии политорганы, огромные штаты военкоматов. Не надо тратить такие средства на постоянное обучение новобранцев, осуществлять их массовые перевозки и т. д. Специалистов перестанут отрывать от труда в народном хозяйстве под видом всякого рода сборов и переподготовок. Неумелые, недоученные солдаты перестанут ломать дорогостоящую технику, сами перестанут калечиться и калечить друг друга.

Не секрет: сегодня военно-строительные части выполняют работу, которую в сталинские времена выполнял ГУЛАГ. Может быть, потому в этих частях и поныне царят почти гулаговские порядки и традиции. Качество строительства, разумеется, тоже соответственное. Так кому это выгодно? Армии? Государству? Обществу? Кому выгодны разбазаривание ресурсов и рабский, неоплаченный труд? Кому и для чего нужен этот почти троцкизм (если вспомнить идеи Троцкого о трудовых армиях)?

Надо сознательно закрывать глаза на армейскую действительность, чтобы не видеть:

— Вооруженные Силы должны быть профессиональными.

— Перестройка в армии требует качественно новых руководителей высшего командного звена.

— Единоначалие должно быть не декларированным, а фактическим.

— Командиры должны опираться в своей работе на парторганизации, а не на политорганы, подменившие собою партию в армии.

— Армейские и флотские парторганизации должны строиться по территориально-производственному признаку, как и вся партия согласно Уставу КПСС.

Сегодня военнослужащие и члены их семей — социально наиболее незащищенная часть нашего общества. Не так давно по телевидению показали бомжа в генеральской форме. А сколько офицеров, мичманов и прапорщиков постоянно ощущают собственную неуверенность в завтрашнем дне? Почему? Да потому, что социальная защищенность на деле обеспечивается только экономической защищенностью. И это тоже аргумент за профессиональную армию.

Гласное решение кадровых вопросов: создание при кадровых органах комиссий социальной справедливости, призванных бороться с протекционизмом, контроль за наболевшими вопросами жилья и соцкультбыта, упрощение порядка увольнения офицеров в запас — все это восстановит престиж офицерской профессии, без всего этого нам уже не обойтись.

И последнее. Честные журналисты помогают обществу увидеть язвы на больном теле Вооруженных Сил. Наша задача — вылечить эти язвы, а не прикрыть фиговыми листками «некоторых негативных явлений». А военный начальствующий аппарат вместо конкретной работы сегодня держит глухую оборону, навешивая любому, у кого болит душа за армию, ярлык некомпетентности или очернительства.

Да, существуют военные тайны. Но общество обязано контролировать дела военного ведомства, ибо Вооруженные Силы — слишком серьезное дело, чтобы доверять их строительство одним военным. И министр обороны, видимо, должен быть не в погонах. Заявляю это как кадровый военный, как гражданин своей Родины.

Я родился в 1953 году в офицерской семье. Вырос в гарнизоне. А в 1970-м сам надел форму. Одиннадцать лет на Северном флоте служил на атомных подводных лодках первого поколения. И звание капитана II ранга получил тоже на Севере. Я не хочу сказать, что предан Вооруженным Силам больше вашего, товарищ Маршал Советского Союза, но не меньше — это точно.

Честь имею.

Капитан II ранга В. СЕРГЕЕВ

■

Мне 55 лет, я профессиональный военный, прослужил в Вооруженных Силах 37 лет, восемь — был суворовцем. С 28 сентября 1989 года — в запасе.

Полностью согласен с тем, что «Советский Союз сегодня должен иметь сильные и современные Вооруженные Силы», но вот со многими другими положениями письма тов. Ахромеева согласиться не могу.

Всех военнослужащих, и в первую очередь офицерский состав, волнует прежде всего обстановка, сложившаяся в самих Вооруженных Силах, а не вокруг них. Ни меня, ни других никакие критические публикации об армии ни напугать, ни разложить не могли и не могут. Хуже и больше того, о чем мы сами знаем, ни одному журналисту и не придумать даже.

Правда и открытость, жесткая временами, может быть, и жесто-

НАША СТАТИСТИКА:

**В 1987 году на «Огонек» подписалось 561 415 человек, к началу 1988 года — 1 313 349, 1989 года — 3 082 811,
а к началу 1990 года — 4 454 573 читателя.**

В 1986 году редакция получила 15 372 письма, в 1987 году — 49 618, в 1988 году — 112 842, в 1989 году — 153 894 письма.

Спасибо!

кая критика здоровому организму не повредят, а больному в любом случае будут на пользу. Можно разрисовать все яркими красками! Если от этого в родной мне армии стало бы лучше, я немедленно приступил бы к этому и других привлек бы.

В том, что взгляды Сергея Федоровича, уверяет он, разделяет большинство кадровых военнослужащих, я здорово сомневаюсь — здесь тов. Ахромеев С. Ф., по-моему, сильно заблуждается. По собственному опыту знаю, выступать от имени многих, да еще стоящих ниже тебя на служебной лестнице, без хотя бы элементарного опроса, не говоря уж о социологических исследованиях, в наше время весьма опрометчиво.

Постоянное общение с будущим нашей армии, офицерами 27—35 лет, дает мне основание с учетом их мнения заявить, что наши Вооруженные Силы нуждаются не в пресловутом усовершенствовании, «устранении отдельных недостатков и некоторых негативных явлений», а в коренной реформе, в коренной ломке самих подходов к Вооруженным Силам.

Статья 31 Конституции СССР определяет главную задачу Вооруженных Сил, требует от них «быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору». Какая армия лучше и меньшей кровью справится с этой задачей? По нашему мнению, конечно, профессиональная. В одном из лучших фильмов об армии — «Офицеры» один из его героев говорит молодому красному командиру: «Есть такая профессия — защищать Родину». Мы часто цитировали и цитируем эту фразу на политических занятиях с солдатами и в системе марксистско-ленинской подготовки — с офицерами. Если все согласны, что есть такая профессия, то должна быть профессиональной и сама армия, которую автор письма упорно называет «добровольческой» и наемной. В то же время мы с ним оба называем себя профессионалами, а не наемниками. Сегодня наша армия является полупрофессиональной; осталось совсем немного: чуть больше 40 процентов ее численности (1,5 миллиона из 3,76 миллиона) перевести в профессионалы.

Утверждают, профессиональная армия — это дорого. А кто по-настоящему считал? Расчеты, которые приводит тов. Ахромеев С. Ф., не убеждают.

Рассуждения же о необходимости дополнительного строительства квартир и учреждений соцкультбыта вообще не корректны. В профессиональную армию придут ведь люди не из- за границы, а советские, которые всеми этими благами к 2000 году будут обеспечены и на гражданке. Не будет же гражданин СССР, посвятивший себя службе в СА и ВМФ, занимать две квартиры — одну гражданскую, другую военную; лечиться в двух медицинских учреждениях; водить ребенка в две школы, два садика. Кстати, на 1,5 млн. солдат и сержантов, которых нужно будет перевести из казармы в квартиры, зарплата, если взять даже в среднем по 500 руб. на человека, составит в год 9 млрд. (это нормально). Но мы не учитываем и то, что переход на профессиональную армию приведет к значительному сокращению аппарата управления, имеющейся у нас сейчас тьмы начальников, особенно в верхних эшелонах, а здесь денежек высвободится тогда немало, а ух... сколько!

И вообще я не понимаю, почему уважаемый мною искренне и по-настоящему большой военный, каким является Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев, настаивает, что для армии будет целесообразнее побольше и подешевле, а не получше, хотя, может быть, и подороже, или в пределах выделенных средств, но главное — получше!

Относительно подготовки резервов на случай агрессии. Эту задачу можно с успехом решить на основе обязательного всевобуча путем создания специальной системы учетных центров для подготовки резервистов.

Сейчас же в нашей армии, которая превращена во всеобщую строительную команду, где личный состав постоянно что-то воздвигает или ломает, копает, зарабатывает на ближайших, а иногда и за сотни километров предприятиях цемент, блоки, плиты, балки, металлоизделия, пиломатериалы и прочее или работает просто по просьбе местных руководителей, где, как сегодня горько шутят офицеры, боевая подготовка занесена в Красную книгу, где резервы готовятся плохо и серьезных сдвигов при прежней постановке дела не предвидится.

Если мы не в состоянии содержать офицерский корпус такой численности, то зачем же мучить людей?!

Не понимаю, почему КПСС отождествляется с политорганами? Почему первичные партийные организации частей, учреждений, штабов и управлений не могут напрямую замыкаться на местные партийные комитеты (райкомы, горкомы и т. д.)? Может быть, в свое время мы бы избежали многих безобразий в армии, будь мы по-настоящему ближе к партии. Громадная, сугубо ведомственная структура политорганов себя изжила, стоит как заслон между армией и народом, работая сама на себя.

Необходимость перестройки всей партийной работы в армии понимает и большая часть политработников. Сколько их, людей добросовестных, способных, особенно в низовом и среднем звене, вместо того, чтобы заниматься делом, работать с людьми, вынуждены для подпитки разбухшего до невероятных размеров вышестоящего аппарата писать никому не нужные бумаги, придумывать для верхов очередные почины, заполнять надуманные несуществующие показатели и т. д.! А сколько политотделов расплодилось в центральном аппарате? Кого они там воспитывают? Там самая маленькая штатно-должностная категория «подполковник», а в основном полковники и генералы служат, половина из которых уже дедушки... Бросить все эти средства, которые расходуются впустую на аппарат, «воспитывающий» взрослых людей, на воспитание детей и юношества, где у нас работы невпроворот, а денег почему-то не хватает, было бы полезнее.

Так же, как и маршал, думаю — переворот военный в нашей стране невозможен, хотя по другим причинам. А вот дворцовый переворот при опоре на армию или при молчаливой поддержке ее руководства — это запросто; исключать нельзя его, примеры тому в нашей истории имеются.

Не понял я, к кому относится такой содержащийся в письме лозунг: «Военнослужащий не просто защитник, он убежденный и сознательный защитник социалистической Родины. Использовать его в каких-либо антинародных, антисоциалистических целях не удастся никому». Но ведь кому-то все же удалось — Новочеркасск, Чехословакия, Афганистан. Значит, должен быть выработан механизм, чтобы не удалось никому использовать...

На месте же наших военных руководителей я, вместо того, чтобы затевать тяжбы с органами печати, обратился бы к офицерам, провел бы социологические исследования с привлечением военных и гражданских ученых, узнал бы подлинные настроения людей, их предложения. Эти современные 30-летние ребята, стойко переносящие все тяготы нелегкой офицерской службы, здорово, не хуже нас, 50—60-летних, соображают. Их мнения наряду со своим я и попытался выразить.

В. В. ШАТАЛОВ,
генерал-майор запаса

■

Разрешите, товарищ маршал, с вами не согласиться по некоторым позициям.

1. Долг Вооруженных Сил СССР перед народом — надежно защищать социалистическое Отечество, быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору. Это положение Конституции СССР, и его никто не отменял. А каким образом использовались наши Вооруженные Силы начиная с 1950 года? Вьетнам, Египет, Венгрия, Чехословакия, Афганистан — это далеко не полный перечень, не говоря о Новочеркасске, Грузии. Мое поколение всегда учили, что боевая готовность наших войск на защите Родины — главная задача. Кого же мы защищали за границей и почему до сих пор наши войска находятся там? Я внимательно знакомлюсь со схемой, которую вы приложили к своему письму. Действительно, впечатляющие картины. Еще немного, и я поверю, что на протяжении 72 лет Советской власти на нас все хотят напасть «хором». А как же новая оборонительная доктрина? Не потому ли нас так долго держат в «изоляции» в мире, что мы сами оккупировали ряд стран и многие годы насаждаем им свою идеологию, вмешиваемся во внутренние дела. У вас довод о большом количестве Вооруженных Сил один — вокруг нас базы и все агрессивно настроены.

Благодаря перестройке у многих стран изменилось к лучшему отношение к СССР. И я уверен в том, что если мы покажем всему миру добрые отношения и выведем все войска, то еще больше получим доверия от разных народов. Так что это зависит только от нас. Но мучить людей постоянными угрозами нападения на нас — это просто, Сергей Федорович, несерьезно.

2. Армия нужна нашему государству, и с этим, я думаю, сегодня никто не спорит. Но нужна ли она такая по количеству и качеству? Думаю, что нет. Идеальный вариант — это наемная армия. Но всем понятно, что в наших экономических условиях именно сегодня ее не создашь. Но тем не менее заранее надо готовиться. И вот почему. Каждый человек живет на земле одну небольшую жизнь и прожить ее хочет как можно лучше. Человек должен трудиться и иметь право на свободу выбора своей профессии. Не будем лукавить, товарищ маршал, сколько молодых ребят, не поступив в вузы, пошли в военные училища, и не потому, что хотели быть военными. А сколько их сразу же поступают в военные училища, так как или боятся не поступить в вузы, или сами не знают, чего хотят. Да и как их судить в 18 лет! А дальнейшая судьба таких ребят? Нужны ли они армии? И раньше, и сейчас, разочарованные выбранной профессией, юноши отчисляются из военных училищ, а еще хуже увольняются из армии, будучи офицерами. Это явление мы наблюдаем сегодня в связи с сокращением Вооруженных Сил. Все ли молодые люди сегодня готовы служить в армии? Конечно, нет. Я не беру во внимание тех, кто по медицинским показаниям негоден к солдатской службе. А как быть с теми, кто психологически не готов к этому? Их много. И именно такие становятся потерпевшими по уголовным делам о неуставных взаимоотношениях или же уклоняются от военной службы и — самое страшное — кончают жизнь самоубийством. Сергей Федорович! Я предвижу ваши возражения и размышления о мужчине-воине, о физической подготовке и т. д. Но не надоело ли нам играть с детства в войну, муштровать школьников и, что позорно,— школьниц одевать в рубашки военного образца? Ведь достаточно будет людей, которые действительно с желанием будут служить добровольно, заключив контракт, например, на 5 лет.

О количестве Вооруженных Сил в нашей стране и об их качестве уже пишут много. Я согласен с теми авторами, которые предлагают создать армию в два раза меньше против настоящей. Но в армии каждая воинская часть должна заниматься только своим святым делом — боевой подготовкой. На сегодняшний день одна треть личного состава воинских частей занимается всем чем угодно, но только не этим. Сюда я могу отнести строительство, на котором неквалифицированные солдаты (а не военные строители) получают травмы различной тяжести, уборку урожая, собирание металлолома (каждой воинской части отведен конкретный план сбора), подготовку к помпезным парадам в связи с праздниками и т. д., так не лучше ли будет, если командир и его личный состав будут добровольно исполнять свой долг? А гигантский аппарат управления?.. И не мне вам объяснять, сколько военных объектов недостроены сегодня за последние хотя бы пять лет и брошены на произвол судьбы. Сколько народных денег израсходовано. И сколько еще будет израсходовано в будущем! А вы боитесь, что наемная армия дорого обойдется народу. Не дороже, чем сейчас мы тратим на Вооруженные Силы. Можно ли производить расчеты, не придя к какому-то оптимальному решению о современном построении армии? Если вы и другие военачальники Генерального штаба будете говорить о некомпетентности всех остальных военнослужащих в вопросах построения новой армии, если не пожелаете выслу-

шать оппонентов, то у нас еще долгое время перестройка в армии не начнется. Я лично вижу армию мобильной, технически оснащенной, немногочисленной, сформированной любящими свою профессию людьми, высокообразованными, воспитанными, физически развитыми. Кроме освобождения людей от воинской повинности, мы решим с созданием наемной армии и много других проблем, за которые болит душа у людей. Это передача техники в народное хозяйство, передача плодородных земель для сельского хозяйства, освобождение предприятий от обязательного выполнения плана по продовольствию для армии и т. п. Мы решим самую большую проблему в армии — неуставные взаимоотношения между военнослужащими и уклонение от военной службы. Преступность и армия должны быть понятиями несовместимыми. Преступность в армии — это позор, это трагедия для нашего общества. Общество больно, больна и армия. Насилие в детских садах, школах, профтехучилищах — это общие причины преступности в армии. Да, мы их призываем в 18 лет, уже созревшими к взрослой жизни. Мы вправе предъявлять претензии к их родителям, воспитателям, учителям и т. д. Но вот мы их приняли в воинскую часть. Как оградить этих молодых парней от унижения, издевательств со стороны «старослужащих»? Каждый призыв одно и то же, из года в год. О высокой материи мы очень много говорим. А о положении в войсках, на местах, к сожалению, знаем по рапортам и устным докладам. Этот упрек я отношу ко всем без исключения должностным лицам Министерства обороны, Генерального штаба, Главного политического управления. При создании наемной армии, я уверен, неуставные взаимоотношения между военнослужащими, уклонения от военной службы и другие воинские преступления отомрут сами собой. И последнее. В нашем обществе создалась такая обстановка, когда все хотят жить лучше, но что-то всем мешает. По моему глубокому убеждению, мешает нам нетерпимость к иной позиции, нежелание выслушать иное мнение. В армии это особенно ощущается.

Сергей Федорович! Давайте послушаем мнение солдат, сержантов, офицеров, генералов, маршалов и гражданских людей. Я предлагаю развернуть дискуссию о нашей армии, о путях ее улучшения. Это нужно делать гласно, демократично, без преследования за критику, без напора. Еще раз, давайте будем терпимы друг к другу, уважать мнение каждого. Ведь все мы живые люди с нашими достоинствами и недостатками. Не надо друг другу причинять боль. В споре рождается истина, и к этой истине надо идти вместе, в одном строю с солдатом, офицером и генералом. Наше поколение никогда не забудет тех, кто ради нашей жизни на земле проливал свою кровь. Я лично всегда с уважением относился и отношусь к нашей с вами профессии и надеюсь, что правда об армии, какой бы она горькой ни была, поможет возродить уважение и любовь народа.

Л. М. ПОЛОХОВ,
подполковник юстиции, заместитель военного прокурора

Мирча Динеску — известный румынский поэт, родился в 1950 году, автор восьми книг на родном языке и нескольких сборников в переводах на английский, французский, немецкий и другие европейские языки. Ему принадлежат румынские переводы из Лермонтова, переводит он и современных советских поэтов.

Как многих настоящих поэтов, М. Динеску отличает трагическое мироощущение, вполне оплаченное судьбой.

В последние годы поэт жил под домашним арестом.

Сегодня он член Совета Фронта национального спасения Румынии.



Мирча ДИНЕСКУ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Роза больше не благоухает,
но зато она может запросто слопать
кило мяса
или проплыть под поверхностью
океана
от брега до брега
с полосочкой нефти, застрявшей
в зубах.
И, поскольку в новейших учебниках
по анатомии
сердце похоже на опухоль,
я прошу вас: в час
инфекционнейшего заката
не целуйте меня — я и так
задыхаюсь от крови,
отворите скорее мне вену,— дайте
вздохнуть.

РЖАВЕЮЩИЙ

Поелику на Луне мы уже учредили
правительства —
нам теперь остается
внедрить калачи, оснащенные
челюстями и зубами.
Механизированная радуга,
подстригающая апрельский дождь;
икона, выезжающая на гусеницах...

Боже наш милосердый,
как в цирковом балагане извлекаешь
Ты из рукава
могилы для нас.
Слава —
в мутном отсвете Твоего нимба —
надраивает сапоги.
Обезьяна, подпрыгнув, заклинивает
стрелки времени.
Где же, Господи, Твое сладостное
слабоумие дурака,
нанизавшего города на веревку,
чтобы их оттащить
в близлежащую рощу?
Загрязненное море заплещет
волнами,
устремленными к девственным
звездам...

На кладбище автомобилей я видел
ржавеющего ангела.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ ЧЕТВЕРТОГО МИРА

Арбузная корка, плывущая через
босфор муравьев;
газета, вконец потерявшая память;
картошка, облезлая от загара;
консервная банка, заржавевшая
от детских слез;
нож, проклятый и отлученный
Папой и репой;
дырявая флейта в устах у канавы;
ботинок с видом на море;
бутылка, из которой высосан смысл;
истеричный лимон...
Последний твой шанс, колумб
помоек и свалок,
прорицатель по звездам на крыльях
жуков:
мир воскреснет, если ты только
согласишься, что все это не:
лимон, бутылка, ботинок, дырявая
флейта,
консервная банка, нож, картошка,
газета,
арбузная корка...

ГЕРНИКА

Там, где проносят они свое
отсыревшее воображение —
изобилие мхов и лишайников, и лоси
стоят, как цветник,
лампы проглатывают с отвращением
свои жирные фитили,
как мудрецы — язык перед тираном,
а юные боги, рожденные
в говорливых кафе,
по ночам исчезают в товарняках,
летящих на юг —
без свидетелей приговоренные
к обязательной,
принудительной
путаной мифологии:
собирать ростки флейт в камышах
на болотах
или рыть под дождями могилы себе,
прорывая
выход к морю...
О юные боги, хрупкие боги,
смерть — это родина без газет.

КТО ОНИ?

Кто они, Господи, эти инспектора
пеленок,
существа, осененные нимбами
«ВХОД ВОСПРЕЩЕН»,
способные перепутать рожденье
детей с производством,
а мое одеяло — с вокзалом;
стоит ключиком им повозиться —
и в старой притче
блудный сын возвращается прямо
в руки полиции,
и так странно дышат они,
что у меня на столе гаснет лампа
в полночь, в тот час,
когда тех, кто не выдержал,
спятил,— выносит на берег
прилив,
а слух бедуина ласкает журчание
нефти,
под которое требует он от нас
плясать для него
танец живота.

ОТПУЩЕНЬЯ ЗИМЫ

Упаси меня, Боже, от всяких
благожелателей,
от добрых приятелей, готовых
поддать всякий час,
от священника с магнитофоном
под рясой,
от одеяла, под которое
не заберешься, не сказав:
«Добрый вечер»,
от диктаторов, запутавшихся
в струнах арфы,
от вечно обиженных
и разобидевшихся на свой народ
сейчас, когда приближается
злая зима,
а у нас — ни стен крепостных,
ни гусей этих римских
вокруг Капитолия,
и все, чем мы запаслись,
терпенье и страх.

БЕСКОНЕЧНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Три дурацкие мачты воздвиньте
на мне: — в этот вечер
я — трансатлантик окраины,
я — пасмурный,
ослепленный фарами пес,
которого местные паханы
забрасывают камнями,
а бродяги и алкаши — подманив
куском сала —
целуют взасос.
Здесь тоска разлилась вместо моря,
здесь продрогший, беспаспортный
Бог
будет — из благоразумья — убит
на рассвете,
здесь влюбленные сами себя —
как компот — закатывают
в банки,
здесь старики,
не шелохнувшись, стоят,
прижавшись к стене,
здесь разве что кашель звучит
непритворно,
здесь шумный эфир
проносит над свалками вечные
радости жизни:
футбольный матч, взволновавший
семейство,
неподзапретное мычание радиолы.
Весна стучится в окошко перстами
зеленых мух,
и я сомневаюсь уже: существуешь
ли ты? —
покуда опять не коснусь твоих губ
горькими губами.

МЕЛОДИЯ АРМСТРОНГА

В час вечерний, когда выходят
оркестры
на мокрое дело
и на пенных пивных волнах
семь тысяч пьянчуг
отплывают в Америку,—
в этот именно час
постучится к тебе
кенгуру из кошмара беременной
девы,
письмоноша с полной сумкой угроз.
Ты бежишь на улицу — подлечить
свое воображение,
здесь тебе дозволено многое —
из презрения и отвращения.
Ну так вот —
как потухший вулкан
с глоткой, забитой пустыми
бутылками и газетами,
преподнеси в этот вечер туристам
сюрприз
и сыграй на трубе, жаркой лавой
плеснув из жерла,
мелодию Армстронга.

Перевел с румынского
Лев БЕРИНСКИЙ.

ПРЕТЕНДЕНТ

В КОМ ИЩЕТ СВОЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ МЕЧТА О «КРЕПКОЙ РУКЕ»?

Игорь ГАМАЮНОВ



олжен ли провалившийся руководитель просить отставку? Или хотя бы не претендовать на более высокий пост?.. Прошу простить за риторические вопросы, но история, которую я расскажу, вынуждает задавать их.

История удивительная. Представьте: область не может себя прокормить, затеянная в ней мелиорация губит землю, народ бежит из села. А первое лицо этой области пытается стать первым заместителем Предсовмина СССР по... продовольствию и заготовкам.

Эпизод этот остался не замеченным телевидением. В то время как по второй программе вся страна видела кандидатов в члены правительства — тех, кого наш парламент утвердил, и тех, кого темпераментно отверг, это лицо осталось за кадром. Его отвели чуть раньше, на ближних подступах к высокой власти — на заседании депутатского аграрного комитета. Но тем не менее один из депутатов все-таки сказал о нем: «По-моему, он подходит на этот пост. Он волевой. Боец. Будет драться за сельское хозяйство. Пробивная сила есть».

Да-да, мы развенчиваем командно-административные методы, авторитарных руководителей, их некомпетентность и произвол, кажется, все, развенчали, пора ставить точку. И вдруг выясняется: жива еще мечта о «крепкой руке».

Начались выборы в местные органы власти. Нам наверняка придется увидеть среди претендентов и обладателей «пробивной силы».

Давайте всмотримся в одного из них.

«— Алло, приемная Калашникова? Соедините меня с Владимиром Ильичом.

— Представьтесь, пожалуйста. Так. Оставьте ваш телефон. Владимир Ильич будет через несколько минут, я вас соединю».

(Из телефонного разговора.)

Это был третий день моих попыток поговорить с первым секретарем Волгоградского обкома партии. То мне объяснили, что он на встрече с ветеранами. То — уехал обедать, то — плохо себя почувствовал и отправился к врачу. Тут я встревожился, спросил, что с ним. Вежливый женский голос успокоил — легкая простуда, завтра наверняка будет. И вот назавтра — удача: меня обещают соединить с ним через несколько минут.

Прошло полчаса. Звоню снова. На этот раз в трубке — мужской голос. Представляется: Тузиков Игорь Николаевич, помощник Калашникова по связи с прессой.

— Владимир Ильич сейчас срочно уехал,— сообщает мне И. Н. Тузиков,— и просил меня переговорить с вами.

— Но мои вопросы касаются лично его. На него поступила в редакцию жалоба. Прежде чем направлять ее по инстанциям, необходимо услышать его мнение. А то вдруг это недоразумение.

— Я ему передам. Но он будет к концу дня. Не раньше 17 часов.

— Хорошо, я подожду.

Разговор шел в 10 часов 45 минут, и я настроился ждать целый день. Но уже через пять минут телефон разрывался от призывно-коротких, междугородных трезвонов. Снимаю трубку.

— Соединяем с Калашниковым.

Поразительно, как он, только что «срочно уехав», успел за пять минут «срочно вернуться». В трубке — размеренно-строгий голос.

— Слушаю вас.

Никаких объяснений о мифическом «срочном отъезде». Может быть, в Волгоградском обкоме так принято?.. Но — к делу.

Объясняю: волгоградцы пишут о том, что первый секретарь обкома, злоупотребив властью, незаконно обеспечил квартирой взрослую дочь, приехавшую с семьей из другого города. В то время как коренные волгоградцы, фронтовики, ветераны труда ждут десятками лет своей очереди, потому что город-герой по обеспеченности жильем занимает в РСФСР не пятое и даже не двадцать пятое, а — сорок пятое место. Так ли это?

Ответ был прям и тверд:

— Да, так. Ко мне год назад приехала дочь с семьей. Жили у меня. Через год я их отселил в обкомовскую квартиру. И, помолчав, Калашников добавил:

— Я имею льготы.

Все. Вопрос исчерпан. Он имеет льготы, которые, оказывается, может, шевельнув начальственной бровью, распространить на родных и близких.

— Можете послать письмо в КПК,— разрешает он.— Там такие есть уже. Проверяли. Все законно.

Ну, раз проверяли... И я перехожу к следующему вопросу. Но вначале — небольшое отступление.

«СОБЫТИЯ ПОСЛЕДНИХ МЕСЯЦЕВ ПОКАЗАЛИ, ЧТО КРЕДИТ ДОВЕРИЯ НАРОДА К ПАРТИИ НАЧАЛ УМЕНЬШАТЬСЯ...»

(Из выступления первого секретаря Волгоградского обкома партии В. И. Калашникова на апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС.)

...С этим утверждением трудно спорить. Вот лишь один пример. В начале года пожилая лаборантка 6-й волгоградской поликлиники Анастасия Филипповна Коренева, фронтовичка, награжденная орденом Красной Звезды, вышла из партии. Заявление ее состояло из одной строки: «Прошу исключить меня из членов КПСС».

Стали разбираться. Выяснилось, как пишут корреспонденты «Вечернего Волгограда»,— из-за телефона. Шесть лет Коренева с мужем, тоже фронтовиком, просит поставить телефон — безрезультатно. Обещают к 1992 году. А им обоим уже по 68 лет. Как-то случился у мужа сердечный приступ, Анастасия Филипповна кинулась к телефону-автомату, единственному в округе, а он сломан. Еле достучалась до соседа, у которого телефон был.

Конечно, дело не в одном телефоне, уточняют волгоградские журналисты. «Нам кажется,— пишут они,— настоящей причиной... стал протест против равнодушия, против нелегкой нашей жизни». И констатируют с горечью: «Что поделаешь, страна переживает не лучшие времена. Кашу, заваренную в котле командно-административной системы, за четыре года перестройки расхлебать не удалось...»

Тут, читая статью «Протест», я споткнулся. Мне вспомнилось, как именно четыре года назад началась перестройка в Волгоградской области. Начал ее только что пришедший к руководству В. И. Калашников мощной антипомидорной кампанией.

...Сказать о ней «фантасмагорическая» — мало. Нужно представить: на рынках цена помидоров — 7—10 рублей, а на приусадебных участках милиция с помощью осужденных-«суточников» ломиками и топорами крушит теплицы. Плач и крики на улицах. Но — с корнем вырваны помидорные кусты. Навешены пломбы на водопроводные колонки. На пристанях милицейские кордоны останавливают пенсионеров с помидорным товаром. Возникают потасовки.

Одну из них туристы с теплохода «Сергей Лазо» фотографируют: трап, свалка, помидоры под ногами, лица немолодых женщин, милиционер с сорванным погоном... Рассказывают: снимки потом продавали глухонемые — по рублю за набор.

Но это не все. В Приморском, где такое случилось, немедленно «приняли меры» — закрыли пристань. Затем отключили насосы, качавшие воду. И стоящий у воды поселок остался под палящим солнцем без воды. Председатель поссовета вспоминает, как страшный сон, сцену: в его кабинет врываются плачущие женщины, старики с орденскими колодками. Один из них кричит: «Я кровью Волгу полил, так что, теперь мне из нее даже воды взять нельзя?» Председатель звонит в райцентр, просит разрешения включить насосы, но руководитель Быковского района В. Л. Лемякин непреклонен: «Не включать!»

И это не все. Областная и районная печать, осуществлявшая, по признанию редактора райгазеты «Сельская новь» В. Н. Утешева, «линию обкома», спешно создает из помидорников ОБРАЗ ВРАГА. Об их сверхдоходах сочиняют легенды. Их травят, обзывая стяжателями. Их имена и адреса публикуют. (Зачем? Чтобы те, кому вздумается под пьяную руку размяться с ломиком, знали, куда идти?) Их, наконец, штрафуют, увидев: из трубы теплицы вьется дымок. А чтобы придать видимость законности, под штрафы подводят извращенно толкуемую инструкцию.

Я встречался с помидорниками. В основном это пенсионеры. Одному из них, годами высушенному, за восемьдесят, фронтовик. Показывает во дворе торчащие столбики — все, что осталось от теплицы. И оштрафовали еще. Другой — инвалид. Получает нищенскую пенсию. Постучался к нему в дом — не открывает. Соседка подсказала: у него ноги парализованы, а жена отлучилась, вот здесь, через забор, поговорите. Смотрю поверх забора, вижу: сидит на земле человек, прислонив костыль к столбику бывшей теплицы, и тычет помидорную рассаду в землю... И его не пожалели — оштрафовали.

Видел я в Дубовке мать пятерых детей, кричавшую начальнику антипомидорного штаба Ткаченко (создание разных штабов здесь традиция: на войне как на войне): «У меня дети без масла сидят! Ты им, что ли, купишь масла?»

Видел человека, месившего возле груды кирпичей строительный раствор. «Цемент, кирпич купить надо? Надо! — говорил он.— На что? На грошовую зарплату?» Он делает пристройку к дому, где всего-то — кухня да комната: здесь он живет с двумя детьми, женой и тещей. Я заикнулся об очереди на квартиру. Он взглянул хмуро: «Да я состарюсь в этой халупе, пока получу».

«Помидорная битва», танком прошедшая по приусадебным участкам, длилась не месяц, не два, а целых три года. Ее цель? Закрепостить людей. Удержать их в нерентабельном общественном производстве. Ведь легче запрещать, чем перестраивать. Легче сломать волю, деморализовать, натравить одних людей на других, чем дать им возможность обеспечить себя куском хлеба и крышей над головой.

Самое постыдное в этой истории — отношение к старикам. Танковый удар Калашникова обрушился в основном на их теплицы. Почему? А чтоб не подавали пример молодым, не соблазняли их крупными заработками. Чудовищный вандализм был, оказывается, профилактической акцией. А старики в ней — что-то вроде НАГЛЯДНОГО ПОСОБИЯ.

Нужно ли после всего этого спрашивать, почему бывшая фронтовичка положила партбилет на стол? И удивляться тому, что только в одном Ворошиловском райкоме Волгограда с начала минувшего года подано больше тридцати заявлений о выходе из партии? Наверное, не нужно. Но я все-таки спросил. Вот что мне ответил В. И. Калашников:

— Я в этом не вижу ничего, так сказать, того, что заслуживало бы какого-то осуждения... Не лучшие люди уходят.

— Но, может, уходят обиженные, критикующие в чем-то партию?

— ...Если есть обиды, это все внимательно рассматривается... К людям внимательно относятся...

Каким было это внимание, мы убедились. Но послушаем дальше товарища Калашникова:

— ...Беда тут в чем? Молодежь, понимаете ли, не идет в партию... Рабочая молодежь... В два с половиной раза сократился приток...

Понятна озабоченность секретаря обкома. Чем же он объясняет такое тревожное явление?

— ...Кризисная ситуация в комсомоле... Ну, и сталинские все эти, понимаете ли, кровавые дела...

Но сталинские «дела» были довольно давно. А вот калашниковская антипомидорная война отгремела только что. Спрашиваю, считает ли обком себя виноватым в этом вандализме.

— ...Мы выполняли постановление ЦК и Совмина о борьбе с нетрудовыми доходами.

— Но ведь в этом постановлении не было указаний крушить ломиками теплицы? — уточняю я.

— В постановлении конкретно не пишется,— терпеливо объяснил мне В. И. Калашников.— Понимаете?

Я понял: Калашников читал между строк.

Представьте, что было бы, если бы он там «вычитал», что помидорников нужно просто-напросто ставить «к стенке». Они же хапуги и жулики, словом, враги.

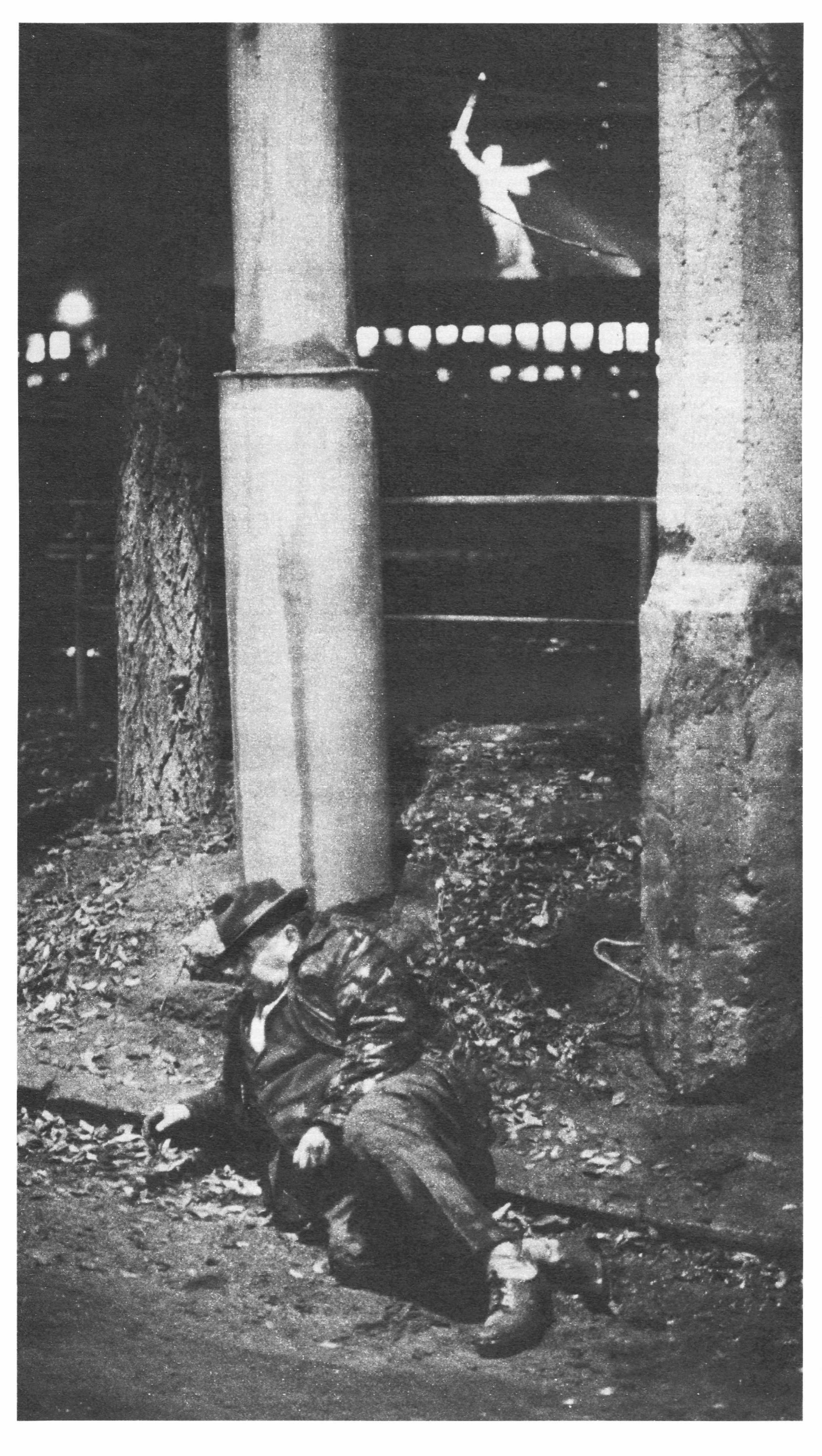


Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Но вернемся к моменту, когда помидорная война была наконец остановлена прокуратурой и выступлениями центральных газет. Ее стратег и тактик произнес тогда следующие слова...

«...ЛЮДИ ВООЧИЮ УБЕЖДАЮТСЯ В РЕАЛЬНОМ ПОВОРОТЕ К ЧЕЛОВЕКУ КАК ВЫСШЕЙ ЦЕЛИ И ОПРЕДЕЛЯЮЩЕМУ ФАКТОРУ ПЕРЕСТРОЙКИ».

(Из выступления В. И. Калашникова на XIX партконференции.)

Может, и в самом деле поворот к человеку в области обозначился? И безумная «помидорная битва», как у нас водится, объявлена ошибкой? А ее чересчур исполнительные «сержанты» строго наказаны и даже публично извинились перед обиженными?

Я звонил руководителям Дубовского и Быковского районов через несколько месяцев после своей командировки. Вновь услышал их бодрые голоса. Извиниться? Еще чего! Они лишь выполняли указания. Все они на своих местах — «главнокомандующий» бережет своих «сержантов»... До следующей «битвы»?

Правда, после того, как в Быковском районе, на сходе в селе Кислово, народ потребовал лишить депутатских полномочий председателя райисполкома Лемякина, устроившего в районе рукотворную засуху, облцентр решил отреагировать: Лемякина отстранили от должности. И даже сослали из райцентра аж в облцентр! Видимо, на перевоспитание. И работу нашли непыльную — в научно-исследовательском институте.

И еще одна «мера»: председатель облисполкома, член бюро обкома партии А. Н. Орлов, самозабвенно воевавший с помидорниками, в интервью «Волгоградской правде» признался: «Неправильное отношение к личному подсобному хозяйству обернулось большими экономическими и нравственными потерями. Беднее стал стол трудящихся». Закончил же покаяние словами: «...На селе теперь приходится заново прививать любовь к скоту, чувство хозяина...» Как подобные оговорки выдают человека! Ведь начать руководству Волгоградской области нужно было бы с себя. Привить себе самим (если только это возможно) любовь к человеку. К тому самому труженику, на бедный стол которого сетует Орлов.

Так состоялся или нет поворот к человеку в Волгоградской области?

...Есть под Волгоградом дачный поселок Латошинка. Известен он тем, что живет здесь управленческая элита области и что был у элиты собственный коровник. Особый уход, особые корма, ну и — молоко особое, рядовому гражданину недоступное. Когда же волгоградцы, уставшие от бесполезного хождения по пустым магазинам, стали писать в Москву, интересуясь системой продуктового самообеспечения своего руководства, было объявлено: молоко элитного коровника отныне отправляется на городской молокозавод.

Так, может быть, именно это новшество тов. Калашников считает поворотом к человеку? Спрашиваю Калашникова. Он заразительно смеется:

— И это проверяли!.. Ферма ликвидирована... Был десяток коров... Передали, понимаете ли, колхозу.

Ну, на нет и суда нет. А вот что рассказывает о «ПОВОРОТЕ К ЧЕЛОВЕКУ» «Волгоградская правда». Только в 1988 году из-за того, что мясокомбинаты области не отвечают современным требованиям, потери мясопродук-

тов выразились в сумме 11 миллионов рублей (февраль-89).

Теперь о том, чем дышат волгограды. Проверка показала: на предприятии «Каустик» была утечка фтористого водорода, превысившая допустимые концентрации в 20 раз (статья «Природа взывает о помощи», июль-89). В воздухе Волгограда продолжает чувствоваться окись углерода, фтористого водорода, сернистого ангидрида. Виновники — «Вторчермет», «Каустик». Отравляется Волга стоками гормолзавода № 3 (июль-89).

«Чтобы мы сильно не разбогатели,— пишет в «Правде» в статье «Мне говорят: «Не высовывайся!» (июнь-89) известный волгоградский кукурузовод Н. Крючков,— нам ежегодно увеличивают задания от достигнутого». Он рассказывает: в соседних хозяйствах план — 35 центнеров зерна с гектара, а с них требуют 55. Хозяйства, сэкономившие на прямых затратах, получают за это премии независимо от урожая. Хлеба нет, а экономия и премии есть. А в хозяйстве Крючкова получили на 20 центнеров зерна с гектара больше, но прибавка не положена. Не уложились в нормативные затраты! «Не болит голова у руководителей, чтобы накормить страну»,— заключает Крючков.

Итак, с овощами плохо, с мясом туго, работать как следует невозможно из-за нелепых инструкций, дышать нечем. И это все — поворот к человеку?.. Но — зато:

«В ОБЛАСТИ ВОЗРОСЛИ ТЕМПЫ МЕЛИОРАЦИИ, С КОТОРОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ СВЯЗЫВАЮТ БУДУЩЕЕ РОДНОГО КРАЯ... МЫ ДОЛЖНЫ ПЕРЕДАТЬ ПОТОМКАМ УЛУЧШЕННУЮ ЗЕМЛЮ...»

(Из выступления В. И. Калашникова на XXVII съезде КПСС.)

Временщики обычно щедры на обещания грядущего счастья. Потому что знают: к драматической развязке своих авантюрных акций они окажутся на других постах. И пока В. И. Калашников еще на месте, давайте посмотрим, какую землю он хочет оставить потомкам.

Из-за разрушения облицовки канала Большой волгоградской и Кисловской оросительных систем увеличивается фильтрация воды, сообщает «Волгоградская правда» (январь-89). Земля омертвляется, засоляется. Совхозы могут остаться без воды. Уровень грунтовых вод уже поднялся настолько, что она выступает на поверхность. До 20 процентов орошаемых земель в Волгоградской области заболачиваются.

Восстановление погубленной земли практически не ведется. А темпы этой преступной мелиорации благодаря «пробивной силе» растут. Результат: тысячи гектаров заболоченной и засоленной пашни. Только в одном Палласовском районе почти 13 тысяч гектаров (две трети орошаемого клина!) заболачиваются и засоливаются. Такое же положение в Быковском и других районах. Делали наспех и подешевле. Дренаж исключался. В итоге: в совхозе «Революционный путь» из орошения списали 856 гектаров, в «Ромашковском» — 448 гектаров, в «Фурмановском» — 893 гектара (статья «Во благо и во вред»).

Примеры такого отношения к «родному краю» можно множить. Но нужно ли? И мешает мысль: а что если процитированные газетные публикации только краешек айсберга — то, о чем молчать совсем уже невмоготу?.. Что если официальные статданные по области не отражают подлинно-тревожного положения? Я поинтересовался в Госкомстате РСФСР и получил такую справку: специальная проверка показала, что только в прошлом году 56,7 процента статистических данных по сельскому хозяйству, пришедших из Волгоградской области, искажены!..

Разумеется, областью руководит не один Калашников. Но вписывается ли в его командно-силовые методы принцип коллегиальности? Ведь ему, одержимому идеей мелиорировать как можно больше земель, «НИКТО НЕ ОСМЕЛИЛСЯ ВОЗРАЖАТЬ» — так сказано было на одном из пленумов обкома.

И вот первоначальный, утвержденный в Москве план строительства орошаемых земель в 160 тысяч гектаров (стоимость — более 1 миллиарда рублей) вырос благодаря все той же «пробивной силе» Калашникова, кстати говоря, в недавнем прошлом министра мелиорации и водного хозяйства РСФСР, до 280 тысяч гектаров. Кто подсчитает, сколько миллионов рублей уже закопано в заболоченную и засоленную волгоградскую землю и сколько еще будет закопано?.. И все-таки, считает первый секретарь, области есть чем гордиться:

«С ГЛУБОКИМ УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ МЫ ДОКЛАДЫВАЕМ, ЧТО ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ПЕРВЕНЕЦ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ — ВОЛГОГРАДСКИЙ ТРАКТОРНЫЙ ЗАВОД... ВЫПУСТИЛ ПРОМЫШЛЕННУЮ ПАРТИЮ НОВЫХ ЭНЕРГОНАСЫЩЕННЫХ ТРАКТОРОВ «ВОЛГАРЬ»... ЭТО ТРУДОВОЙ ПОДАРОК ВОЛГОГРАДЦЕВ СЪЕЗДУ, РОДНОЙ ПАРТИИ».

(Из выступления В. И. Калашникова на XXVII съезде КПСС.)

А что на самом деле «подарили» «родной партии»?.. Нового в этом тракторе — капот и кабина. Остальное — образца 1963 года. Двигатель несовершенен. Во время эксплуатации выходят из строя целые узлы, греется гидротрансформатор, исчезает тяга, масло протекает в задний мост машины. В итоге — простои в поле и длинная цепь материальных убытков. Подробности этого грандиозного надувательства хорошо описаны в статьях «Колея» («Комсомолка») и «Экзаменуется «Волгарь» («Волгоградская правда»).

Так откуда у В. И. Калашникова чувство «глубокого удовлетворения»? (Слова-то какие щемяще-знакомые: из тех самых лет, из докладов Леонида Ильича!) Да все оттуда же — из ощущения удачно проведенной показушной акции. А может, из предчувствия скорого перемещения на более высокий пост?

Теперь на минуту представим: Калашникова утверждают первым заместителем Предсовмина. Ситуация в сельском хозяйстве и без того непроста. Как поведет себя человек, который привык рапортовать о несуществующих успехах, «решая» проблемы ломиком? Начнет новую «помидорную битву», только на этот раз — в масштабах страны? Что предпримет, получив еще большую власть, руководитель, маниакально воевавший с помидорниками и в то же самое время создавший при обкоме партии ОСОБЫЙ ШТАБ — ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОВОЩАМИ?!

Человек, не сумевший за годы перестройки отказаться от командно-бюрократических методов и аппаратного мышления... Человек, не понимающий процессов демократизации и публично отвергающий их...

Вот что он сам сказал об этом:

«ХОЧЕТСЯ СПРОСИТЬ: А КТО ЖЕ, КРОМЕ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ, СЕГОДНЯ РЕАЛЬНО ЗАНИМАЕТСЯ ПЕРЕСТРОЙКОЙ НА МЕСТАХ? НЕУЖЕЛИ ЭТО ТЕ КРИКУНЫ, КОТОРЫЕ ВЫХОДЯТ НА УЛИЦЫ С СОМНИТЕЛЬНЫМИ ЛОЗУНГАМИ И ПРЕДЛАГАЮТ СОЗДАТЬ КАКИЕ-ТО КОМИССИИ, КОМИТЕТЫ СОДЕЙСТВИЯ ПЕРЕСТРОЙКЕ...»

(Из выступления В. И. Калашникова на XIX партконференции.)

Какого сорта перестройку затеял в области В. И. Калашников, в основном ясно. А что он задумывал, претендуя на высокий правительственный пост? Из его тезисов, розданных депутатам, членам Комитета Верховного Совета СССР по аграрным вопросам и продовольствию, следовало: добиться успехов в сельском хозяйстве можно, лишь существенно укрупнив управленческие органы, увеличив число кабинетных работников. Депутатам нетрудно было понять, кто перед ними. Соискатель нового поста вместо программы обновления сельского хозяйства выдвинул программу его закрепощения. Вот что говорят об этом члены аграрного комитета.

ДЕПУТАТ А. М. ЕМЕЛЬЯНОВ: «...Калашников пришел на заседание Комитета, как, очевидно, считал, чтобы лишь соблюсти форму. Видимо, полагал, что будет автоматически рекомендован Комитетом на пост. На вопрос, как собирается строить свою работу, ответил полуснисходительно: «Буду советоваться...» Это вызвало удивление. Ратовал он и за увеличение штатов и подразделений Государственной комиссии по продовольствию и закупкам. Это же из времен застоя!»

ДЕПУТАТ А. Ф. ВЕПРЕВ: «...Калашников не владеет обстановкой даже в Волгоградской области, а тут — масштаб страны. Не знает, с чего начать. Ориентируется только на общие положения мартовского Пленума ЦК КПСС, а они требуют конкретизации. В этом деле нужен человек от земли, с новым мышлением».

ДЕПУТАТ А. Т. КУЗОВЛЕВ: «...Рассказывая о себе, он приводил цифры по животноводству и растениеводству Волгоградской области, не соответствующие действительному положению дела. Представленные им предложения по управлению сельским хозяйством страны не выдерживают никакой критики».

ДЕПУТАТ А. П. АЙДАК: «...Тридцать семь членов нашего Комитета проголосовали против назначения Калашникова, предложив кандидатуру депутата Стародубцева. Двое воздержались. Сам Стародубцев — из скромности — свою кандидатуру не поддержал, проголосовал против себя... Причина отказа Калашникову? Крупные недостатки в мелиорации земель в Волгоградской области. Орошаемые земли заболачивались и засоливались, выходили из оборота. Калашников эти обвинения опровергнуть не смог. Радикальной программы выхода из создавшегося положения не представил. Бороться за крестьянские интересы не собирался».

Но, как теперь у нас стало принято (эпоха единомыслия, кажется, уходит в прошлое), было о Калашникове и другое мнение. Высказал его депутат из Волгограда В. И. Штепо. Это его слова я цитировал в самом начале — о волевых качествах Калашникова, его пробивной силе, его способности «драться за сельское хозяйство». Ну, что ж, у каждого из нас может быть свое представление о том, какими чертами характера должен обладать руководитель. Конечно, В. И. Штепо не считает, что Калашников лишен недостатков, но, по его мнению, они исправимы. Рассказывая о неутверждении руководителя своей области на высокий пост, Штепо посетовал: «Почему мы такие безжалостные? Ведь обсуждение на комиссиях и комитетах — это же как чистилище. Неужели Калашников не сделает выводов?..»

Развернем «Волгоградскую правду». Здесь рассказывается о том, как Калашников, вернувшись из Москвы, участвовал в «идеологическом обеспечении страды» в одном из районов области. Как говорил о «дефиците внимания к людям». И как на вопрос корреспондента о пунктах его программы, вызвавших возражения депутатов аграрного комитета, ответил: «Я вообще с ней не выступал ни в комиссиях, ни в комитете. До этого дело просто не дошло».

Вот так! Будто и не было размноженных в сорока экземплярах и розданных депутатам тезисов Калашникова (по его просьбе это сделал В. И. Штепо). Будто претендент на высокий пост не отвечал на уточняющие вопросы депутатов!

О каком «чистилище», о каких «выводах» тут можно говорить?

Не будем подозревать В. И. Штепо в земляческом патриотизме, который, случается, деформирует взгляд на происходящее вокруг. Отметим лишь: образ руководителя, «подходящего» на высокий государственный пост, у В. И. Штепо связан в первую очередь не с компетентностью, не с честностью, наконец, а с «пробивной силой». С умением «драться». Образ этот не умозрителен — его вырастила и закалила командно-административная система. Она не нуждалась в людях широко образованных и демократичных. Ей нужны пробивные функционеры, способные пренебречь интересами людей ради узкогрупповых, аппаратных интересов.

Родовые черты этого типа весьма характерны. Главная ориентация — «на верха». Бьющая на эффект деятельность. Громкие акции. «Проекты века», вроде поворота рек или тотальной мелиорации Нечерноземья, которую Калашников осуществлял, будучи российским министром.

«Низы» для таких руководителей — лишь ступенька в карьере. Отсюда неумение да и нежелание вникать в интересы людей. Нетерпимость к инакомыслию и «крикунам». Страх перед новыми формами общественной активности.

Таким руководителям не было надобности быть компетентными. Ведь провалы в работе всегда можно списать на объективные обстоятельства, например, на очередное засушливое лето или в крайнем случае на «несознательность масс».

Безответственность таких руководителей, замаскированная бойкими речами, таит разрушительную силу пострашнее чернобыльской. И еще одна черта — вранье в большом и малом. Вранье как способ существования. Неискоренимая черта!

Конечно, мы знаем немало самоотверженных партийных работников, старающихся в меру сил и возможностей перестроить внутрипартийные отношения, демократизировать партию, очистить ее от административно-командной коросты; немало новых дельных, творческих людей пришло на первые посты в обкомах партии. Известно, например, какую решительную борьбу повел новый секретарь в соседней с Волгоградской — в Астраханской области с командными методами управления, с неуважением к человеку труда, со старым мышлением, не принимающим новых форм гражданской активности.

Но тип авторитарного руководителя не торопится уступать место новым, творческим людям. Этот тип живуч, у него мощная корневая система связей по горизонтали и вертикали. Он цепко держится за свое кресло, норовя пересесть куда-нибудь повыше, а в случае провала находит слова оправдания. Даже, казалось бы, там, где оправдаться невозможно. Калашников, оправдывая свою «помидорную войну» постановлением ЦК и Совмина и признав всетаки в разговоре со мной происходившее в области «перегибом», тут же добавил: «Вообще-то все явления надо рассматривать в диалектической взаимосвязи, а не оторванно брать, понимаете ли, проблему».

Не уточнил, правда, на какие именно «диалектические взаимосвязи» намекал: на «горизонтальные»? Или на «вертикальные»?

Да, мы только начали создавать демократическую систему, отторгающую некомпетентность, показуху, командно-административные замашки. Еще действуют номенклатурные механизмы, поддерживающие «на плаву» негодного руководителя. Какие же еще нужны провалы в работе, чтобы люди осознали, какая перед ними бездна, а провалившийся, наконец, увидел разрушительный характер своей деятельности и попросился в отставку?..

ВОЛОКНА

Сергей БЕЛОЗЕРОВ

Что ни ночь, то простые
дела у меня и заботы:
точно гильзы пустые,
перебираю в горсти

предвоенные годы
и послевоенные годы,

а свои я не знаю, к каким отнести.

Распухшие, по-рачьи красные, клешнястые
у доярок руки,
выцветшие лица — как выгоревший свитерок,
в четыре утра не лебеди крыльями плещут
в округе —
хлобыщут тощие икры об голенища сапог.

Бухнутся ночью поздней, схватятся
тьмою ранней,
с мужьями когда неведомо, не видя
почти детей,
просветы бывают редко — выезды на собрания
или еще на какую из районных затей.

Вырядятся во все ненадеванное, потолкаются
среди подружек,
запинаясь, прочтут с трибуны написанное
другим...
Наставили б вместо этого за президиумом
раскладушек,
дали б не тайно в зале, а честно выспаться им!

Тогда, разъезжаясь к вечерней дойке
автобусами, грузовиками,
одна б осветила начальство улыбкою молодой,
другая бы слезы вытерла изуродованными руками,
третья бы пообещала высший в мире удой.

Мне сказали, что горенье предпочтительнее
тленья — очень даже может быть.

Только — даже в разговорах — жаль людей
пускать на порох,
да к тому же слишком скорых как-то трудно
полюбить.

Тлеют ли мои соседи — тетя Варя, дядя Федя
и уборщица-старуха —
все, кто подняли страну, пересилили разруху,
и войну — да не одну?

Да, отчаянные вспышки входят в сплетни
или книжки,
только в нынешних мирах, без того
испепеленных,
жалко юных и зеленых
тратить даже на словах.

Иркутская обл., станция Зима

Галина ГРИДИНА

...Они освященные ризы носили,
хранили распятье у самого сердца.
И жаждали — ради спасенья России! —
пролить ненавистную кровь иноверца.

Являли усердье сверх всяческой меры,
и Русь, потрясенная, плача, глядела,
как шли православные (миссионеры)
за светлую веру — на черное дело.

Казалось, что сгинула черная стая,
и страшные дни не вернутся обратно.
Но вижу: опять и опять проступают
на светлой хоругви багровые пятна.

Сгущаются мрачные тени былого
и губы младенца, рожденного ныне,
уродует новое черное слово
вражды, перемешанной с ядом гордыни...

ПОВОРОТ-88

Один из них был правым уклонистом,
другой, как оказалось, ни при чем...
Юз Алешковский

...Цвела во лбу кокарда милицейская,
и на плечах по звездочке сияло.
В нем было что-то «молодогвардейское»,
нет, не от Краснодона —
от журнала.

Он взял под козырек — ладошка лодочкой.
Ах правильность, ах выверенность линий! —
и молодогвардейскою походочкой
приблизился к пристыженной машине.

Водительские новенькие корочки
просматривая, нет ли в них подвоха,
мурлыкал он под нос: «Вот кто-то с горочки
спустился» — и, по-моему, неплохо
для милиционера. Только дырочку
в талоне проковыривал умело,—
мой ангел не спешил ко мне на выручку,
когда со мной вершилось это дело,
пустынною была дорога пыльная,—
и после исполнения припева
внушал он, что стезя автомобильная
здесь не должна сворачивать налево.
И что опасней, чем добыча радия,
езда в сии незнаемые дали.
И вообще какой забавы ради я
верчу баранку и топчу педали...

...Стоял апрель и призывал к влюбленности.
Стоял плакат — и тоже звал на что-то.
И символом гвардейской непреклонности
висел «кирпич» над левым поворотом.

Волжский

Ирина СЛЕПАЯ

Так это — времена «застоя»?!

А я, в подъезде грязном стоя,
Целуюсь с кем ни попадя...
И головой своей пустою
Внимаю шорохам дождя.
И думаю, что так и надо:
Многоголовый дух парада,
А «предки» шепчутся на кухне —
Мне ничего не говорят...
А в школе все огни горят!
И наш комсорг строчит отчеты,
Взывает к массам, лепеча...
И лишь в подъезде мне отрада.
Здесь вкус вина и шоколада.
И громкий смех!
И анекдоты
Про Леонида Ильича...

Калуга

Татьяна ЖМАЙЛО

Я —
сотканная
из волокон и жил,
из сотни кровей, сотни противоречий;
та,
в ком нарождался и жил
многоречивый язык человечий;
та,
кому бог
дал возможность сказать
все, что назрело и наболело,
я
опускаю стыдливо глаза
и говорю:
— Да какое мне дело!..

Череповец

Игорь ВАСИЛЬЕВ

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.
С тротуара, с бетонных заплеванных плит
головастый, тщедушный, ну словно из плена,
на людей горделиво глядит инвалид.
Да, он выпил! И море ему по колено!

А коленей, однако, давно уже нет.
Но цела голова! Да к тому же какая!
Инвалид рассуждает. А люди в ответ
только машут рукой, торопливо шагая.

Не затем, чтоб внимание как-то привлечь,
не затем, чтоб звенела толпа медяками,
инвалид затевает опасную речь —
он храбрее, храбрее, чем люди с ногами!

Люди молча глядят на его удальство.
Как он может всю правду открыть без оглядки?
Отчего он такой? Он такой оттого,
что душа никогда не уйдет уже в пятки.

2.
О страна! Ты детская кроватка.
О моя младенческая прыть!
На исходе третьего десятка
я учусь ходить и говорить.

Я уже не ползаю, как полоз,
я могу сказать свое «гугу».
Но ни в полный рост, ни в полный голос
никогда, наверно, не смогу.

«Будь смиренен, брат. Ведь и отец твой
был немой горбатый человек.
Ты родился инвалидом детства.
Ты — калека, сын и внук калек...»

Господи, да как я народился?!
Как народ не сгинул до сих пор?!
Столько раз уже производился
на Руси искусственный отбор!

Не шагать мне, сколь ни мучай ноги.
Не запеть мне, сколь ни голоси.
А какие дальние дороги!
А какие песни на Руси!

Калинин

ИЛЛЮЗИОН СЧАСТЬЯ

Вячеслав КОСТИКОВ



И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов в гостях у писателя. Москва, Малая Никитская, 6. 11 октября 1931 года.

Ночью была сильная гроза. Над Горками летали змеи молний. В Горках умирал Горький. Привозимый из Москвы мешками кислород был уже не нужен. Им был напоен воздух, небо, земля, окрестный лес. И казалось, что за черными окнами дачи мелькают огненные крылья Буревестника.

— *Буря! Скоро грянет буря!*

А Горький умирал тихо. Задыхался. Мир, одним из духовных властелинов которого он был в течение уже почти полувека, терял свою пластическую послушность. Через несколько дней вопреки воле писателя (он хотел быть похороненным на Новодевичьем кладбище рядом с умершим ранее сыном), по решению правительства, его сожгут, и вдова великого человека будет просить Сталина о выделении ей горсти родного пепла. Но и прах, и память пролетарского писателя уже не принадлежали ни народу, ни семье, ни былым возлюбленным. Останки Горького принадлежали тому, кому в стране социалистического реализма принадлежало все,— Единому Государству.

Всемогущее, всевластное, безраздельно владевшее заводами и фабриками, историю которых хотел запечатлеть Горький, приписанными к колхозам крестьянами, пролетариатом, который он воспел, оно, Государство, хотело владеть и мозгом Буревестника революции. И тогда прямо на даче, на стоявшем в спальне столе, врачи стали вскрывать труп, и мозг Горького бросили в ведро. И его нес к машине Петр Крючков, доверенный человек Ягоды, состоявший при писателе в качестве личного секретаря. «Неприятно было нести это ведро с мозгами еще недавно живого человека»,— запишет он 30 июля 1936 года. Мозг Горького по распоряжению Сталина доставили в Институт мозга (в тот самый, куда потом сдадут и мозг «Великого кормчего»). Государство, построенное на тотальном контроле, хотело владеть не только гением живых, но и секретом гениальности мертвых.

Буревестник с криком реет,
черной молнии подобный...
Он кричит, и — тучи слышат радость
в смелом крике птицы...
— Буря! Скоро грянет буря!..
— Пусть сильнее грянет буря!..

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

«Это было в 92-м, голодном году, между Сухумом и Очемчирами, на берегу реки Кодор, недалеко от моря...»

Так начинается один из самых светлых, неистовых, овеянных мечтой рассказов Горького, «Рождение человека».

«Новый житель земли русской, человек неизвестной судьбы, лежа на руках у меня, солидно сопел. Плескалось и шуршало море, все в белых кружевах стружек; шептались кусты, сияло солнце, перейдя за полдень».

Кто он, этот родившийся человек? Какую жизнь уготовила ему судьба? Его мать, «орловская, скуластая баба», скорее всего, не вопрошала себя об этом. Но мы, перечитывающие историю страны сейчас, семьдесят с лишним лет после написания рассказа, можем высказаться более определенно. И нужно ли говорить, что судьба горьковскому Человеку выпала не из легких.

«Превосходная должность — быть на земле человеком, сколько видишь чудесного, как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении перед красотою!» — писал Горький, мечтая, вероятно, о том, как Человек, повзрослев, пойдет по России, ища приложения для рук, сердца, ума. Она, Россия, в 1912 году, в год написания рассказа, вкушала еще скромные, но реальные плоды труда и борьбы.

Уже был «дарован» Манифест, уже отступила цензура, уже политические партии легально издавали газеты (в том числе и большевики). Уже пробовала в Государственной думе свои силы молодая, неопытная еще русская демократия. Тот недавно народившийся человек (в 1912 году ему минуло бы 20 лет) мог вполне рассчитывать и на работу, и на развитие своих способностей, если бы таковые сыскались. В 1908 году принимается закон о введении обязательного начального образования. России еще далековато до европейских стандартов. Но динамика развития просвещения давала неплохие надежды. «Остаточный принцип» еще не был изобретен, и в период с 1902 по 1912 год ассигнования на просвещение ежегодно возрастали на 21 процент.

Это не было милосердием: подъем культуры зиждился на крепко стоявшем хозяйстве. Развитие капитализма в России характеризовалось высокими темпами роста. За период с 1900 по 1913-й ежегодно в среднем 5,7 процента в год. Бурно идет железнодорожное строительство, расширение сети кровеносных сосудов экономики. За 25 лет было построено примерно 38 тысяч верст железных дорог, то есть примерно 9 Байкало-Амурских магистралей.

Было бы неправомерным утверждать, что после Манифеста 1905 года страна превращалась в Град Божий. Царизм продолжал висеть тяжелыми веригами на плечах России. Его немощь нашла свое зримое воплощение в неистовости распутинщины, в бесхребетности царского премьера Горемыкина, в ночлежках Хитрова рынка. Но экономические силы России, не опутанные «догматами веры», уже невозможно было сдержать ни бюрократией, ни невежеством масс.

Тесто российской экономики мощно поднималось на дрожжах свободного рынка и свободного труда, бросая вызов надменной, подстриженной Европе.

Страна в основном была сыта. В урожайные годы экспорт русской пшеницы составлял до 40% мирового. В дурные годы он падал до 11,5%. Принятый в 1906 году «Столыпинский закон» давал каждой крестьянской семье право закреплять за собой в собственность положенную ему долю общинной земли. В политическом плане Россия представляла собой конституционную монархию. В отношении демократии ей еще было далеко до Великобритании. Но она уже имела Государственную думу, свободу печати, собраний, политических партий.

Рожденный фантазией Горького Человек, возмужав, мог вступить в одну из 100 существовавших в России партий и общественных организаций. Он мог бы стать крестьянином или рабочим. Но, учитывая динамику российской экономики, скорее всего, он стал бы пролетарием. На этого Человека, взывая к буре, делал ставку Горький.

АЛХИМИЯ РЕВОЛЮЦИИ

В 1906 году после «репетиции 1905 года» Максим Горький пишет пьесу «Враги», где выводит образ молодого, еще неопытного «сознательного пролетария». Полемизируя с критиками, объявившими новую пьесу вещью слабой и несвоевременной, Г. В. Плеханов посвятил ей одну из своих самых блистательных литературных статей, «К психологии рабочего движения».

Он уловил в пьесе Горького то не осознанное еще предупреждение, ту интуицию, которая прежде посещает великих художников и только спустя время становится достоянием политиков. Во фразе молодого рабочего Ягодина — «Соединимся, окружим, тиснем — и готово» — уже угадывается психология социального упрощения, или, говоря словами Плеханова, «романтического оптимизма», когда кажется, что достаточно найти точку опоры, чтобы перевернуть мир. В Римской империи при строительстве важных сооружений — плотин, дамб, акведуков — Сенат запрашивал мнение ученых о возможных последствиях через 200 лет. Романтические оптимисты, мечтавшие построить Город Солнца, не утруждали себя ни алгеброй, ни геометрией. Им казалось, что достаточно «тиснуть» — и врата будущего рая отворятся сами собой, без всяких трудовых усилий.

Трагедия, в том числе трагедия великого пролетарского писателя, состоит в том, что российское общество не услышало тех предостерегающих слов, которые прозвучали в устах «учителя русских рабочих» еще за 10 лет до начала революции. Голос поэта всегда звучал в России громче голосов мыслителей. Аплодисменты романтикам бури заглушали пророческие слова Плеханова о том, что «революционеры из буржуазной среды очень любят обманывать себя преувеличенными надеждами. Эти надежды нужны им, как воздух... Долгая, кропотливая работа систематического воздействия на массы представляется им прямо скучной; они не видят в ней ни страсти, ни героизма. И пока пролетарское движение подчиняется их влиянию, оно само отчасти заражается их романтическим оптимизмом... Им объясняется значительная часть неудач, испытываемых этим движением».

Интересно, что в статье Г. В. Плеханова по поводу пьесы «Враги» содержится прямое предупреждение Максиму Горькому по поводу его увлечений и возможных последствий «романтического оптимизма».

«Тактика большевиков, — пишет Г. В. Плеханов,— кажется ему (Горькому.— **Авт.**)... наиболее «страстной» и «героичной». Будем надеяться, что его пролетарский инстинкт рано или поздно обнаружит перед ним несостоятельность тех тактических приемов, которые Энгельс еще в начале пятидесятых годов так метко назвал революционной алхимией».

Бросившись с головой в бурные воды русской революции, увлеченный ее тактикой, Горький в октябре 1917 года неожиданно для себя улавливает в героической симфонии революции странные диссонансы. В печати появляются его знаменитые статьи-протесты, позднее собранные в книгу «Несвоевременные мысли».

6 января было разогнано и ошельмовано Учредительное собрание, в «борьбе за идею которого погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселице и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян». Горький, обильно пополнявший партийную кассу большевиков из своих гонораров, когда те были в оппозиции, не мог понять, а тем более одобрить странной тактики своих недавних друзей: придя к власти, большевики запретили все политические партии, за исключением тех, которые безоговорочно соглашались с ними. Потративший столько сил на защиту свободной печати в царской России (большевики, в частности, издавали до Февральской революции 17 ежедневных газет), Горький был озадачен. Писатель был готов поверить заверениям, что закрытие оппозиционных газет «имеет временный характер». Однако время шло, а газеты, осмелившиеся иметь собственное мнение на пути и судьбы России, так и не открывались. Более того бывшие друзья, товарищи по социал-демократической партии, один за другим оказывались кто в эмигрантском изгнании, кто в Бутырках, кто в Сибири. «...Опыт введения социализма посредством подавления свободы», как высказался В. Г. Короленко в одном из писем Луначарскому, на практике приводил к выдворению недавних борцов за свободу за пределы России. К 1922 году в изгнании оказались большинство лидеров бывших революционных партий, внесших огромный вклад в свержение царизма: Л. Мартов, В. Чернов, Ф. Дан, Б. Николаевский, И. Церетели, М. Вишняк (секретарь Учредительного собрания), друг Ленина в молодости Н. Вольский, А. Керенский, П. Аксельрод, И. Фондаминский, Б. Савинков. Вынуждены были уехать и многие из ближайших друзей Горького, в том числе Ф. Шаляпин и издатель З. Гржебин.

Несмотря на всю близость к лидерам большевиков, на личную дружбу с Лениным, Горький начинает и на себе ощущать жесткую хватку новой власти. Попытки писателя защищать интеллигенцию в газете «Новая жизнь» становились все более малорезультативными. На место отпущенных по ходатайству Горького тотчас же арестовывались другие. «Несвоевременные мысли» Горького, которыми он делился с читателями «Новой жизни», начинают раздражать. На Горького впервые обрушивается еще, впрочем, не смертельный, но отдающий уже могильным холодом гнев будущего вождя народов, Иосифа Сталина.

«Русская революция,— зловеще выговаривал он великому писателю,— ниспровергла немало авторитетов... Мы боимся, что лавры этих «столпов» не дают спать Горькому. Мы боимся, что Горького «смертельно» потянуло к ним, в архив. Что ж, вольному воля! ...Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов».

Горький с ужасом наблюдал, как везде и повсюду на поверхность российской жизни вылезают и обретают власть «революционеры на время». Портрет этой новой юркой породы людей Горький дал в своей газете «Новая жизнь».

«Принимая в разум внушаемые временем революционные идеи, он, по всему строю чувствований своих, остается консерватором, являя собой печальное, часто трагикомическое зрелище существа, пришедшего в люди, как бы нарочно для того, чтобы исказить, опорочить, низвести до смешного, пошлого и нелепого культурное, гуманитарное, общечеловеческое содержание революционных идей... Навыки его мысли понуждают его искать в жизни и в человеке прежде всего явления и черты отрицательные; в глубине души он исполнен презрения к человеку... Он относится к людям, как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких научных опытов... Это — холодный фанатик, аскет, он оскопляет творческую силу революционных идей и, конечно, не он может быть назван творцом новой истории, не он будет ее идеальным героем...»

Одного из таких «революционеров на время» Горький изобразил в пьесе «Работяга Словотеков». Всевластный в Петрограде, Г. Зиновьев заподозрил в портрете себя. После трех представлений пьеса была запрещена. Новая цензура осмелилась сделать с великим писателем то, на что не отваживалась цензура царская. На квартире Горького был произведен обыск. Об этом, в частности, вспоминает В. Ходасевич, часто бывавший у Горького. «Отношения Горького с Зиновьевым были плохи и с каждым днем ухудшались,— пишет он в очерке о Горьком в «Некрополе».— Доходило до того, что Зиновьев устраивал у Горького обыски и грозился арестовать некоторых людей к нему близких». Система «заложничества» позднее на практике была использована, в частности, во время Кронштадтского восстания, когда в Петрограде брали в залог семьи красных офицеров и матросов, служивших в Кронштадте.

Дни «Новой жизни», по сути дела, единственной газеты, которая благодаря «неприкасаемости» Горького еще могла говорить «другую правду», были сочтены. В газете «Правда» и «Петроградская правда» одна за другой появляются статьи, обвиняющие Горького в том, что его газета продалась империалистам, помещикам, банкирам, буржуазии. Тон статей попросту оскорбителен для писателя, чье имя являлось символом революции не только в России, но и во всем мире. Горького, который до революции щедро жертвовал в партийную кассу большевиков, обвиняют, что его газета оказывается «падкой на оплаченные ласки жирных банкиров».

Нападки на «Новую жизнь» не были изолированным явлением. Наступление на интеллигенцию, защитником которой выступала горьковская газета, велось по широкому фронту. В 1918 году в Москве был закрыт народный университет Шанявского, слушателями которого были люди разных сословий. Причина закрытия — «инакомыслие» среди профессоров. Буревестник защищается. В ответ на брань газета Горького отвечает:

«Ничего другого от власти, боящейся света и гласности, трусливой и антидемократической, попирающей элементарные гражданские права, преследующей рабочих, посылающей карательные экспедиции к крестьянам, — нельзя было и ожидать» («Новая жизнь», 16/3 июня 1918).

Откровенность Горького становилась опасной: слишком велико было его влияние на людей, слишком ярко сияла над Россией его слава Буревестника революции. Через месяц после этой публикации, под вечер 16(3) июля, представитель комиссариата по делам печати Петроградского Совета принес в редакцию «Новой жизни» ордер на ее закрытие. Горький апеллирует к Ленину, пишет ему письма, но тщетно. На XI съезде РКП(б) Г. Зиновьев с откровенностью человека, уверовавшего в непререкаемость правды в одном экземпляре, расставляет точки над «i».

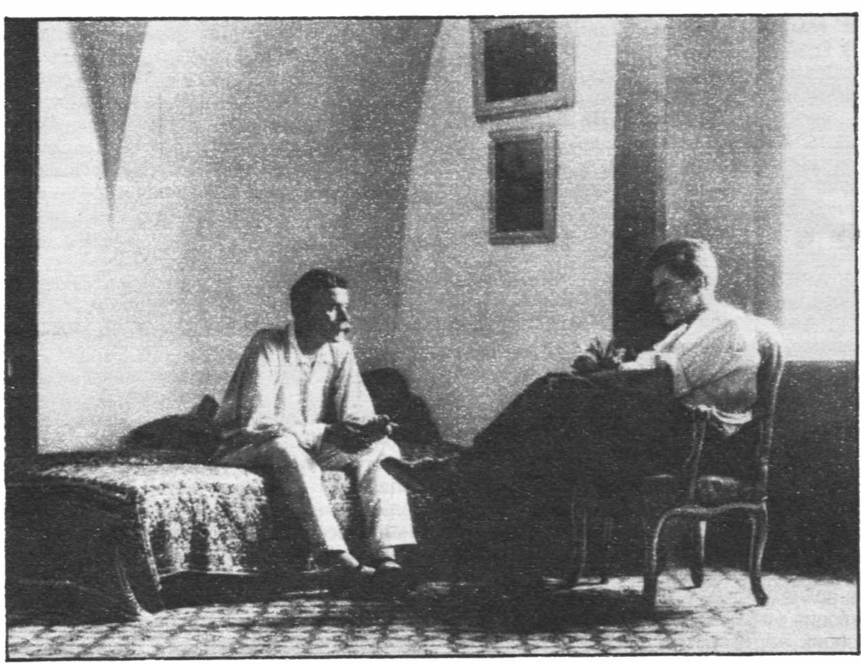
«Мы имеем «монополию легальности», мы отказали в политической свободе нашим противникам. Мы не даем существовать легально тем, кто претендует на соперничество с нами».

Максим Горький не был ангелом революции. Будучи ее Буревестником, он разделял многие тезисы большевиков: принципы классовой борьбы, ставку на пролетариат. Ему был свойствен неподдельный революционный оптимизм, его захлестывали эмоции. Ему, как и многим другим романтикам революции, казалось, что вместе с новой Россией родится и новый человек. Но Горький, написавший «Челкаша», рассказ, где все дышит воздухом босяцкой свободы, не мог принять окрика, казармы, террора. Е. Замятин в своем очерке о писателе в книге «Лица» свидетельствует: «По моим впечатлениям, тогдашняя по-

литика террора была одной из главных причин временной размолвки Горького с большевиками и его отъезда за границу». Талант и нравственность Горького не могли вместиться в рамки партийной морали и идеологии. Личная дружба Горького с Лениным, сильно пострадавшая после Октябрьской революции, уже не давала ему гарантий независимости. Вытесненный из политики, он продолжал попытки спасти русскую культуру и интеллигенцию. Когда и это сделалось невозможным, он покидает Россию.



А. М. Горький и А. А. Жданов в президиуме первого Всесоюзного съезда советских писателей. 1934 год.



М. Горький и Л. Леонов.

НА РАСПУТЬЕ

Горький выехал из России в октябре 1921 года. Формально для лечения. Но это был лишь предлог, которым Горький пользовался и прежде неоднократно. Горького подталкивали к отъезду. Об этом, в частности, рассказывает Н. Берберова в своих воспоминаниях. Истинные причины отъезда были не в кровохарканье. Буревестник не мог молчать, не мог примириться с ролью статиста в революции, ходатая по культурным делам, просителя за гонимых. В сущности, он уезжал по той же причине, по которой через год, осенью 1922 года, из России уедут крупнейшие русские философы, профессора, ученые — в общей сложности около 200 видных общественных деятелей.

Объясняя причины массового выезда — изгнания из России общественных деятелей, принадлежавших к демократическому крылу русской интеллигенции, Н. А. Бердяев писал: «...Социально в коммунизме может быть правда, несомненная правда против лжи капитализма, лжи социальных привилегий». Но «коммунизм, как он себя обнаружил в русской революции, отрицал свободу, отрицал личность, отрицал дух». Максим Горький, которого русское общество отождествляло с вольным Буревестником, таких «отрицаний» принять не мог.

Жизнь Горького за границей вплоть до возвращения в Советскую Россию в мае 1928 года полна сложнейших противоречий. Вопрос, от которого невозможно было укрыться,— как относиться к эмиграции и к той борьбе, которую она вела против подавления свободомыслия в России. Надо напомнить, что к этому времени в эмиграции оказалась значительная часть близких друзей Горького, в том числе и Ф. И. Шаляпин. Но и в России остались и близкие, и боль интеллигенции, несбывшиеся надежды. Он был пролетарским писателем, и в России свершилась, как он понимал, именно пролетарская революция. Встать к ней в оппозицию, отречься от нее — это значило бы отказаться от всей своей предыдущей жизни, признать, что, взывая к буре, он накликал на Россию несчастье. При самодержавии эмигрантство Горького было овеяно ореолом героического противостояния, над ним витал дух Герцена. Но с Советской республикой Горький не мог говорить тем же языком, что говорил с самодержавием. По стажу пребывания за границей Горький (больше шести лет) значительно превзошел, скажем, Алексея Толстого, и, подходя с формальной точки зрения, Горький, конечно же, был эмигрантом. Но сам он этого никогда не признавал. Не было принято считать Горького эмигрантом и в России.

Так или иначе эмиграция приняла Горького с восторгом. В Берлине, куда через Гельсингфорс и Стокгольм он приехал в конце октября 1921 года, в это время проживало до 600 тысяч русских эмигрантов. Имя Горького было у всех на устах. С чем он приехал? Что скажет? Услышат ли они от Буревестника оправдательное слово эмиграции? Станет ли он ее защитником перед лицом подозрительной Европы?

Горький вел себя сдержанно. От эмиграции не отталкивался, но и не заигрывал с ней. Ему самому предстояло во многом разобраться, многое понять. Эмиграция требовала проклятий. Но Горький, так яростно протестовавший против террора, насилия, разгрома культуры, когда находился в России, оказавшись в эмиграции с развязанными руками, с возможностью говорить, упорно молчал. О трагедии России он предпочитает размышлять сам с собой.

В опубликованной в Берлине книге «О русском крестьянстве» он пытается понять причины отклонения революции от той светлой мечты, которую лелеяли поколения русских демократов.

Книга Горького вызвала гнев как эмиграции, так и в Советской России. В Москве брошюру объявили клеветой на Октябрьскую революцию, а Горького обывателем, испугавшимся неистовой энергии масс. Эмиграция, напротив, усмотрела в книге апологию большевизма, попытку переложить вину за террор и ужасы гражданской войны с большевистских лидеров на крестьян, в которых писатель видел темную, дикую, неуемную силу.

«...Вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — все те, почти страшные люди, о которых говорилось выше, и их место займет новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей».

Писатель оказался в весьма сложном положении атакуемого со всех сторон. Тон Москвы стал особенно зловещим, после того как Горький занял недвусмысленную нравственную позицию в отношении суда над эсерами, начавшегося летом 1922 года.

Нужно сказать, что преследование бывших меньшевиков и суд над эсерами по делам четырехлетней давности были крайне болезненно восприняты в Западной Европе не только социалистами, но и всей левой интеллигенцией. Можно сказать, этот нашумевший этот процесс послужил началом постепенного отхода западноевропейской интеллигенции, с таким восторгом принявшей русскую революцию, от Советской России. Далеко не случайно, что именно в 1922 году Ромен Роллан вышел из коммунистической партии.

Горький не знал всех подробностей дела, его реакция была реакцией не политика, а гуманиста перед лицом готовившегося кровопролития. Тем более что в Москве судили людей, внесших неоспоримый вклад в дело русской революции.

Горький пишет Анатолю Франсу с просьбой «обратиться к Советской власти с указанием на недопустимость преступления». Затем апеллирует непосредственно к А. Рыкову. В этом имелась маленькая «хитрость». Горький хорошо помнил, что в ноябре 1917 года, когда после Октябрьского переворота встал вопрос, как и с кем править, А. И. Рыков был сторонником создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров и даже вышел в знак протеста из ЦК и правительства, когда это предложение было отвергнуто. Обращаясь к А. Рыкову, Горький рассчитывал на то, что зампред Совнаркома вспомнит о своем отношении к эсерам в 1917 году. Он писал:

«Алексей Иванович! Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством — это будет убийство с заранее обдуманным намерением — гнусное убийство. Я прошу Вас сообщить Л. Д. Троцкому и другим это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо... за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране. Ныне я убежден, что если эсеры будут убиты,— это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России». Это письмо впервые в СССР было опубликовано лишь в 1989 году в «Известиях ЦК КПСС».

Рыков выполнил просьбу Максима Горького: письмо было разослано всем членам Политбюро. Реакция была неоднозначной. Л. Троцкий предлагает «Правде» пожурить «мягко» художника Горького, «которого в политике никто всерьез не берет». Ленин, который был в это время болен, назвав письмо Горького «поганым», тем не менее считает, что ругать Горького публично — «это чересчур».

Тем не менее публичная травля Горького начинается. 18 июля 1922 года «Правда» публикует злую статью «Почти на дне...» за подписью О. Зорина. В «Известиях» Карл Радек более деликатно журит писателя за интеллигентское филистерство. Больнее всего «кусал» куплетист-профессионал, мастер быстрого реагирования Демьян Бедный:

О... Он, конечно, нездоров:
насквозь отравлен тучей разных
остервенело-буржуазных
белогвардейских комаров.
Что до меня, давно мне ясно,
что на него, увы, напрасно
мы снисходительно ворчим:
он вообще неизлечим.

Учитывая, что Горький в это время был действительно болен и у него было кровохарканье, Демьяновская «игра слов» представляется особенно гнусной.

Попытки дискредитировать писателя не прекращаются и в 1923 году, когда в связи с болезнью Ленина резко усилилось влияние Г. Зиновьева, известного недоброжелателя Горького. Советская пресса пытается связать имя писателя с уголовным делом (прием, получивший впоследствии широкое распространение в борьбе с «диссидентами»). Возмущенный Горький хотел даже прекратить сотрудничество с советскими изданиями.

Так или иначе заступничество Горь-

кого сыграло роль в участи эсеров. Смертный приговор, вынесенный двенадцати эсеровским лидерам Верховным революционным трибуналом, был приостановлен решением Президиума ВЦИК, а его исполнение поставлено в зависимость от отказа эсеров от методов вооруженной борьбы с Советской властью.

Заступничество Горького за эсеров было, по оценке Е. Замятина, «кульминационным пунктом» разлада Горького с большевиками. Однако резкость критики Москвы насторожила Горького. Дело шло к разрыву. И в Москве имелось немало людей, готовых спровоцировать Горького на этот шаг. «Революционеры на время», литературные подручные типа Демьяна Бедного все больше набирали силу. Горький «проглатывает» мелкие обиды. Он, Буревестник революции, понимает, что в конечном счете судить его будут не временщики, а русская история. И Горький постепенно отходит от эмиграции.

Для этого, впрочем, были и другие причины.

ПРОЛЕТАРИЙ БОГОВ

Согласно легенде, Сизиф сбежал из ада и многие годы прожил на берегу залива, любуясь тем, как «море смеялось» и как на берег накатывались немолчно шумящие волны. Но всему приходит конец. Явился Меркурий и силком утащил Сизифа в ад, где его уже поджидал вечный камень.

Альбер Камю в своем великолепном эссе об абсурде называет Сизифа пролетарием богов. В отличие от Сизифа Горький был богом пролетариев. Но его труд был едва ли не тяжелее Сизифова: он катил на «пик коммунизма» легенду о «новом человеке».

Существует немало досужих рассуждений о том, почему «бог пролетариев» Горький покинул в 1928 году уютный Сорренто и вернулся в Россию.

«Тут, знаете, сезон праздников — чуть ли не ежедневно фейерверки, процессии, музыка, «ликование народа». А у нас?» — пишет он Ходасевичу. И тем не менее страна, где уже и в прозе, и в поэзии, в жизни властно утверждается социалистический реализм,— «эта блеклая пустыня с окаменевшими достоверностями», если воспользоваться выражением Камю,— эта страна властно влечет Горького.

Эмигрантские издания, озадаченные отъездом Горького, которого за шесть с половиной лет изгнания уже привыкли считать своим, не могли не гадать о причинах возвращения. Ведь уже дошли до Запада вести о насильственной коллективизации; уже писали газеты о том, что в деревню направлено 30 тысяч членов партии для реквизиции хлеба. Гражданский мир, начавшийся нэпом, был нарушен. По всем азимутам шел поиск врагов внутренних и врагов внешних. «Минутки ненависти», звучавшие в 1922 году во время процесса над эсерами еще диссонансом для советского уха, в 1928 году превращаются в симфонию ненависти.

1928 год, год возвращения Горького в СССР,— это год Шахтинского процесса, по поводу открытия которого «Правда», ликуя, писала: «Сегодня в Колонном зале Дома союзов перед лицом Верховного суда СССР предстанет плеяда «героев» Шахтинского дела... Им твердо гарантирована смертельная классовая ненависть рабочих и трудящихся всего мира».

Горький следит за ходом Шахтинского процесса уже из Москвы. Почему же он вернулся?

«Соблазнился роскошью, богатством, безумными гонорарами, дареными особняками?» — будет гадать эмигрантская пресса, вспоминая Алексея Толстого. Горький был иным. Роскошь его не влекла. В отличие от А. Толстого, жившего как и большинство эмигрантских писателей в стесненных материальных обстоятельствах, Горький денежных «неудобств» за границей не ощущал. Он был одним из немногих эмигрантских писателей, которого широко издавали за границей и щедро оплачивали. Мотивы возвращения Горького в СССР были не материального свойства.

В стране мощно растет пролетариат, класс, на который сделал историческую и нравственную ставку Горький. В 1927 году в СССР начинают разрабатывать первый пятилетний план, выполнение которого сулит гигантский скачок вперед к социализму. Разоряют крестьян? Но «полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел», хлынув в города, станут рабочими, стальными бицепсами будущего коммунизма! Страну захлестывает во многом искренний, умело подогреваемый энтузиазм.

Но Советской России требуется символ. Символ гордости, радости, успехов. И Сталин, списывавший в октябре 1917 года Горького «в архив», к мертвецам, делает пропагандистскую ставку на Буревестника. Нелюдимый, зараженный манией величия, окруженный холуями, которых он не мог не презирать, он видит в Горьком единственного человека, который мог бы создать вокруг него новый невиданный ореол, «легенду о любви» двух великих людей — великого пролетарского писателя и великого пролетарского вождя.

В отличие от Меркурия Сталин не был богом, иначе он попросту похитил бы Горького из райского Средиземноморья и вернул на грешную русскую землю. Он был обыкновенным диктатором, и методы его действий были тоже обыкновенными, можно сказать, бюрократическими.

В 1928 году Горький начинает получать в Сорренто несметное количество писем и телеграмм — от рабочих, пионеров, писателей, от заводов и учреждений. В разных вариациях звучит одна тема: «рабочая родина родин» ждет своего идола, своего певца. Понимает ли Горький, что это ловко расставленная эмоциональная ловушка? Ведь в эмиграцию из России в это время могли просачиваться лишь те письма, которые были угодны властям? Отчего так неожиданно? Прежде время от времени писали старые друзья, теперь вдруг спохватились пионеры. Народ действительно ждал Горького, великого гуманиста и писателя, и грандиозный прием, который ожидал его на Белорусском вокзале, был искренним. Подозревал ли великий писатель, что этот «бурный поток» умело поощрялся Ягодой, а хором восторгов умело дирижировал капельмейстер в сапогах?



На стадионе «Динамо». 1929 год. Слет комсомольцев Краснопресненского района.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СОН ЗОЛОТОЙ

Тем не менее нельзя упрощать возвращение Горького, трактуя его как ловушку Сталина. Действовало много факторов: тоска по родине, соблазн стать «вторым человеком» в перерождающейся стране, уговоры секретаря П. Крючкова, прибранного к рукам ГПУ, умиление от писем «трудящихся». Но было и другое — куда более высокое, таящееся в сердце писателя. Горький был одним из творцов великой легенды о пролетариате, о новом человеке, рождаемом революционной бурей. Со временем он сам сделался частью этой легенды — и автором, и актером в грандиозном социальном эксперименте, разыгрываемом на подмостках шестой части света. Зрелище этого революционного действа не могло не завораживать его, даже если он видел фальшь главных актеров, несовершенство пьесы, кровавые муки «статистов». Этот психологический феномен хорошо понял В. Ходасевич. В блистательном очерке о Горьком он писал: «Он считал своим долгом стоять перед человечеством, перед «массами» в том образе и в той позе, которых от него эти массы ждали и требовали в обмен на свою любовь. Часто, слишком часто приходилось ему самого себя ощущать некоей массовой иллюзией, частью того «золотого сна», который однажды навеян и который разрушить он, Горький, уже не вправе». Не случайно один из героев горьковской пьесы «На дне» декламирует:

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет;
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Горькому казалось, что теория классов, провозгласившая пролетариат главным действующим лицом истории, реализуется в сталинской России. Что касается неудобных реалий «обострения классовой борьбы» по мере развития социализма, то они представлялись ему неизбежным шлаком при грандиозной переплавке мира.

Вскоре после приезда в СССР Горький посещает Соловки, позднее — «великую стройку» Беломорканала. И там, и здесь его умиляет воспитательная миссия ГУЛАГа. Великий гуманист, опьяненный иллюзионом коллективного счастья, мечтает:

«Лет этак через пятьдесят, когда жизнь несколько остынет и людям конца XX столетия первая половина его покажется великолепной трагедией, эпосом пролетариата, вероятно, тогда будет достойно освещена искусством, а также историей удивительная культурная работа рядовых чекистов в лагерях».

Эти слова были сказаны Горьким в 1936 году.

Горького нетрудно обвинить, как, впрочем, и всякого гениального человека, человека страстей, великих открытий и великих заблуждений. Это тем

более легко, что Горький будто бы нарочно позаботился о том, чтобы оставить «показания истории» против самого себя. Его одобрение процесса Промпартии в конце 1930 года. Его страшная статья «Если враг не сдается,— его уничтожают», изданная Сталиным в виде брошюры тиражом в 3 миллиона экземпляров. Его участие в апологетике насильственной коллективизации. Его вклад в создание культа Сталина...

Все эти факты ныне хорошо известны. Они разделили некогда хрестоматийно единодушных поклонников Горького на яростно спорящие группы. Одни, пытаясь сохранить образ Буревестника в назидание потомству, пытаются убедить нас, что Горький ничего не видел, ничего не знал, что волны человеческой трагедии не доходили до особняка Рябушинского, где его поселили. Другие винят писателя во всех смертных грехах, в том числе и в убийстве советской литературы посредством «соцреализма».

Но как и всегда в истории, особенно в истории великих людей, жизнь складывалась значительно сложнее.

Наряду со свидетельствами обвинения есть и многочисленные свидетельства людей о заступничестве Горького за советскую интеллигенцию. И наконец, нельзя не оценить отказа Горького написать очерк о Сталине, которого «великий вождь» настойчиво домогался. О Ленине написал, а о Сталине не стал.

Целый ряд исследователей — В. Серж, Е. Замятин, Б. Николаевский — отмечают благотворное влияние Горького на Сталина. В круг Горького входили Н. Крупская, Н. Бухарин, С. Киров, К. Радек, Л. Каменев, И. Павлов, которые пытались защитить остатки свободы. Иллюзии о возможности гуманизации сталинского большевизма Горький питал вплоть до убийства Кирова. Убийство Кирова в 1934 году и начало «большого террора» развеяли хрупкие надежды интеллигенции и умеренного крыла партии. В стране ликвидируются последние остатки «старой фронды» — Общество старых большевиков, Общество политкаторжан. «Горький изо всех сил старался удержать Сталина от мести»,— свидетельствует известный знаток советской жизни Б. Николаевский. Но тщетно. Не принимаются протесты Горького и по поводу процесса Каменева. Позиция Горького начинает раздражать Сталина. В «Правде» появляется зловещая статья Д. Заславского «Заметки читателя. Литературная гниль», нацеленная против Горького. Разгневанный писатель запрашивает паспорт для поездки в Италию. И получает отказ. Слухи об этом, кстати, дошли и до эмиграции. В июне 1935 года «Социалистический вестник» помещает корреспонденцию из России:

«У нас с некоторого времени поговаривают, будто звезда Горького вообще начинает закатываться: ему будто бы категорически отказали в разрешении снова отправиться на некоторое время в его любимое Сорренто, и вообще в отношении к нему повеяло холодком... Ничего невероятного в этих слухах о пошатнувшемся положении Горького нет. Ведь он был председателем издательства «Академия», заместителем председателя которого состоял сугубо опальный ныне Л. Каменев... Издательство подверглось разгрому».

В сущности, Горький находится как бы под домашним арестом в особняке Рябушинского на М. Никитской под неусыпной охраной своего секретаря П. Крючкова. Перехватываются даже его письма к Ромену Роллану.

«Устал я очень... Сколько раз хотелось побывать в деревне, даже пожить, как в былые времена... Не удается. Словно забором окружили — не перешагнуть»,— жалуется он в письме своему близкому знакомому И. Шкапе.

Побывавший в 1935 году в Москве Ромен Роллан после встреч с Горьким напишет в своем дневнике:

«Горький бросился, забыв обо всем, в русскую революцию и после многих скачков, разочарований и бунтов, отголоски которых еще двенадцать лет назад доносились до меня в его письмах, полностью посвятил себя идее и делу ленинизма-сталинизма; он привнес в него всю страстность энтузиаста и оптимиста, слившуюся с энтузиазмом рабочих и строителей больших пятилетних планов. Но мне кажется, что этот хорал пытается заглушить «ламенто» — стон (итал.), идущее из глубины его существа».

Несмотря на внешне оптимистический антураж и почти божественное почитание, которым Горький был окружен в Москве, французский писатель зорко подметил, что «тайники его сознания всегда полны боли и пессимизма».

ТРАГЕДИЯ БУРЕВЕСТНИКА

18 мая 1935 года потерпел катастрофу и разбился 8-моторный самолет-гигант «Максим Горький», в то время самый большой самолет в мире. Советский энциклопедический словарь уточняет: это был агитсамолет. Самолет — пропагандист грандиозных успехов «советского образа жизни». Но этого Сталину показалось мало. Он ухитрился сделать из Горького еще одну гигантскую агитмашину, но только с живыми трепетными крыльями — пропагандистского Буревестника, которого запускали в небо в дни ритуальных торжеств.

Горький вольно или невольно сделался одним из главных символов сталинских «побед». Его именем назывались пароходы, самолеты, улицы, дома пионеров, площади, театры, музеи. Несмотря на протесты писателя, в его честь переименовывается Нижний Новгород. Выступая 26 сентября 1932 года на торжественном собрании, Андрей Жданов говорил: «Купеческий старый город с дикими нравами уйдет, родился новый советский социалистический город Горький...»

Отчего же, по свидетельству Кибальчича, Горький плакал по ночам?

Отчего на вопрос одного из посетителей особняка Рябушинского, как дела, Горький с трагической иронией отвечал: «Максимально горько»?

Катастрофа самолета-агитатора была лишь символом той истинной катастрофы, которую потерпели надежды великого писателя. Сколько идеалов, с которыми русская интеллигенция шла к революции и певцом которых был Горький, оказались погребенными под глыбами сталинизма. Горький проповедовал союз демократических сил России — надежды на этот союз рухнули 6 января 1918 года вместе с Учредительным собранием. Горький воспевал свободу — сталинская пропаганда сделала из него певца ГУЛАГа. Буревестник мечтал о счастье пролетариата, о вольном труде. Но стал ли благодарным и вольным труд в социалистической «России фараонов» (выражение Р. Роллана)? Горький хотел быть защитником русской интеллигенции, но на его глазах эта интеллигенция превращалась в «инженеров человеческих душ». Горький мечтал о великом подъеме культуры, о возвышении человеческого духа, а становится свидетелем гонений на дух, на веру, на разум, на совесть.

Писатель не мог не видеть, что рожденный им «под Очемчирами» Человек получил не так уж много шансов сделаться счастливым. Он мог с большой долей вероятности стать одним из тех миллионов, что погибли в гражданскую войну; одной из жертв страшного голода 1921 года, усугубленного продразверсткой; он мог легко попасть на мушку ЧК во время террора в Крыму или Астрахани, а впоследствии за мелкую вину или без вины вовсе угодить в ГУЛАГ; он мог стать обвиняемым на одном из бесконечных процессов против «врагов народа» или попасть под дисциплинарный закон 1932 года; он мог бы стать героем, но скорее всего жертвой Великой Отечественной войны, а если бы (дай ему бог!) выжил, то разделил бы все тяготы восстановительного периода, карточной системы, насильственных займов, и где-нибудь году в 55—57-м, уже после смерти «великого кормчего», ушел бы «на заслуженный покой», получив от государства-благодетеля скромную пенсию. Горький не мог не понять, что Человек, которому он обещал гордое счастье, почти гарантированно был обречен на трагедию. И трагедия этого человека стала трагедией Горького.

Утверждают, что Горький «ничего не видел и не знал». Утверждения эти фальшивы. Могло ли получиться так, что Андре Жид, пробывший в России в 1936 году всего несколько недель, все увидел — всю фальшь новой свободы и нового человека, и все описал в вызвавшей гнев Сталина книге «Возвращение из СССР», а Горький не увидел? Разумеется, не могло! Не могло хотя бы и потому, что в Москве у Горького имелись сотни близких, интимных друзей, которые не могли не сказать ему всего, несмотря на чуткое ухо Петра Крючкова. И. С. Шкапа, один из доверенных людей Горького, проведший двадцать лет в советских тюрьмах и лагерях, недавно написал в «Литературной газете»: «Максим Горький не был ослеплен той показухой, которую ему организовал Сталин... Еще кому-то предстоит раскрыть, проанализировать во всей полноте трагизм существования великого писателя, который прозрел и ужаснулся...»

В этом же духе свидетельствовал и Ромен Роллан, видевший Горького летом 1935 года: «Он очень одинок, хотя почти никогда не бывает один! Мне кажется, что если бы мы с ним остались наедине... он обнял бы меня и долго молча рыдал. (Пусть он простит меня, если я ошибся!)».

Думаю, что ни великий французский писатель, ни близкий друг Горького не ошибались. Но отчего же тогда Буревестник, не пасовавший перед самодержавием, не восстал, не крикнул, подобно Л. Толстому: «Не могу молчать»?

Причина, думается, в том, что Горький понял и глубоко переживал, что он невольно стал соавтором и соучастником величайшего иллюзиона XX века — попытки решить извечную проблему человеческого счастья посредством теории классов, иными словами, путем разделения людей на гегемонов и «других».

«Мы лечили Горького от болезни сердца, но он страдал не столько физически, сколько морально, он не переставал терзать себя самоупреками»,— вспоминал доктор Д. Д. Плетнев, арестованный после смерти Горького по обвинению в неправильном лечении. Я думаю, что Горький, помимо прочего, не мог простить себе и того, что в пьесе «Враги» первым художественно «обосновал» рецепт «революционной алхимии» — разделение народа на «друзей» и «врагов». Злой капиталист и сознательный пролетарий вскоре стали хрестоматийными образами в разжигаемом в стране пожаре классовой ненависти.

Горький не мог не видеть трагедии, которая разыгрывалась на его глазах. Не мог он, оценивая ее причины и последствия, не понимать и того, что особый класс, особые люди, особая эстетика (в виде «социалистического реализма») — все это терпит крах и что сам он, начавший в русской революции гордым Буревестником, заканчивает жизнь в золотой клетке Сталина и Ягоды, «чижом, который умел летать».

В 1929 году на укоризненное письмо Е. Д. Кусковой по поводу его новой роли в сталинской России Горький ответит раздраженной фразой: «Я искреннейше и непоколебимо ненавижу правду...»

На самом же деле Горький глубоко и трагически переживал все то, что происходило с Россией. В отличие от Бисмарка, который бесстрастно бросил свою знаменитую фразу — «Если хотите построить социализм, то выберите страну, которую не жалко»,— Горький не мог безучастно смотреть, как Россия задыхается под глыбами «утешительной лжи». Имеются свидетельства, что незадолго перед смертью он сделал отчаянную попытку нарушить обет молчания. Пьер Эрбар (P. Herbart), работавший в 1935—1936 годах в Москве редактором журнала «La literature internationale», пишет в своих воспоминаниях, вышедших в Париже в 1980 году, что Горький «засыпал Сталина резкими протестами» и «что его терпение истощилось». Есть свидетельства тому, что Горький хотел обо всем рассказать интеллигенции Западной Европы, предостеречь ее, привлечь ее внимание к русской трагедии. Он торопит своих французских друзей приехать к нему на встречу. Шлет телеграммы...

Смерть Горького совпала с приездом в Москву А. Жида и Л. Арагона. Но встретиться с ними он уже не смог. Не ускорил ли их приезд смерть писателя? Эту версию не исключал и сам Луи Арагон, написавший в 1965 году роман «Умерщвление», в котором изобразил смерть Горького на фоне сталинской Москвы. Мы теперь знаем всю фальшь процессов 1937—1938 годов. Но нет ли хотя бы малых крупиц правды в показаниях секретаря Горького П. Крючкова о том, что в мае 1936 года Ягода торопил его поспешить с умерщвлением писателя? Не было ли связано это нетерпение с предстоящим приездом А. Жида и Л. Арагона? Престиж Горького в среде западноевропейской интеллигенции был чрезвычайно высок. Не опасался ли Сталин, что вырвавшийся из золотой клетки писатель снова заговорит языком Буревестника? В последнее время в советской печати были опубликованы медицинские данные, опровергающие насильственную смерть Горького. Мы не подвергаем эти данные критике. Но обстоятельства смерти Горького оставляют массу вопросов. Вот только один, из самых невинных: почему вскрытие Горького происходило в Горках, на даче, а не в клинике. Кому нужна была эта спешка? Впрочем, это уже вопросы для других исследователей...

❇

Горький умер. За окнами желтых дач свирепствовала гроза. Казалось, что буря, которую призывал великий Буревестник, разверзлась над всем миром. Буря бушевала и над Атлантикой, кидая на огромных волнах пароход «Нормандия», на котором Федор Шаляпин возвращался из Нью-Йорка в Гавр. Весть о смерти Горького была уловлена чуткими антеннами французского лайнера. Шаляпин плакал. Когда улеглись первые эмоции, он продиктовал по радио прощальную телеграмму: П. Милюкову, «Последние новости». На следующий день крупнейшая газета русской эмиграции опубликовала ее.

Ф. Шаляпин писал:

«Что бы мне ни говорили об Алексее Максимовиче, я глубоко, твердо, без малейшей интонации сомнения, знаю, что все его мысли, чувства, дела, заслуги, ошибки — все это имело один-единственный корень — Волгу, великую русскую реку и ее стоны. ...Во время моего отъезда из России Горький мне сочувствовал, сам сказал: «Тут, брат, тебе не место». Когда же мы на этот раз в 1928 году встретились в Риме... он мне говорил сурово: «А теперь тебе, Федор, надо ехать в Россию...»... Честно скажу, что до сих пор не знаю, кто из нас был прав, но я знаю твердо, что это был голос любви и ко мне, и к России. В Горьком говорило глубокое сознание, что все мы принадлежим своей стране, своему народу и что мы должны быть с ним не только морально,— как иногда я себя утешаю,— но и физически, всеми шрамами, всеми затвердениями, всеми горбами».



ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ДВОЕМЫСЛИЯ

Анна ГОЛУБЕВА

Для широкой аудитории имя композитора Николая Каретникова практически неизвестно. Хотя он автор музыки к пятидесяти фильмам (среди них «Ветер», «Бег», «Скверный анекдот», «Власть Соловецкая»), его высоко ценят кинематографисты, он писал музыку к спектаклям Малого театра, Таганки, ЦАТСА. Работа в кино и в театре давала ему, так же как в свое время его товарищам Шнитке и Губайдулиной, возможность не только кормить семью, но и заниматься главным своим делом — писать симфоническую музыку. Дело это не приносило автору ни доходов, ни известности.

Музыка его звучала в узком кругу — больше 3—4 человек просто не поместится в его кабинетике, а это практически единственное место, где можно услышать произведения Каретникова. Те, что удалось записать на пленку.

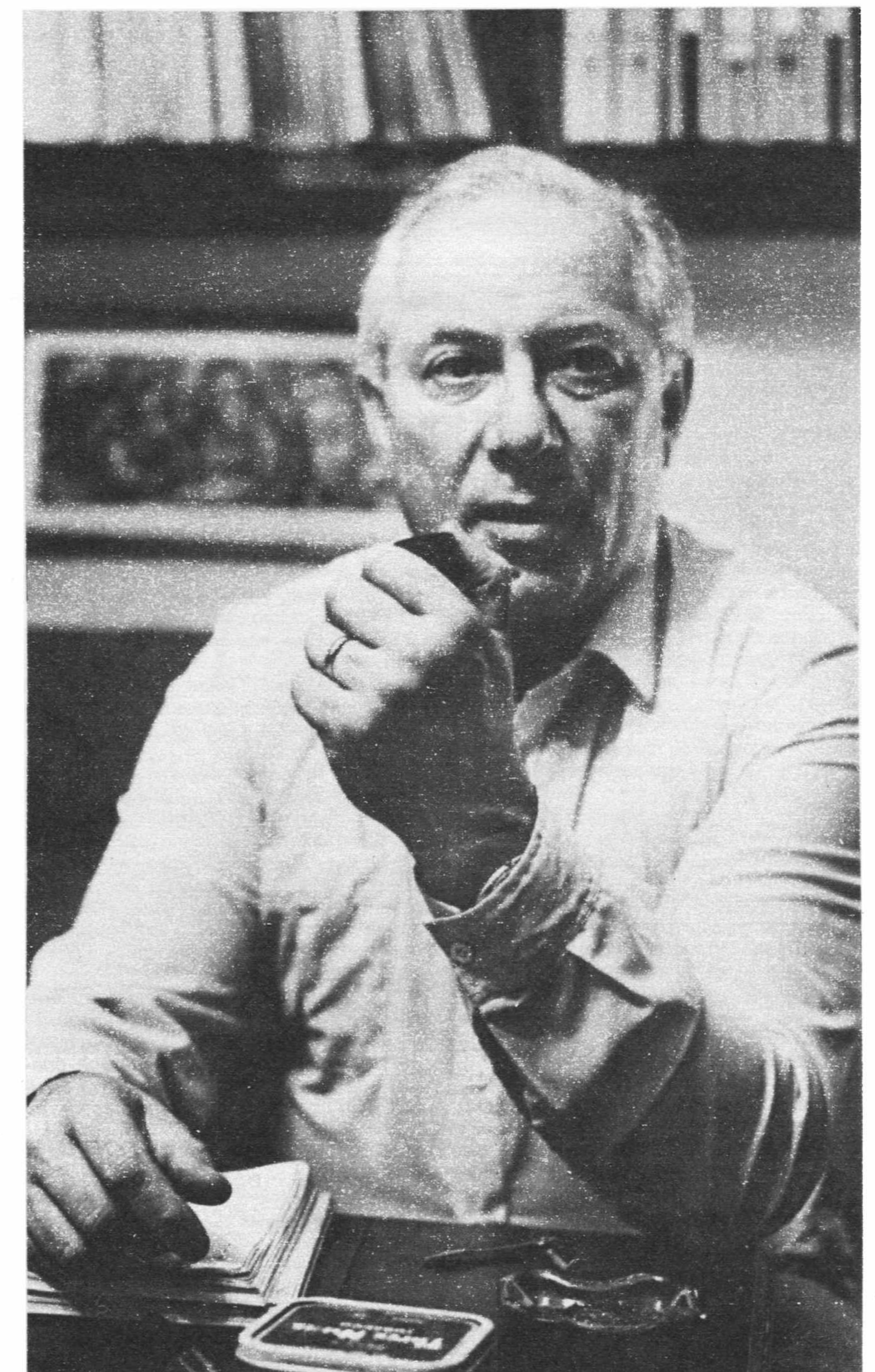
Тот самый узкий круг — коллеги, музыканты и музыкальные критики, в том числе зарубежные,— знает цену сочинениям Каретникова. Почему же мы их не знаем? Такого композитора словно бы не существует. «В вашем журнале есть рубрика «Возвращенные имена». Так вот я — невозвращенное имя»,— сказал мне Николай Николаевич Каретников.

— Ваши коллеги-композиторы долго не допускались до широкой публики на том основании, что считались авангардистами. Теперь выяснилось, что их музыка никакого отношения к авангарду не имеет, а пробиться к слушателям им мешало совсем другое. Что же помешало вам? Может быть, то, что вы пишете, и есть пресловутый авангард?

— Знаете, современники Вагнера говорили о его сочинениях: «Это черт знает что такое! Ничего не понятно, нам просто морочат голову!» Что это было — авангард? Я не совсем понимаю, что значит это слово. Музыка вообще говорит на своем языке и в литературных категориях определена быть не может...

— Хорошо, допустим, что это слово означает отказ от классических правил; что ощущаешь, слушая вашу музыку или, например, Шнитке. Иногда кажется, что даже звуки в ней другие, не те привычные семь нот...

— Правила как раз абсолютно классические, по ним строится любое произведение во все времена. Выдвигаешь некую мысль, затем ты должен развить ее, доказать ее справедливость средствами, заключенными в ней самой, без привлечения аргументов со стороны. А новый звук возникает оттого, что средства эти действительно новые, как бы «не классические». Мои произведения написаны, как правило, методом серийной додекафонии. Это такая композиторская техника, новый способ писать музыку, основанный на равенстве всех 12 звуков звукоряда, на отмене традиционно существующей тональности. Додекафония открыта в 10—20-х годах нашего века австрийским композитором А. Шенбергом. Позже к нему присоединились соотечественники А. Веберн и А. Берг. То, что они делали, вошло в историю музыки под именем Новой Венской школы. По сути это — революция, равная по значению открытию теории относительности. Как и всякое открытие, оно не высосано из пальца. Додекафония выведена из опыта всей предшествующей музыки, из того, что сделано Бахом, Бетховеном, Вагнером, так же естественно и блестяще,



как физика Эйнштейна из физики Ньютона. Как и всякое открытие, она поначалу воспринималась в штыки. Только после войны, в конце сороковых, мир наконец оценил возможности нового метода.

— Кроме чисто музыкальных, «субъективных», были у этой революции какие-то объективные причины?

— Конечно. Мир постепенно освобождался от тирании, автократии, возросла степень свободы личности. И новая музыкальная форма неизбежно должна была возникнуть как адекватное отражение содержания этого нового мира, мышления и чувств людей новой эпохи. То же самое происходило и в науке, и во всех других искусствах.

— Можно ли найти в них какие-то аналоги серийной додекафонии?

— Нечто подобное в живописи делали Клее и Кандинский. А ближе всего, пожалуй, супрематизм Малевича. И модульная архитектура: это когда здание сделано из одного-единственного элемента, но он повторяется в самых разных сочетаниях, и это дает какую-то особую, неповторимую гармонию.

— Через четверть века эхо «нововенского взрыва» докатилось до нас, и появились Шнитке и Губайдулина, Денисов и Каретников...

— Только мы ни в коем случае не «школа» и не «направление». Да, все прошли через увлечение додекафонией, но каждый в свое время и каждый относится к ней по-своему: кто-то использует, кто-то нет. У каждого своя композиторская техника, свой стиль. Если мы и выглядели группой, то группой изгоев, отщепенцев. Мы были в одинаковых условиях изоляции от исполнителей и слушателей. Нас объединяло, кроме хороших отношений, желание писать свое, а не то, что принято и одобрено,— словом, совсем не эстетические причины.

— В своем интервью «Огоньку» Софья Губайдулина назвала, по-моему, самую главную причину: «...Наша музыка была нежелательным феноменом... внутренней освобожденности личности». Нежелательным — еще бы! Внутренняя свобода всегда вызывала у власть имущих раздраже-

ние, близкое к панике. Непонятно, что это за болезнь такая. Учету и контролю не поддается. Фокус, как с другими болезнями (объявляешь, что нет, а на самом деле есть) или как с другими свободами (объявляешь, что есть, а на самом деле нет), с этой не проходит. Так что внутренне свободных предпочитали изолировать — высылать подальше, сажать, прижимать, чтоб не распространялись. Эти гигиенические меры применялись у нас с успехом — внутреннюю свободу почти искоренили, эпидемий не наблюдалось. Интересно, где это вы ухитрились ее подхватить?

— В юности и у меня ничего такого не было. Я рос здоровым, правоверным, был комсоргом в школе, потом в консерватории, молился на Сталина. В семье моей никто не пострадал, так что жизнь казалась прекрасной. Первый удар случился в 48-м году — те самые постановления. В виновность Ахматовой и Зощенко поверил сразу — их книг я тогда не знал. Но музыку-то я уже знал! Мне было 18. Моим учителем в консерватории был замечательный педагог Шебалин. Прокофьева и Шостаковича я слушал и почитал как Великих Мастеров. И вот сверху, с высоты, равной солнцу, спускается Постановление об опере Вано Мурадели «Великая дружба», где сказано, что Прокофьев, Шостакович и Шебалин — композиторы вредные и порочные.

Это не укладывалось в голове: с одной стороны, Великие Мастера, с другой — Великое Правительство во главе с Великим Вождем. И, знаете, удивительно, но голова не раскололась. Оказалось, можно жить с двойным сознанием. Это страшное двоемыслие длилось долго, до тех пор, пока я не узнал правду. Что началось после постановления — известно. От преподавания композиции были отстранены Шостакович, Шебалин и многие другие. У руководства Союзом композиторов встали люди, которых на пушечный выстрел нельзя было подпускать к «командованию музыкой». Под запретом оказалась не только новая советская музыка, но и весь зарубежный XX век. Даже Дебюсси перестали играть с перепугу.

ИЗ КНИГИ Н. КАРЕТНИКОВА «ТЕМЫ С ВАРИАЦИЯМИ»

«По консерваторскому коридору идет студент (ныне достаточно известный композитор) и несет в руках две партитуры Стравинского. Эти партитуры видит другой студент (ныне очень известный композитор). Он немедленно бежит в партбюро и докладывает: «Там по коридору идет такой-то, и у него в руках ноты Стравинского!»

Подозреваемый немедленно изловлен, уличен в преступлении, и какое-то чудо спасает его от изгнания из консерватории.

В тот же день по окончании занятий пострадавший изловил доносителя во дворе консерватории, сунул его головой в сугроб на том месте, где ныне высится порхающий (не по своей вине) Чайковский, и, нанося удары кулаками по вые и ногами по заду, приговаривал:

— Будешь доносить, сука?

А тот из сугроба вопил:

— Буду! Буду!

И не обманул!»

— В поисках все тех же нот Стравинского в общежитии консерватории устраивали обыск. А когда один студент дерзнул использовать в своем опусе диссонирующий интервал — септиму,— в консерваторских стенах появилась следственная комиссия... Запрещалось все мало-мальски несхожее с предписаниями «верха».

— Бытует мнение, что запреты, преграды идут на пользу художнику — якобы только в борьбе с ними он и может создать нечто великое.

— Помилуйте, да ведь художнику и так есть с чем бороться! Существуют естественные преграды, сопротивление материала. Само творчество есть процесс борьбы с немотой, с тем врагом, что внутри тебя, а не вовне. А наша действительность всегда ставила художника в такие условия, когда он вынужден делать искусство орудием социальной, политической борьбы. В 49-м году, в разгар кампании против «космополитов», Шостакович написал цикл еврейских песен. Вообще большинство из написанного им — чистейшая музыка протеста против тоталитаризма. Именно в результате такой борьбы мы и имеем великую трагическую музыку, великую трагическую литературу. Но не в ущерб ли самому искусству? Ведь эта борьба изуродовала и сократила земное существование Шостаковича, Прокофьева, Мандельштама, Галича... Да пусть в конце концов искусство будет менее трагичным, а люди — более счастливыми.

ИЗ КНИГИ Н. КАРЕТНИКОВА «ТЕМЫ С ВАРИАЦИЯМИ»

«Александр Васильевич Гаук. Народный артист РСФСР, профессор, главный дирижер Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио. Сейчас трудно говорить о том, как подобный дирижер — он совершенно не мог удержать в памяти правильные темпы сочинений, которые ему предстояло исполнить,— мог быть главным дирижером, но он, однако, был им...

...Осенью 1955 года была исполнена очень случайно и небрежно моя 2-я симфония, и я, естественно, захотел, чтобы ее сыграли нормально. Чтобы это стало возможным в главном оркестре радио, мне было предложено явиться к Гауку домой и продемонстрировать запись состоявшегося исполнения. В условленный день я появился в его квартире на улице Горького, держа под мышкой партитуру и ленту с записью.

Главной частью в моей симфонии был огромный, черно-трагический траурный марш. Он и послужил предлогом для нижеприводимого диалога.

После того как отзвучала последняя нота, установилась пауза, в которой Александр Васильевич то внимательно разглядывал мою личность, то партитуру. Затем раздался вопрос:

— Тебе сколько лет?

— Двадцать шесть, Александр Васильевич... (Пауза.)

— Ты комсомолец?

— Да, я комсорг московского Союза композиторов... (Пауза.)

— У тебя родители живы?

— Слава Богу, Александр Васильевич, живы...

— (Без паузы.) У тебя, говорят, жена красивая?

— Это правда, очень... (Пауза.)

— Ты здоров?

— Бог миловал, вроде здоров...

— (Высоким и напряженным голосом.) Ты сыт, обут, одет?

— Да все вроде бы в порядке, Александр Васильевич.

— (Почти кричит.) Так какого же черта ты хоронишь?!

...Все было ясно. Я молча собрал пленку и партитуру и направился к двери. Но чувствуя, что не могу оставить поле боя, даже не попытавшись хоть как-то пискнуть, задержался в дверях и спросил:

— А «право на трагедию»?

— Нет у тебя такого права!! Пошел вон!»

— Это была середина 50-х, когда я в принципе благоденствовал: мои произведения звучали, а имя даже упоминалось в докладах в качестве надежды отечественного симфонизма. И тут я стал задумываться над тем, что делаю. Понял, что все это очень не ново и мало чем отличается от моря окружающей кабалевско-советской музыки. Музыкальной формой пользуются как костылями: выполняй правила, набивай ее любыми нотами, и тебя будут слушать. А что? Звучит же. Но это кукла. Вроде все как у людей, даже глазки моргают, только вот ротик молчит и ушки не слышат... Я стал искать секрет. Почему то, что делали классики, лишено всяких признаков насилия над музыкой и стандарта? На поиски потратил два года. В это время я не прикасался к нотной бумаге. Решился выбросить все, что написал до тех пор,— 10 лет жизни. Нет, это не был стыд за детские работы, детские я как раз оставил. А все остальное, понял я, просто не музыка. Я писал как положено, потому что не знал ничего другого. Толком не знал настоящей современной музыки! Вагнер долго был под запретом — считался любимым композитором Гитлера. Малер числился формалистом, и я услышал его впервые в возрасте 23 лет. Ну, а с музыкой Новой Вены познакомился, когда мне было аж 27 — в 57-м году.

— Новая Вена потребовала перехода в Новую Веру, в Новый Век? Как это произошло с вами?

— На концерте Глена Гульда, впервые исполнившего на гастролях в СССР «Вариации» Веберна, я не был. Услышал эту музыку позже, в магнитофонной записи. Долго смеялся — это казалось чудовищной нелепицей... Мне понадобился целый год, чтобы научиться воспринимать это, а потом самому освоить принципы новой композиции. Впервые я попробовал некоторые приемы серийной додекафонии в своей 3-й симфонии. Это переходное сочинение, работая над ним, я понял: вот то, что искал! С него я начинаю отсчет своей настоящей музыки.

ИЗ КНИГИ Н. КАРЕТНИКОВА «ТЕМЫ С ВАРИАЦИЯМИ»

«Показываю Д. Б. Кабалевскому свою 3-ю симфонию в фортепианном исполнении. Он в это время был еще и председателем Молодежной секции Союза московских композиторов.

Во время прослушивания с его стороны иногда слышались неодобрительные, с закрытым ртом, «у-гу» и я с изумлением обнаружил, что он не вовремя переворачивает листы моей довольно простой партитуры — опаздывает на 3—4 страницы.

Музыка закончилась.

— Коля!! Что это!! Я не узнаю прежнего Каретникова!! Откуда эта мистическая полетность?!! (До сих пор гадаю, что он имел в виду.)

И далее в том же духе. Сплошь восклицания, все вне какой-либо логической аргументации...

Через два дня показал симфонию на собрании Молодежной секции. Кабалевский на сей раз отсутствовал.

Еще через день я был вызван в секретариат Союза композиторов СССР...

— Николай Николаевич! Стало известно, что вы написали некую новую симфонию, так вот мы хотели бы с ней познакомиться.

— А для чего вы захотели с ней познакомиться?

— Видите ли, стало известно, что ваше сочинение имеет, мягко говоря, несколько странное содержание и написано подозрительным языком. Так вот мы все вместе это и обсудим.

*— Но зачем? Позавчера я показал симфонию на Молодежной секции и получил полное одобрение, а это vox populi! *.*

*— Это не vox populi, это vox nobili!**. Явиться на секретариат я отказался. Шел 1959 год. Симфония была исполнена только в 70-м».*

— От «подозрительного языка» я, однако, отказаться уже не мог... В балете «Ванина Ванини» уже уверенно применял серийную додекафонию. В 61-м его начали репетировать в Большом театре...

Хронику той короткой войны с оркестром Большого театра Каретников полностью приводит в своих мемуарах. Читая, я не уставала изумляться боевой смекалке прославленных музыкантов. Они договорились все это «проклятое» сочинение играть пианиссимо. Протест выражали на полях оркестровых партий, и не какими-нибудь нотами, а настоящим боевым матом. Потом ударили во все колокола (позвонили в Минкульт, в Союз композиторов), требуя немедленного вывода «формалиста» на чистую воду. Несдобровать бы Каретникову, если бы не Шостакович, буквально спасший балет от разгрома. Премьера состоялась. Но уже на следующий день композитор понял, что проиграл: в борьбу вступили слишком серьезные силы.

— Ни в одной из газетных рецензий на «Ванину...» о музыке не было фактически ни слова. Иногда вскользь упоминалось мое имя. Говорили же исключительно о хореографии. С чего бы это добрый десяток газет так дружно «забылся», если не по распоряжению Минкультуры? Балет исполняли еще 7 раз, после чего сняли.

— Объяснили причину?

— Нет. Его просто не играли больше, и все. На все вопросы отвечали, что балет, мол, стоит в репертуарных списках Большого, так что нечего волноваться. И он там действительно числился — еще года два. Потом и оттуда исчез. У меня было ощущение, что земля уходит из-под ног. Передо мной закрылись двери филармоний, радио, покупавшего доселе чуть ли не каждую мою ноту, и даже киностудий. Тут-то я и вспомнил самый первый урок, полученный мной, 12-летним, от моего первого учителя.

ИЗ КНИГИ Н. КАРЕТНИКОВА «ТЕМЫ С ВАРИАЦИЯМИ»

«Шебалин: Ну вот, мальчик, мы с тобой начнем заниматься... Ты не боишься? (Я непонимающе таращусь на Виссариона Яковлевича и на всякий случай молчу.) Видишь ли, я обязан тебя кое о чем предупредить. Сейчас ты будешь заниматься со мной в ЦМШ, потом, даст бог, в консерватории, и все будет хорошо и спокойно. Но когда мы расстанемся, и ты, оставшись один, захочешь писать музыку так, как ты сам считаешь нужным, я повторяю — так, как ты САМ считаешь нужным, ты должен быть готов к тому, что тебя будут упорно и жестоко бить. Поэтому я еще раз спрашиваю: ты не боишься?»

— Я вспомнил непонятое в детстве пророчество потому, что оно сбылось: начав делать СВОЕ, я стал «персоной нон грата». Это продолжалось почти 20 лет, но самыми трудными были первые три — доходило до голодухи. Наконец в 64-м Алов с Наумовым вновь заказали мне музыку к своему фильму. С тех пор, уже четверть века, кино спасает меня. И не только от голода. Оно дает возможность не отрываться от практики работы с оркестром, изредка проверять в реальном звучании то, что есть только в голове и на нотных листах. Однажды мне здорово повезло — удалось сделать запись четырех своих сочинений на радио. Официально это было, конечно, невозможно. Но с 65-го по 70-й год в редакции иновещания работал мой приятель. Так вот, он заполнял наряд на запись музыки для служебных целей, например, для заставок к своим передачам. Начальство его подписывало — не глядя. Исполнение было, конечно, анекдотическое: приходят музыканты, кое-как выучивают кусок и с ходу, без репетиций, записывают. Таким же манером следующий. В общем, музыку я склеивал из 7, 10, 12 кусочков. Но это было счастье — я смог услышать четыре своих сочинения! А ведь в то время и много лет после ни на исполнение, ни на запись этой музыки нечего было и рассчитывать...

— То есть линия СК в конце 60-х не изменилась?

— И в 70-х тоже. Хотя бы потому, что проводили ее все те же люди. Многие чиновники Союза композиторов благополучно пересидели в своих креслах и культ, и оттепель, и застой. Хренников занял свой пост еще при Сталине. Почему его не переизберут? Ну, во-пер-

* глас народа.

** глас избранных.



С НОВЫМ ГОДОМ!

Согласитесь, что эта страница выглядит несколько необычно. Но, поверьте, изображенный на ней коллективный портрет журналистов «Огонька», всех тех, кто причастен к его выпуску,— это не самореклама. Это, если хотите, попытка взглянуть Вам в глаза, наш дорогой Читатель. Взглянуть прямо, честно, раскованно и открыто. Думается, что мы имеем на это право. Ведь каждый день уходящего года был прожит нами в яростном соприкосновении с кругом Ваших больших и малых проблем, забот, интересов, личных удач и, увы, неминуемых горестей.

Мы с Вами дожили до времени, когда низвергаются с высот самые твердокаменные, сцементированные десятилетиями мифы, догмы, стереотипы. В какой-то степени нам всем неуютно. Дискомфорт нередко становится определяющим фактором нашего бытия. Но никто не в силах отнять у нас веру в светлый завтрашний день. Он обязательно наступит. Сквозь хмурое небо прорвутся к нашей земле жизнетворные токи разума, цивилизации, прогресса, солнечный свет не плакатно-начертательного, а реального гуманизма.

От Балтики до Курил бьется сердце нашей огромной и прекрасной страны. Мы называем ее так не для красного словца и не потому, что наша жизнь сегодня так уж прекрасна. Мы говорим так, потому что есть прекрасное человеческое ощущение — оптимизм! С Новым годом, дорогие товарищи! Вступая в последнее десятилетие нашего непростого века, будем оптимистичны, бодры, собранны. Еще не вечер...





ФОТО150МОСКВА

1839-1989

ПРОДЛИСЬ, ПОВРЕМЕНИ, МГНОВЕНЬЕ...



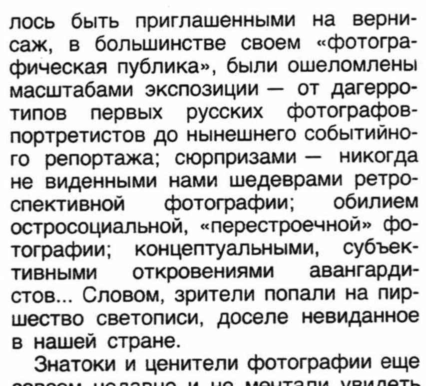
Фотография императорских театров. Петербург. Портрет в интерьере. 1890-е годы. Из архива Государственной публичной библиотеки. Ленинград.



Сергей Прокудин-Горский. Портрет Ф. И. Шаляпина. 1916 г. Из коллекции Михаила Голосовского.

Полуторавековое триумфальное шествие фотографии, несмотря на жесткую конкуренцию кинематографа и телевидения, принято объяснять способностью к воплощению в некую фотореальность бессмертной фразы из гетевского «Фауста»: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Но (извините за невежество) сравнительно недавно довелось узнать, что в более точном переводе с немецкого этот призыв переводится как «продлись», «постой», «повремени». И, может быть, не столь уж бесспорны наши давно и прочно утвердившиеся представления о статичности фотокадра в отличие от динамики кино и телевидения. Ответ в пользу уточненного перевода дает экспозиция «Жизнь в фотографии, фотография в жизни» — 1800 «продленных мгновений» в интерьере Центрального выставочного зала (Манежа).

Первые зрители, кому посчастливи-



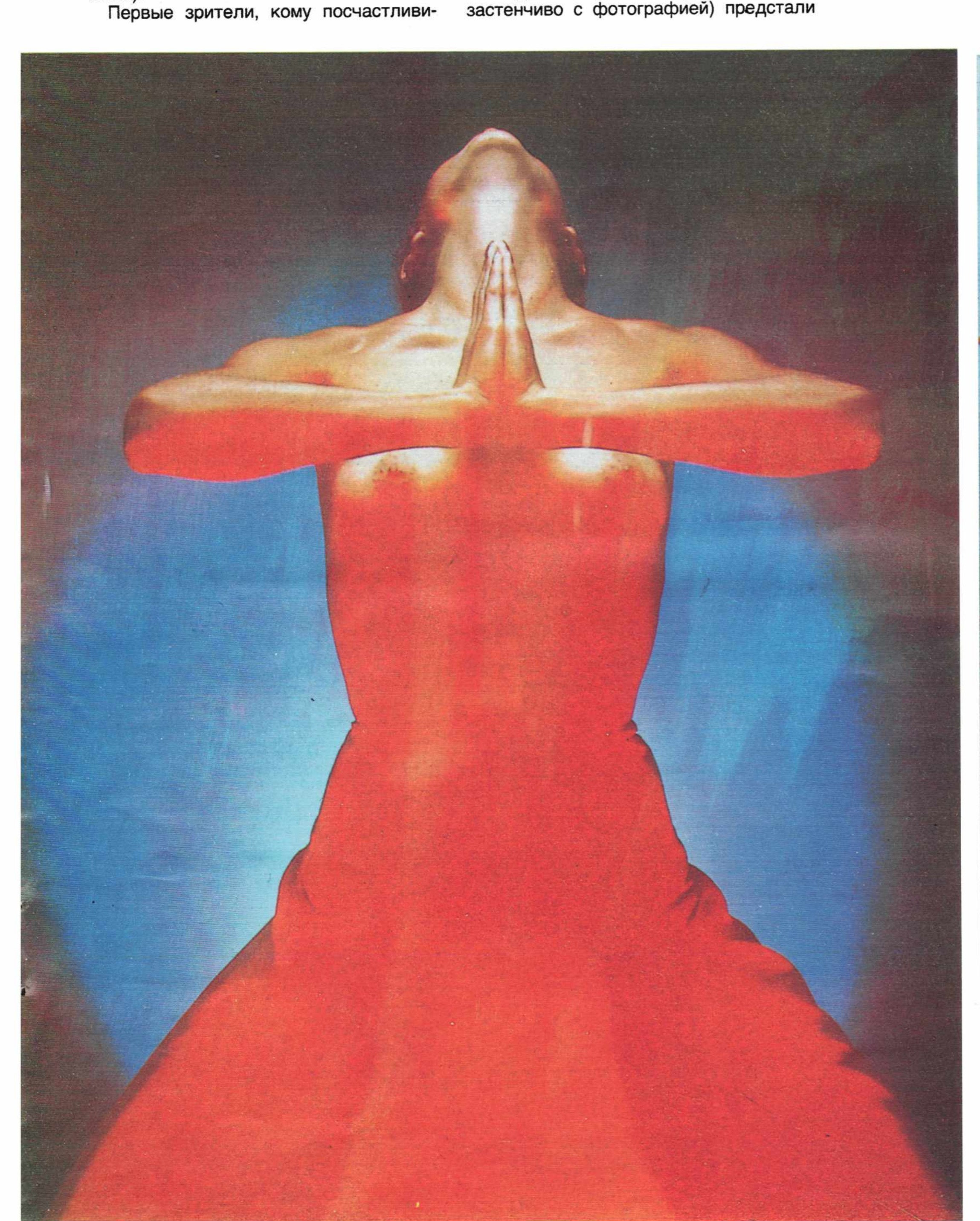
лось быть приглашенными на вернисаж, в большинстве своем «фотографическая публика», были ошеломлены масштабами экспозиции — от дагерротипов первых русских фотографов-портретистов до нынешнего событийного репортажа; сюрпризами — никогда не виденными нами шедеврами ретроспективной фотографии; обилием остросоциальной, «перестроечной» фотографии; концептуальными, субъективными откровениями авангардистов... Словом, зрители попали на пиршество светописи, доселе невиданное в нашей стране.

Знатоки и ценители фотографии еще совсем недавно и не мечтали увидеть на выставках покоившиеся в спецхранах и запасниках, в частных коллекциях старые снимки «сомнительной», а то и «крамольной» репутации.

Люди из далекого и недавнего прошлого (а куда от них денешься — разве что заретушировать или скадрировать, что и делалось многие годы весьма беззастенчиво с фотографией) предстали

Юрий Желудев. Женский портрет.





Владимир Пчелкин.
Стремление к тайне.



Наталья Синицына. Рок.



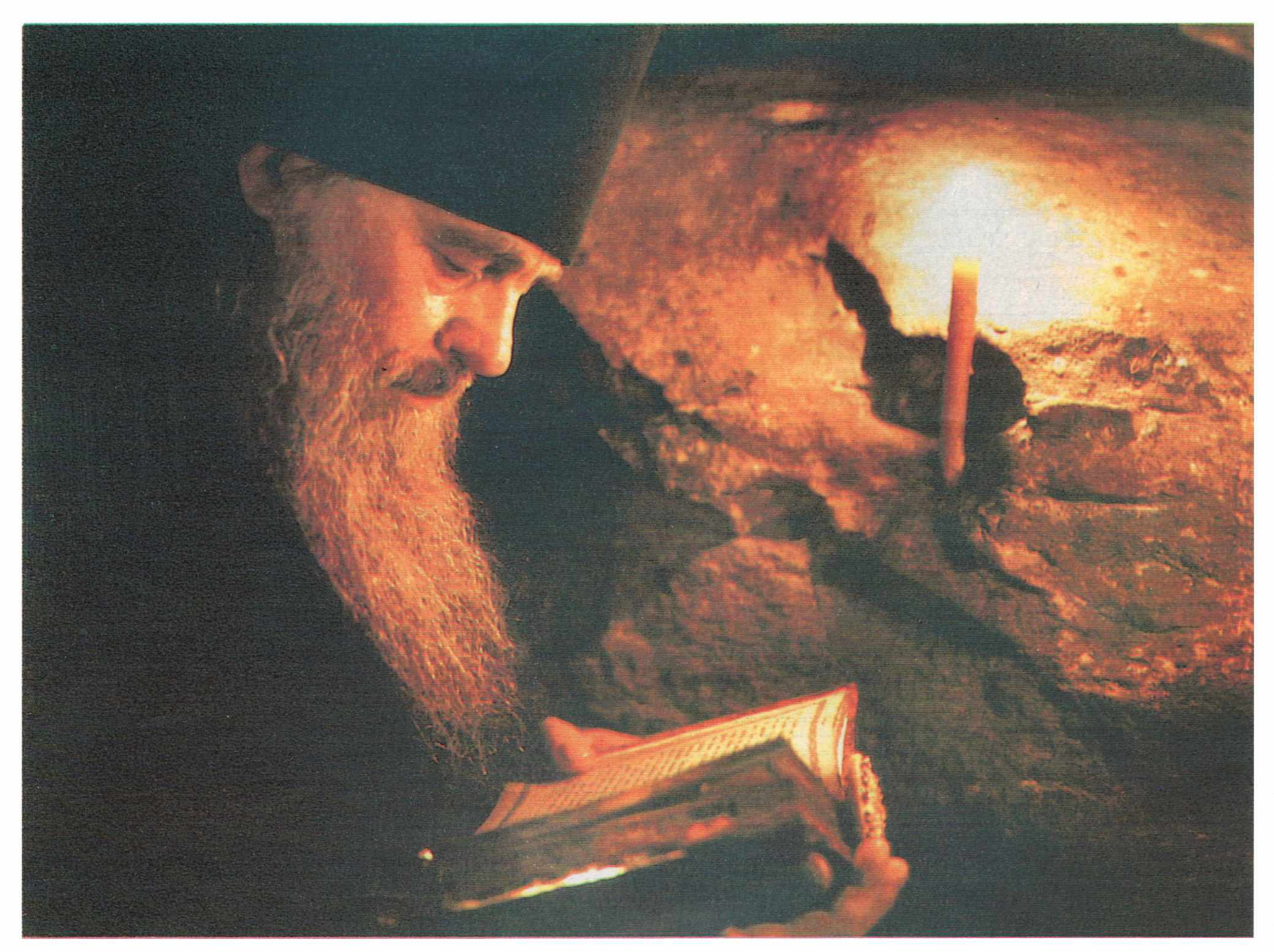
Владимир Вяткин. На пороге перестройки.



Владимир Вяткин. Афганский репортаж (из серии).

Андрей Соловьев. Баку. 6 сентября 1989 г. (из серии).

Борис Бабанов. Дискуссия.



Виктор Корнюшин. Успение.



Андрей Соловьев. Фергана, май 1989 г. (из серии).

перед сегодняшними зрителями на стендах Манежа. Развернутая на них документальная летопись предреволюционных лет, первых десятилетий революции, как и сегодняшняя в лучших ее образцах — а таких работ, к счастью, множество,— вполне соответствует творческим установкам самых известных социальных фотографов мира, чьи имена вошли в историю. Вспомним высказывание классика американской фотографии, свято исповедовавшей гуманистические принципы фототворчества, Дороти Ланге: «Фотоглаз должен быть всепроникающим, совсем близким к нашей истинной сущности, должен обладать тотальной социальной адекватностью».

Какова она сегодня, наша жизнь? Об этом с выставочных стендов рассказывает профессиональная журналистская и любительская фотография. Последняя еще совсем недавно предпочитала жанры пейзажа или натюрморта. Вероятно, в этом есть своя закономерность, стремление к подлинному, к «необработанной реальности», особенно отчетливо проявляется в периоды социальных потрясений и сдвигов. Документальная по своей природе фотопублицистика, как и публицистика, созданная пером, помогает утолить жажду истины.

...«Необработанная реальность» репортажной выставочной фотографии напоминает зрителям о драматических или трагических событиях недавних лет или месяцев и заставляет вновь ужаснуться, вознегодовать. Авария в Чернобыле и землетрясение в Армении, забастовка в Кузбассе и события в Нагорном Карабахе, демонстрации в Прибалтике и возвращение «афганцев», тюрьмы, где отбывают наказание малолетние преступники, и жизнь северных народностей без прикрас и экзотики, Тбилиси, Фергана, Курапаты...

Много ли таких работ на выставке? Много. Но стоит ли дозировать правду, нанося удары «социальной адекватности» фотоискусства, которому в прошлые времена уже был нанесен невосполнимый ущерб? Можно лишь догадываться о том, сколько важных и значительных фотодокументов истории было уничтожено. А сколько их, до сих пор еще не освоенных историками и политологами, не увиденных читателями прессы и посетителями выставок, пребывает в тиши спецхранов и ведомственных архивов.

Нет смысла называть здесь фамилии авторов наиболее впечатляющих современных работ — равно как и описывать сюжеты их снимков. Как говорится, лучше один раз увидеть... Но два важных обстоятельства следует подчеркнуть в связи с несомненно высоким уровнем творчества фотографов прессы. Во-первых, все они... самоучки (!). В стране нет ни одного высшего учебного заведения, готовящего профессиональных фотографов. Фотожурналисты — это вчерашние фотолюбители, фотохудожники в большинстве своем — это фотолюбители сегодняшние. Когда и как будет решена проблема фотографического образования, неизвестно. И, во-вторых, как это ни парадоксально, загадкой остается то обстоятельство, что в условиях гласности наши фотожурналисты, казалось бы, неискушенные и неподготовленные к съемкам в экстремальных ситуациях, показали себя с самой лучшей стороны. Появилась потребность, спрос на острую, отображающую наше время фотографию, и потенциально талантливые, умеющие не только снимать, но и думать мастера, среди которых много новых имен, не замедлили ответить на спрос предложением.

Однако не побоимся повториться: лучше один раз увидеть... и насладиться зрелищем продленных мгновений быстротекущей жизни.

Григорий ЧУДАКОВ



Гурам Тугуши. Оля.

Я. Шильдкрет. Детский приют. г. Керчь, 1893 г. Из фондов Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР.



Михаил Бунарь. Листы из серии «Типы оренбургского края». 1872 г.



Киргизы. Калмыки. Из архива Государственной библиотеки. Ленинград.

Марина Юрченко. Художник в атмосфере своих произведений.

вых, он опытный политик. Во-вторых, старается хорошо вести бытовые дела некоторых членов Союза. И потом на его счету есть героический поступок. В 49-м, когда началась борьба с космополитами, от всех творческих союзов потребовали выдачи своих. И СК, кажется, единственный, тогда этого не сделал. Хренников просто заявил, что во вверенном ему Союзе космополитов нет. Это был акт гражданского мужества. Но, к сожалению, во многих других судьбах он сыграл далеко не такую благовидную роль... Запрещение, замалчивание всего нового в музыке продолжалось и после того, как стало заведомо абсурдным, ибо завеса молчания состояла уже из одних дыр.

ИЗ КНИГИ Н. КАРЕТНИКОВА «ТЕМЫ С ВАРИАЦИЯМИ»

«В 1968 году на «Пражской весне» чехи исполнили 4-ю симфонию. Дома продолжалось молчание.

Весной 1969 года после восьмилетнего перерыва неожиданно позвонил глава симфонической редакции радио:

— Коля! Говорят, у тебя в Праге исполнялась какая-то симфония. Не мог бы ты нам ее показать?

Я удивился: зачем это нужно? Убежден, что даже слабого отзвука этой музыки они в эфир не пропустят.

— А для чего это вам?

— Ну... мы хотели бы знать, как ты сейчас работаешь.

Я согласился.

Войдя в кабинет главного редактора всея музыки всея Радио, я застал там его самого, «главного» симфонической редакции и одного рядового. Это меня насторожило — не слишком ли много для такого показа?

Прослушали запись 4-й.

Последовал разговор, в котором мне объяснили, что эта музыка кошмарна, что я разучился работать, что теперь не смогу написать даже элементарной мелодии, что от меня полностью сокрылись цель и назначение музыки в этом мире, что я просто не проживу, творя подобный, никому не нужный кошмар, что обо мне никто доброго слова не скажет, что я совершенно сошел с ума, что те, кому эта музыка нравится, сумасшедшие, что Г. Рождественский, который хотел ее исполнить, тоже сумасшедший, и уж чехи-то подавно сумасшедшие...»

— В 70-м году мою 4-ю симфонию и мой балет «Крошка Цахес по прозванию Циннобер» (по Э.-А. Гофману) готовились исполнить. Первую — в Стокгольме, второй — в Ганновере с разницей в неделю. Я получил два приглашения. Одно подписал король Швеции, другое — правительство ФРГ. Автор должен присутствовать при первом исполнении своей вещи — таковы правила во всем мире.

Союз композиторов мне в поездке отказал по той причине, что сочинения эти Союзу неизвестны. Я предложил посмотреть партитуру. Но мне возразили: произведения, не звучавшие в нашей стране, за ее рубежами исполняться не должны — таково правило Союза советских композиторов.

Правда, немцы и шведы все равно эти произведения исполнили. И даже успешно. После премьеры «Крошки Цахеса» занавес открывали 36 раз и публика кричала: «Автора!» Автор в это время сидел в Москве и ничего бы не узнал, если б не поздравительная телеграмма из Ганновера. И 4-ю в Стокгольме принимали очень хорошо. Это мне Марк Лубоцкий рассказал, когда вернулся,— он в том же концерте исполнял произведение Шнитке. А у нас подобные штучки не проходили. Попытку сделать на «Ленфильме» фильм-балет «Крошка Цахес» главный идеолог Госкино Баскаков расценил однозначно: «Вы хотите снять антисоветский балет!»

— А представим себе, что вы — те, кто недавно еще сидел в подполье,— становитесь сейчас у руководства Союзом...

— Этот процесс уже начался. Я, например, избран в правление.

— Тем более. Так вот, к вам, члену правления, полномочному что-то решать, приходит некий безвестный сочинитель, чья музыка вам совершенно непонятна, чужда и вообще не кажется музыкой. Или, наоборот, вы понимаете, что эта музыка начисто перечеркивает все, что делали вы...

— Но Вагнер же не зачеркнул Бетховена? Малер не зачеркнул Вагнера, Шенберг не зачеркнул Малера. Если я уверен, что делаю что-то настоящее, то знаю — этого уже не зачеркнуть, это останется. Ну, а не останется — значит, судьба такая, надо ей подчиниться. Искусство беспощадно. Тут ко всему надо быть готовым, в том числе и к тому, что ты можешь оказаться не гением...

— Те, кто вас запрещал, не были к этому готовы?

— Видимо, нет. Многие из них убеждены в своей прижизненной гениальности. Есть, правда, и те, кто ведает, что творит, но «калиф на час» старается не думать о завтрашнем дне. Надо успеть урвать свое сегодня. Оттеснить конкурентов, захватить монополию на производство музыки, а значит — славу, деньги, поездки. Такова экономическая подоплека политики запрета, и потому она оставалась неизменной. Менялись только методы. Сначала ругали, но это у нас обычно приводило к обратным результатам — эффект «запретного плода»... Тогда просто перестали упоминать. Ярлыки менялись — от «врага народа» до «формалиста-модерниста». Правда, есть и универсальный довод на все времена: «Народ этого не поймет!»

— Николай Николаевич, а не думаете ли вы, что те, кто так говорит, в чем-то правы? Пока именем народа запрещали, казнили, изгоняли все неугодное, народ, то есть мы, действительно перестал многое понимать и вообще разучился слушать и смотреть, а потом вы сами говорили, что новая музыка трудна для восприятия...

— Одно дело — естественный барьер в восприятии нового. Люди всегда консервативны в своих вкусах. Очень трудно перейти с привычной пищи на новую, непривычную, не так ли? В искусстве еще трудней. Восприятие искусства — работа, она требует огромных затрат — и душевных, и материальных. Тем более новая сложная музыка, предполагающая развитого слушателя. Но ведь большинство из нас не умеет толком воспринимать и традиционную музыку, классику... Мы не хотим идти на эти затраты, мы разучились работать — нас слишком долго кормили жвачкой из разрешенного списка авторов... Вы правы, произошло одичание. На Западе симфоническая музыка собирает тысячные аудитории. У нас — дай бог, 300 человек в Малом зале. Даже если снять все препоны и рогатки на пути новой музыки, ее практически некому будет слушать, некому исполнить...

— Как?! А наши славные на весь мир солисты?

— А сколько их? Двадцать? Тридцать — на всю огромную страну? И что мы, кроме них, можем предъявить? Оркестры, из которых едва ли наберется пять, способных звучать на приличном европейском уровне? Перестав исполнять сложную современную музыку, наши коллективы постепенно потеряли квалификацию. Зная это, зная состояние инструментария, концертных залов, многие мои коллеги пишут, заранее ориентируясь на заграничное исполнение...

— Об «экспортной ситуации» в нашей музыке говорили на страницах «Огонька» и композитор Губайдулина, и дирижер Китаенко, и пианист Петров. Со всех этих точек зрения она выглядит уродливо. Но так или иначе экспорт музыки часто был единственным способом донести ее до слушателя. И именно закордонная слава помогла многим нашим мастерам получить признание на Родине... Что же вам мешало пойти этим путем?

— Невезение. И Альфреда, и Соню Губайдулину спасли наши именитые исполнители, те самые «звезды», которым никто не мог запретить — во всяком случае, на гастролях за границей — играть то, что они хотят. К несчастью, такой камерной музыки, рассчитанной на солиста или небольшой коллектив, у меня немного... Почти 20 лет я писал две оперы: «Тиль Уленшпигель» и «Мистерию апостола Павла». Обе они на русском языке. Первое, куда я в 86-м году понес «Тиля»,— Большой театр. Там на обсуждении Лазарев — нынешний главный дирижер — сказал: «Нам делается предложение перейти в XXI век. Но я не знаю, с чем мы туда войдем. В труппе Большого не наберется и половины первого состава, способного исполнить эту музыку». (А для постановки оперы нужно минимум полтора состава.) Это была чистая правда, и возразить на это было нечего. Вскоре Анатолий Эфрос предложил ставить «Тиля» на телевидении. Для прохождения всех высоких инстанций потребовался год. Председатель Гостелерадио три раза отменял и снова визировал разрешение. Наконец начали записывать. О том, чтоб найти исполнителей главных партий в одном коллективе, нечего было и думать. Собирали с миру по нитке: кого из филармонии, кого из Камерного оперного театра, кого из хора Минина. Бездомная и безработная Лина Мкртчан — певица с уникальным даром — спела пять партий. А партию Неле исполнила студентка Гнесинки, причем не вокального, а дирижерско-хорового отделения. Она училась петь прямо на записи... Таким же образом набирали хор — из разных коллективов, потом записывали методом наложения. Едва дошли до середины записи, как случилось несчастье — умер Эфрос. Работу необходимо было довести до конца, но новое начальство литературно-драматической редакции и слышать об этом не хотело. Нас трижды прерывали. Наконец уговорами, жалобами и руганью я добился разрешения ее закончить. До сих пор ни один человек на ТВ не поинтересовался записью, на которую затрачено... Ладно, я не говорю о наших силах, нервах, но самому-то ТВ она стоила 50 тысяч! А в итоге — никому не нужна. И вот я сижу со своим несчастным «Тилем» и не знаю, что будет дальше. О судьбе «Мистерии» мне даже думать страшно.

— «Мистерия апостола Павла», цикл «Восемь духовных песнопений памяти Пастернака». Почему вы, композитор в принципе светский, обратились к этим темам?

— Это вполне естественно, ведь музыка традиционно связана с церковью (она в значительной мере вышла из церкви), с духовной культурой. Вся великая музыка написана в диалоге с Богом. Я не говорю о Бахе, это самоочевидно. Премудрое устройство Господом мира вытекает из каждой его ноты. Опера Гайдна «Сотворение мира» — просто вдохновенный гимн во славу Творца этого мира, этой гармонии. А Бетховен, словно спорящий своей музыкой с Богом? Евангелие я впервые прочел лет в 17 и спокойно отложил. Я отнесся к нему так, как велел Анатоль Франс,— мол, это противоречивая, корявая арамейская литература. А когда в пятидесятых годах у нас вышли первые пластинки «Маттеус пассиона» («Страсти по Матфею») Баха, я, слушая их, снова стал читать Евангелие. Решил проверить тезис Даргомыжского о том, что музыка должна соответствовать слову. Очень часто он приводил нас к комическим эффектам — музыку превращали в иллюстрацию к литературе. Ну, например, «Пророк» Римского-Корсакова — просто трогательная детская иллюстрация к Пушкину. А слушая Баха, я понял, что эта музыка соответствует самому духу Слова.

Сам я писать духовную музыку долго не решался. В 74-м году написал 4 церковных хора для фильма «Бег». Совсем недавно — еще четыре, и они как-то сложились в цикл.

— Применяли ли вы в этой музыке серийную додекафонию?

— Нет. В ней — ни одной додекафонной ноты. Это традиционная церковная музыка, и хотя там есть некоторые, как бы это сказать, технические непривычности, я не нарушил канонов православной церкви. Так мне, во всяком случае, говорили церковные музыканты.

Другое дело — «Мистерия». Здесь я додекафонию применял. И это самое сложное из моих сочинений. Видит Бог, я не нарочно написал сложно, верней, я не думал об этом, просто делал как нужно, по максимуму. Сложные мысли требуют сложной манеры изложения. «Мистерия» — произведение философское, а мы ведь не удивляемся, когда работы философов написаны сложным языком? Только закончив, я увидел, насколько трудна партитура. Пока не могу себе представить исполнителей, могущих к ней подступиться...

— Может, имеет смысл пойти на какие-то компромиссы? Скажем, согласиться на «половинное», но все же исполнение?

— Несколько раз в жизни я пытался это сделать. Результат всегда был нулевым: ни музыке, ни людям, ни мне. И я понял, что компромиссы просто бессмысленны. Я избавился от вечной проблемы «идти — не идти». Это и было окончательным освобождением от двоемыслия. Я стал думать, что делаю, говорить, что думаю, и делать, что хочу. Это — счастье. Нет, конечно, мучительно писать в стол. Страшно думать, что никогда не услышу живого исполнения «Тиля» и «Мистерии» — тех пяти часов музыки, на которые я, похоже, потратил всю жизнь. Больше всего на свете я хочу, чтобы она звучала. Но на полуисполнение не соглашусь. Иначе это будет уже не музыка и я — не я. Мне будет стыдно, прежде всего, перед теми, благодаря кому я вообще пишу. Это мой учитель Шебалин. Это Мария Юдина и Александр Габричевский, которых мне посчастливилось знать. Это те люди, что составляли сокровищницу культуры, ныне расхищенную и почти утраченную. Таких теперь очень мало осталось. Я уже не такой.

ИЗ КНИГИ Н. КАРЕТНИКОВА «ТЕМЫ С ВАРИАЦИЯМИ»

«...Я спросил его (А. Г. Габричевского):

— Объясните мне, как мы дошли до жизни такой?! Как это все вообще стало возможным?! Я задавал этот вопрос нескольким людям старшего поколения, которых вполне уважаю, и ни один не дал мне вразумительного ответа.

— Ну, голубчик, откуда же я знаю! Я, наверное, тоже не смогу ответить!

— Нет-нет! Я уверен, что вы, именно вы, сможете мне это объяснить!

— Ну хорошо... дай я подумаю полторы минуты.

Он ненадолго задумался и затем медленно произнес:

— Я думаю, что история человечества есть прежде всего история культуры. Надеюсь, что и ты так думаешь... Мне совершенно неинтересно, разбил Рамзес Второй хеттов или не разбил,— меня интересуют египетские живопись, скульптура и лирическая поэзия. Мне абсолютно наплевать на походы Наполеона — меня интересуют Давид и Жерико. И если ты со мной согласен, то необходимо заявить следующее: в результате различных исторических коллизий, которые сейчас обсуждать не место и не время, случилось так, что наша страна лишилась культуры, а следовательно, выпала из истории... А раз она выпала из истории, но все же существует, то здесь может произойти все, что угодно...»

Я уже не такой, как мои учителя. Уже не такой. Я хотел бы, чтоб мои дети стали такими, как они. И для этого я обязан быть хотя бы промежуточным звеном между культурой ушедшей и той, что может родиться. Поэтому с компромиссами для меня покончено.

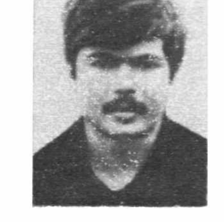


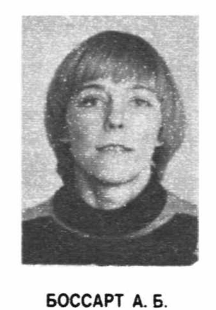

АЛОВА (ВАЙС) А. И.


БЕЛЕЦКАЯ В. В.

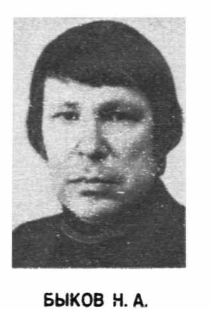

БИРЮКОВ Д. В.

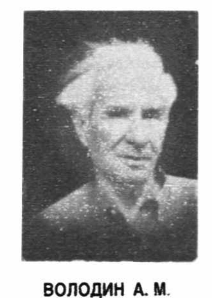

БОГОМОЛОВ Г. А.


БОРОВИК А. Г.


БОССАРТ А. Б.


БУНИЧ П. Г.


БЫКОВ Н. А.

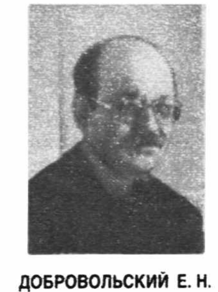

ВОЛОДИН А. М.

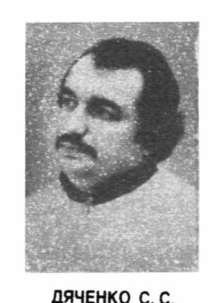

ГАВРИЛОВ Ю. Л.


ГОЛОВКОВ А. Э.

ГРАНИН Д. А.

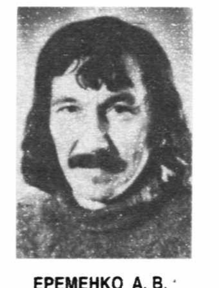
ДЖУС А. М.


ДОБРОВОЛЬСКИЙ Е. Н.

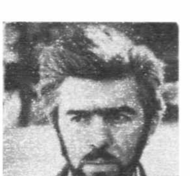

ДЯЧЕНКО С. С.


ЕВГРАФОВ Г. Р.

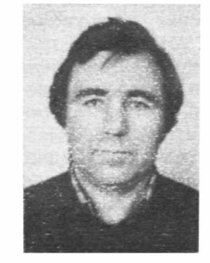

ЕВТУШЕНКО Е. А.


ЕРЕМЕНКО А. В.


КОПОСОВ Г. В.


КОРЧАГИН М. Б.


КОСТИКОВ В. В.


КРИВЦОВ П. П.


КУБЛАНОВСКИЙ Ю. М.


ЛИПКИН С. И.


ЛИХАНОВ Д. А.


МОСЯКИН А. Г.


ОКУДЖАВА Б. Ш.

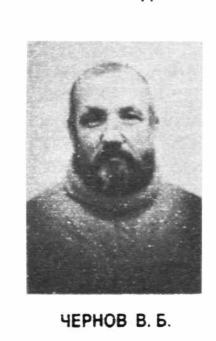
ПЛИСЕЦКИЙ Г. Б.


РЕЙН Е. Б.


РОЖНОВ Г. В.


ЦВЕТОВ В. Я.


ЧЕРНОВ А. Ю.


ЧЕРНОВ В. Б.


ЧУГУНОВА Н. Н.


ШЕНТАЛИНСКИЙ В. А.

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1989 ГОД

АЛОВА (ВАЙС) А. И. За организацию акции «АнтиСПИД»; БАКИН Д. Г. «Лагофтальм», рассказ (№ 12); БЕЛЕЦКАЯ В. В. За очерки: «Взывающий» (№ 8), «Узник совести» (№ 35); БИРЮКОВ Д. В. «Чувство отвоеванной свободы». Беседа с пианистом А. Гавриловым (№ 49); БОГОМОЛОВ Г. А. «Медленным шагом, робким зигзагом...», статья (№ 44); БОРОВИК А. Г. «Спрятанная война», очерк (№№ 46, 49—52); БОССАРТ А. Б. «Уроки музыки». Беседа с Д. Китаенко (№ 18), «Гласность с областной судьбой?», очерк (№ 48); БУНИЧ П. Г. «Чрезвычайные меры в чрезвычайных обстоятельствах», интервью (№ 47); БЫКОВ Н. А. «Госагропром умер! Да здравствует?..», очерк (№ 25); ВОЛОДИН А. М. «Одноместный трамвай», рассказ (№ 36); ГАВРИЛОВ Ю. Л. За рубрику «150 лет фотографии» (№№ 36, 37, 43, 47, 51); ГОЛОВКОВ А. Э. «Время на размышление», очерк (№ 4); ГРАНИН Д. А. «Братья Елисеевы», статья (№ 23); ДЖУС А. М. Обложка и фотоочерк «Полет во вчерашний день» (№ 24); ДОБРОВОЛЬСКИЙ Е. Н. «Тихий город над рекой», рассказ (№ 8); «Судьба командарма», рассказ (№ 44); ДЯЧЕНКО С. С. «Страшный месяц пухкутень», очерк (№ 27); ЕВГРАФОВ Г. Р. «Живи, как все», статья (№ 40); ЕВТУШЕНКО Е. А. За вступление к статье «По статье 70-й...» (№ 19); ЕРЕМЕНКО А. В. Стихи. (№ 4); КОПОСОВ Г. В. За рубрику «150 лет фотографии» (№№ 36, 37, 43, 47, 51); КОРЧАГИН М. Б. За судебные очерки: «Без суда и следствия» (№№ 38, 44), «Камера № 19» (№ 23); КОСТИКОВ В. В. За очерки: «Концерт для глухой вдовы» (№ 7), «Блеск и нищета номенклатуры» (№ 1); КРИВЦОВ П. П. За фотоочерки «Не боюсь тебя, психиатор!» (№ 16),«За чертой...» (№ 33); КУБЛАНОВСКИЙ Ю. М. «Жизнь пополам», стихи (№ 6); ЛИПКИН С. И. «Бухарин, Сталин и «Манас», статья (№ 2); «Неопалимовская быль», стихи (№ 15); ЛИХАНОВ Д. А. За очерки «Без вести» (№ 19), «Брат мой» (№ 27); МОСЯКИН А. Г. «Продажа», статья (№№ 6, 7, 8); ОКУДЖАВА Б. Ш. «Нечаянная радость», рассказ (№ 14), «В сопровождении медной струны», стихи (№ 35); ПЛИСЕЦКИЙ Г. Б. Стихи (№ 31); РЕЙН Е. Б. «Минута до отплытия», стихи (№ 13); РОЖНОВ Г. В. За очерки: «Это мы, господи!» (№ 38), «Решетки про запас» (№ 20), «Отступить от пропасти» (№ 3); ЦВЕТОВ В. Я. «Когда мертвый хватает живого», очерк (№ 49); ЧЕРНОВ А. Ю. За статьи: «Поминовение» (№ 4), «Лисий нос и волчьи уши» (№ 7), «Смертный паек» (№ 40); «Жертвоприношение» (№ 48); ЧЕРНОВ В. Б. «Талант на экспорт». Беседа с пианистом Н. Петровым (№ 43), «...И мы перестали смеяться». Беседа с Ю. Маминым (№ 37); ЧУГУНОВА Н. Н. «Безупречный И. К.». Беседа с И. Кобзоном (№ 24); ШЕНТАЛИНСКИЙ В. А. Ведущий рубрики «Хранить вечно» (№№ 39, 43, 49, 51).

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

Отдел литературы «Огонька» завален письмами читателей с просьбой продолжить рубрику «Библиотека зарубежного детектива». «Люди устали от сплошной публицистики, исторических материалов и разоблачительных очерков. Нужен какой-то противовес. Печатая литературу «для интеллектуального отдыха», вы сможете усиливать остроту других материалов» (Н. Корнилов, учитель, Саратов). «Печатая остросюжетные повествования, «Огонек» не прогадает. Во-первых, любители детектива, не интересующиеся политическими проблемами, хочешь не хочешь да и заглянут на соседние страницы. Во-вторых, нельзя поддерживать имидж «народного журнала», не обращаясь к самому демократическому жанру в литературе — детективу. В-третьих, печатание детектива может принести колоссальную пользу: ведь 99% этой литературы построено на том, что любое преступление терпит крах, порок наказывается, добро торжествует» (Н. Подлесских, Псковская обл.). Наиболее часто упоминают читатели имя Д. Х. Чейза (псевдоним известного английского писателя Рене Брабазона Раймонда). Он родился в 1906 году в Лондоне. Восемнадцатилетним юношей стал работать в книготорговле, прекрасно изучил вкусы читающей публики. Первая же его книга — «Никаких орхидей для мисс Брэндиш», опубликованная в 1939 году, принесла Джеймсу Чейзу широкую известность. По роману Чейза «Весь мир в кармане» на нашем телевидении поставлен многосерийный фильм. Но большинство произведений Чейза еще ждет встречи с советским читателем. Д. Х. Чейз умер в Швейцарии в 1985 году.

РОМАН

Глава I

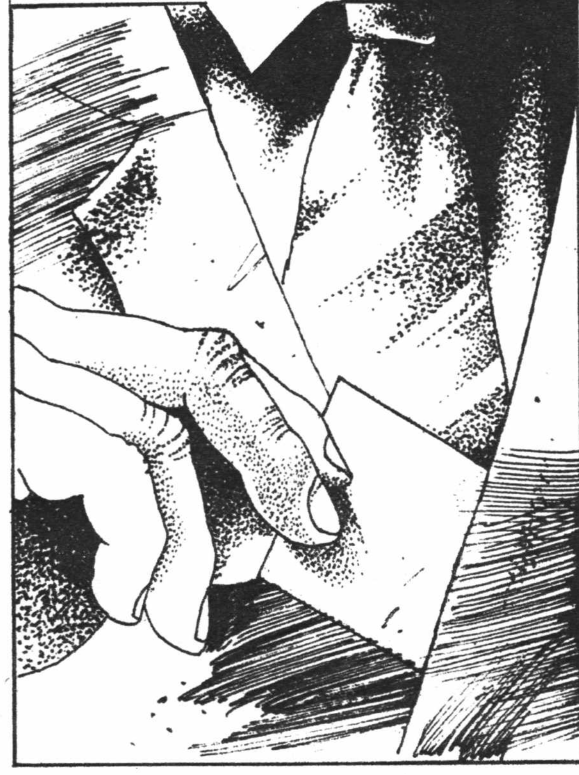
Одной из главных достопримечательностей Парадиз-Сити был Аквариум. Он назначил ей встречу в половине пятого вечера у дельфинария, и она тогда подумала, что это ужасно противное место для свиданий. Она терпеть не могла толкаться среди туристов, от которых в городе в эту пору не было житья...

Она шла в толпе, то и дело с тревогой озираясь, и ее маленькое тело под простеньким хлопчатобумажным платьицем невольно сжималось от каждого соприкосновения с жирным и дряхлым, безмозглым и сморщенным старичьем, которое кричало, вопило, пихалось и лезло, чтобы поглазеть на тропическую рыбину, столь же недоуменно глазевшую на посетителей...

Она пробиралась к дельфинарию, а сердечко колотилось, и еще от страха ее слегка подташнивало. За каждое лицо, возникавшее из полумрака, она цеплялась испуганным взглядом, моля бога, чтобы не напасть на знакомого. Однако посреди шумного водоворота людей, которые толкались, смеялись и перекрикивались, она скоро поняла, что место встречи выбрано с умом. Никому из ее друзей, никому из Казино и в голову не пришло бы затесаться в эту потную, пошлую толпу слоняющихся без дела туристов...

В этот миг она увидела его.

Он вышел из толпы с этой своей ласковой улыбкой на тонких губах, с белой панамой в руке, в безупречном легком кремовом костюме с кроваво-красной гвоздикой в петлице. Это был маленького роста и щуплого сложения мужчина лет шестидесяти, с худощавым смуглым лицом, сероглазый и неизменно улыбающийся. Его редеющие светлые волосы серебрились сединой на висках, а вместо носа торчал настоящий ястребиный клюв. Человеку этому она теперь не доверяла, научилась бояться его, однако ее влекло к нему, точно магнитом.



— Итак, моя милая...— проговорил он, остановившись возле нее,— вот мы и снова встретились...

При первом знакомстве он сказал, что его зовут Франклин Людович. Родом из Праги, журналист, работает по договору. В Парадиз-Сити приехал, чтобы сделать большой материал о Казино. В этом не было ничего удивительного. Журналисты часто приезжали сюда, чтобы написать про Казино. Все-таки самое шикарное заведение во Флориде. Сейчас, в разгар сезона, по зеленому сукну игорных столов за ночь перекочевывало до миллиона долларов, правда, большей частью в сторону крупье... но разве в этом дело?

Людович подошел к ней как-то днем, на пляже. Его безобидный, добродушный вид, восхищение ее молодостью и улыбка обворожили ее. Он сознался, что знает, где она работает, и дал ей тисненую визитку, на которой его имя стояло рядом с магическими словами «Журнал «Нью-Йоркер». Ему требовались сведения о Казино от тех, кто там служит. Он присел на мягкий песок у нее в ногах и говорил, поглядывая из-под панамы, надвинутой на самую переносицу ястребиного клюва. Рассказал, что беседовал с управляющим Гарри Льюисом. При этом его лицо перекосила потешная гримаса отчаяния. Вот характерец! До чего же скрытный! Если довольствоваться тем, что сообщил Гарри Льюис, ему в жизни не написать ничего подходящего для такого солидного журнала, как «Нью-Йоркер». У него предчувствие, что он поладит с ней. Она работает в хранилище Казино еще с несколькими девушками. Это он выяснил. В его серых глазах мелькнуло озорство. «Итак, моя милая...» Сколько раз она слышала от него эти слова, которые теперь внушают ей страх и недоверие? «Давайте вы расскажете то, что мне хочется узнать, а я заплачу вам за это? Ну, сколько? «Нью-Йоркер» — богатый журнал. Пятьсот? Как насчет пятисот долларов?»

У нее захватило дух. Пятьсот долларов! Ей до смерти хотелось выйти замуж. Ее дружок Терри еще студент. Они договорились, что если раздобудут пятьсот долларов, то рискнут и поженятся, и тогда у них по крайней мере будет однокомнатная квартира, пусть даже в доме без лифта... но где же раздобыть пятьсот долларов? А тут на тебе, безобидный человечек предлагает как раз эти самые деньги, надо только выдать ему тайны Казино...

Видя ее колебания, Людович сказал:

— Я знаю, вы давали подписку, но пусть это вас не пугает. Подумайте. Никто никогда не узнает, от кого я получил сведения. А ведь пятьсот долларов вам не помешают. Можно и накинуть...

В тот же вечер, дав ей время обдумать его предложение, он позвонил ей по телефону.

— Я переговорил с редактором. Он готов заплатить тысячу. Я так рад. Я думал, он заупрямится. Итак, моя милая, вы поможете мне за тысячу долларов?

И вот, превозмогая муки совести и страх перед разоблачением, она помогла ему. Он отдал ей пятьсот долларов. Остальные пятьсот, объяснил он с отеческой улыбкой, потом, когда она предоставит всю необходимую информацию. И по мере того как он расспрашивал ее, ей все больше становилось не по себе, и она начала догадываться, что, видно, никакой он не журналист. Видно, он задумал ограбить Казино. Иначе откуда такой интерес к численности охраны, к количеству денег, поступающих в хранилище каждую ночь, и к сигнализации... Ведь наверняка такие сведения нужны человеку, который задумал ограбить Казино. А тут еще эта последняя просьба: добыть копию чертежей со схемой электропроводки...

— Ну нет! Этого я не сделаю! Чертежи не могут понадобиться для статьи! Я не понимаю. Я начинаю думать...

— Не думайте, моя милая. Мне нужны чертежи. Не будем спорить об этом. Мой журнал готов платить. Скажем, еще тысячу? — Он вытащил из кармана конверт.— Вот вторые полтысячи, которые я вам должен... видите? А после получите еще тысячу...

Она решила так: если этот коротышка задумал ограбить Казино, она ничего такого знать не желает. А заполучить вторую тысячу очень даже желает. Колебания отняли у нее минуту с небольшим, затем она согласно кивнула.

Но это было нелегко. Наконец ей удалось добыть копии нужных чертежей. Днем она иногда подрабатывала в главной конторе и имела доступ к документации. Этот улыбчивый человечек проявил незаурядную смышленость, остановив на ней свой выбор. Но этот человечек, которого на самом деле звали Серж Мейски, был хитер и коварен, как змея. Десять месяцев назад приехал он в Парадиз-Сити. Окольными путями навел справки о четырех девушках, работающих в хранилище Казино, и издали наблюдал за ними. В конце концов решил сосредоточиться на этой смазливой маленькой блондинке, которую звали Лана Эванс. Чутье и ум, как всегда, не подвели его. Лана Эванс должна была дать ему ключ к самому крупному и дерзкому ограблению Казино, какие только знала история подобных ограблений.

И вот они стоят здесь, лицом к лицу, в сумрачном, кишащем туристами Аквариуме, где среди прочей морской живности обитают дрессированные дельфины. Он улыбнулся ей, взял своей сухой клешней за руку и увел от давки к резервуару с печальным, скучающим осьминогом, где было сравнительно спокойно.

— Вам удалось?

Его улыбка была безупречной, под стать костюму, но Лана Эванс чувствовала, что он едва владеет

Журнальный вариант романа «Итак, моя милая...»



Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

собой от нетерпения, и это нетерпение пугало ее.

Она кивнула.

— Превосходно.— Нетерпения как не бывало, будто светофор переключился с красного света на зеленый.— Деньги у меня с собой... все до цента. Тысяча хрустящих долларов.— Он быстро скользнул взглядом по лицам ближайших туристов.— Давайте.

— Деньги вперед,— пролепетала Лана Эванс. Она была сама не своя от страха да еще в голове все плыло от затхлой сырости.

— Разумеется.— Он достал из заднего кармана брюк пухлый конверт.— Здесь вся сумма. Не нужно сейчас пересчитывать, моя милая. Вы на виду. Где чертежи?..

Ей хотелось поскорей завершить эту опасную сделку. Она отдала ему чертежи: несколько страниц со сложными электрическими схемами, включая плавкие предохранители, систему кондиционирования воздуха и множество сигнальных устройств. Он мельком проглядел чертежи, став вполоборота к осьминогу...

— Так...— Он убрал выкраденные ею бумаги в задний карман.— Вот и закончилось наше весьма удачное сотрудничество.— Он улыбнулся, а его серые с синеватым отливом глаза сделались вдруг холодными, как две грязные льдинки.— Ах да... вот еще что...

— Нет! — наотрез отказалась она.— Хватит! Меня не волнует...

— Помилуйте.— Он примирительно поднял руку.— Мне больше ничего не нужно. Я вполне удовлетворен. Вы были так покладисты, так надежны, с вами так приятно работать... Позвольте мне отблагодарить вас от себя лично... скромным, пустяковым подарком? — Он вынул из кармана квадратную коробочку, аккуратно перевязанную красной с золотом ленточкой, а на золотой этикетке было написано волшебное имя «Диана».— Пожалуйста, примите... Такая хорошенькая девушка должна ухаживать за своими руками.

Она взяла коробочку, обескураженная его неожиданной добротой. Крем для рук «Диана» делали только для очень состоятельных людей. С этой коробочкой в руках она чувствовала себя еще более разбогатевшей, чем в тот миг, когда он передал ей конверт.

— Ой... спасибо...

— Вам спасибо, моя милая... прощайте.

Он растворился в толпе, как маленькое доброе привидение: вот только сейчас улыбнулся ей и тут же пропал. Исчез в мгновение ока, и трудно было поверить, что когда-нибудь он стоял рядом.

Перед нею вырос крупный краснолицый ухмыляющийся мужчина в желто-голубой цветастой рубашке.

— Я Томпсон из Миннеаполиса,— прогудел он.— Видали, что вытворяют эти чертяки дельфины? Я в жизни такого не видал!

Она поглядела на него без всякого выражения и бочком, бочком улизнула в сторону, а потом, когда удостоверилась, что ей не грозят его лапы, повернула и спокойно пошла к выходу, зажав в руке коробочку с кремом, в которой притаилась ее смерть.

Сейчас, в разгар сезона, аэропорт и железнодорожный вокзал находились под неусыпным надзором полиции. К тому же на трех главных шоссейных дорогах при въезде в город были выставлены полицейские посты. На пропускных пунктах полицейские с профессиональной памятью на лица ощупывали жестким казенным взглядом каждого прибывающего пассажира. То и дело кого-нибудь останавливали взмахом руки. Мужчину или женщину выуживали из медленно подвигающейся очереди приезжих и отводили в сторону.

Разговор происходил всегда один и тот же: «Привет, Джек (либо Лулу, или Чарли)... Получил обратный билет? Советую воспользоваться им: здесь ты не нужен».

На дорожных постах беседовали в том же духе и заворачивали машины на Майами.

Эти полицейские кордоны мешали сотням крупных и мелких воришек орудовать в городе и обчищать богачей.

Поэтому четыре человека, которые откликнулись на заманчивое приглашение и были предупреждены о полицейском заслоне, приехали поодиночке, приняв меры предосторожности.

Джесс Чандлер еще не попадался на крючок полиции, поэтому прилетел самолетом. Этот высокий, интересный, элегантного вида мужчина направился прямиком к турникету, не сомневаясь в том, что его подложный паспорт и ловко состряпанная легенда кофейного плантатора с поместьями в Бразилии выдержат проверку.

Тридцатидевятилетний Чандлер считался в преступном мире одним из самых умных и изворотливых мошенников. Он играл на своей артистичной внешности. Худощавое смуглое лицо, короткий нос и полные губы, широкие скулы и большие темные глаза выдавали в нем чувственность и напористость опытного сердцееда...

Двое полицейских оглядели его. Он не отвел глаз, изобразив на лице скуку и легкое презрение. Настораживает испуг, а испуга они не увидели. Заглянув в паспорт, Чандлера выпустили из здания аэропорта к веренице такси.

Он перекинул дорожную сумку из одной руки в другую и ухмыльнулся. Он знал, что все пройдет гладко... как всегда.

Коллинзу пришлось вести себя гораздо осторожнее. Он всего два месяца как вышел на волю, и в каждом полицейском участке хранилась его фотография. Долго ломал он голову над тем, как ему миновать полицейский кордон, не отвечая на щекотливые вопросы. Наконец, он решил присоединиться к экскурсии, которая отправилась в заповедник Эверглейдс с ночевкой на обратном пути в Парадиз-Сити. В экскурсионном автобусе, битком набитом шумными, довольными, подвыпившими туристами, Коллинз чувствовал себя в относительной безопасности. Он прихватил с собой губную гармошку. Минут за десять до пропускного пункта он начал играть к удовольствию своих попутчиков. Инструмент, зажатый в мясистых ручищах, почти полностью скрыл его лицо. Место он выбрал себе на заднем сиденье с тремя такими же толстяками, и полицейский, войдя в автобус, взглянул на него лишь мельком и тотчас переключился на другие взмокшие, тупые, дружно улыбавшиеся ему физиономии.

Так в Парадиз-Сити благополучно прибыл Миш Коллинз — человек, которого полиция немедленно завернула бы, если б только установила его личность, ибо мало того, что Миш Коллинз был одним из лучших «медвежатников» в стране, перед его талантом беспомощно пасовали производители всякого рода сигнальных устройств.

Коллинзу исполнился сорок один год. Пятнадцать лет своей жизни с перерывами он провел за решеткой. Он был мощного телосложения, грузный и обладал большой физической силой...

Когда автобус вырулил на стоянку, Миш Коллинз отвел в сторону экскурсовода и сказал, что обратно не поедет.

— Я вспомнил, у меня ведь здесь приятель,— объяснил он.— Сдайте обратный билет и оставьте деньги себе. Вы это заслужили.— И не успел экскурсовод даже поблагодарить его, как Миш растворился в людском муравейнике.

Джек Перри приехал на собственном «олдсмобиле» с откидным верхом.

У них не было его фотографии, поэтому он подкатил к полицейскому посту в полной уверенности, что двум фараонам, проверяющим машины, и в голову не придет, будто они сейчас столкнутся нос к носу с профессиональным убийцей...

Ему было года шестьдесят два: маленького роста, плотный, с коротко остриженными белоснежными волосами, круглым полноватым лицом, широко расставленными глазами под кустистыми седыми бровями, с тонкими губами и длинным крючковатым носом...

Перри остановился и подождал, пока полицейские проверят документы у пассажиров передней машины. Потом, когда ее пропустили, медленно подкатил к двум ожидавшим его стражам закона.

Перри одарил их дежурной улыбкой.

— Здорово, ребята,— махнул он им толстой ручищей.— Что я такого натворил?

Патрульный Фред О'Тул уже четыре часа, как заступил на пост. Это был крупный темноволосый ирландец с настороженным, угрюмым взглядом. Его воротило с души от всех людишек, что проползли через его пост на своих роскошных лимузинах, со своими затасканными шуточками, подобострастными улыбочками, презрением, а то и заносчивостью...

— Паспорт есть? — строго спросил О'Тул, положив на опущенное стекло руку в перчатке и глядя на Перри сверху вниз.

— А на что мне паспорт? — ответил Перри.— Есть права... устроит?

О'Тул протянул руку.

Перри отдал права, которые обошлись ему в четыреста долларов: вещь дорогая, но необходимая. Отпечаток указательного пальца правой руки был очень умело изменен, а такая работа стоит денег.

— По какому делу приехали?

— Поесть от пуза, вдоволь покрутить рулетку и нагуляться с девочками,— рассмеялся Перри.— У меня отпуск, дружище... и уж я его отгуляю на полную катушку!..

О'Тул отступил в сторону и пропустил Перри. Тот совсем расплылся в улыбке, нажал на газ, и машина набрала скорость.

«Ну, пронесло.— подумал он, включая радио.— Наколол этих тупиц, а теперь... держись, Парадиз-Сити, я еду!»

В отличие от Перри Уошингтон Смит не мог ехать в открытую. В этом городе вообще не жаловали негров, даже добропорядочных, а Уошингтон Смит был теперь далеко не добропорядочным. Он освободился две недели назад. Его преступление состояло в нанесении побоев двум полицейским, которые подловили его и собирались хорошенько отметелить... Да только Уош оказался финалистом любительского турнира «Золотые перчатки» во втором полусреднем весе. Вместо того чтобы покорно стерпеть избиение, он уложил обоих двумя великолепными боковыми ударами в челюсть и пустился наутек. Но ему не дали убежать далеко. Его остановила пуля, угодившая в ногу, а довершил дело удар дубинкой по голове. Он отмотал восемь месяцев за сопротивление при аресте и вышел из тюрьмы ожесточенным и с твердой решимостью стать отныне заклятым врагом белых.

Когда его позвали в Парадиз-Сити, он засомневался. А не ловушка ли? Сообщение было коротким: «Есть прибыльное дело. Тебя предложил Миш. Если ХОЧЕШЬ ЗАРАБОТАТЬ ОЧЕНЬ КРУПНУЮ СУММУ, то 20 февраля в 22.00 будь в ресторане «Черный краб». Деньги на дорожные расходы прилагаю. Полиция перекрыла все въезды в город. Будь осторожен. Спроси мистера Людовича»...

Уош пробрался в Парадиз-Сити под коробками с зеленым салатом, предназначенным для отеля «Парадиз-Риц». Когда грузовик, в котором он притаился, проходил полицейский контроль, у него бешено колотилось сердце и тряслись поджилки.

Но и он, подобно трем другим, благополучно миновал полицейский кордон, призванный защитить толстосумов в Парадиз-Сити.

Удался первый шаг в плане ограбления богатейшего в мире Казино, разработанном Сержем Мейски.

Ресторан «Черный краб» занимал трехэтажное деревянное строение на сваях, стоявшее в тридцати ярдах от берега и соединенное с набережной узким причалом. Здесь собирались ловцы губок из «Флорида марин манифекчеринг компани» и туристы, а жители Лагуны и подавно обходили его стороной. Он славился пьяными драками и превосходной рыбной кухней.

На верхнем этаже было три отдельных кабинета. К ним вела наружная лестница, и люди, желавшие поговорить о важном деле, могли рассчитывать на полное уединение...

Первым пришел Миш Коллинз. Официант Джоз поглядел на него, кивнул и молча подал бокал с тройной порцией рома, лимоном и колотым льдом.

Перри и Чандлер пришли вместе, а минуту спустя в кабинет с опаской заглянул Уошингтон Смит.

Миш взял на себя роль хозяина.

— Здорово, ребята,— сказал он.— Располагайтесь как дома. Тот черномазый, что прислуживает, глухонемой. Не обращайте на него внимания.— Он улыбнулся Уошу и протянул ему руку.— Привет, кореш. Давно не виделись.

Уош кивнул и пожал руку, ощущая на себе недоуменный, угрюмый взгляд Перри.

Не сводя глаз с Уоша, Перри спросил:

— Это кто такой? Что он здесь делает?

— А что все мы здесь делаем? — рассмеялся в ответ Миш. Уош отказался от спиртного. Помявшись, он остался у дверей. В компании белых он всегда чувствовал себя не в своей тарелке и ждал подвоха.

Перри выбрал место подальше от Коллинза. Он сел, прихватив свой бокал и крепко зажав в мелких белых зубах потухшую сигару.

— Это что — вечеринка? — спросил он, озирая комнату голубыми водянистыми глазами.

— Именно,— с удовольствием подхватил Миш.— Вечеринка.

Обернулся Чандлер. Его красивое лицо выражало раздражение.

— Ты что-нибудь знаешь про это дело?

— Мало.

— Что за тип этот Людович?

— А-а... его-то я знаю.— Миш почтительно покачал головой.— Еще бы, про него я могу порассказать. Перво-наперво, имя у него другое. Его зовут Серж Мейски. Стакнулся я с ним в Роксбургской тюрьме. У него там работенка была... фармацевтом.

— Это еще что за хрен... фармацевт? — подозрительно спросил Перри.

— Ну, сидел на всяких пилюлях и микстурах,— объяснил Миш.— Клистирная трубка прописывает тебе пилюлю, а Мейски выдает. Десять лет там проработал... котелок варит что надо. Мы с ним поладили. Я ведь охоч до пилюль-то. Перед тем как податься на волю, он мне рассказал, будто придумал такой куш сорвать, что никому и не снилось. Когда, говорит, все налажу, дам тебе знать, и еще трое понадобятся. Я выбрал вас. Благодарности оставим на потом.— Резиновое лицо Коллинза расплылось в широкой улыбке.— Вот что я вам скажу, ребята. На вид он человечек безобидный, но, ей-ей, гремучая змея безобидней. А голова!.. Чистое золото! Я вот что скажу: если он говорит, что можно взять большой куш, я соглашаюсь с закрытыми глазами. Поэтому я здесь. Не знаю, что за дело, но...

— Поэтому и я здесь... чтобы рассказать вам,— вкрадчиво проговорил с порога Мейски...— Господа,— сказал он, как всегда, негромко и отчетливо,—

очень рад познакомиться с вами. Надеюсь, доехали без происшествий?

Четверо мужчин кивнули под испытующим взглядом его серых глаз.

— Превосходно. Тогда за стол. Вы наверняка проголодались. Потом и только потом поговорим о деле.

Спустя час Миш Коллинз отвалился от стола и тихонько рыгнул.

— Вкусная жратва,— похвалил он.— Не то что баланда, которую нам давали в Рокси, а, док?

Мейски улыбнулся...

За ужином Мейски был безраздельным хозяином стола. Его уравновешенность и мягкость обескуражили всех, кроме Коллинза, который знал его и весь лучился, точно гордая мамаша, демонстрирующая свое гениальное чадо. Мейски говорил о политике, путешествиях, женщинах... За этот час ему удалось каким-то чудом немного растопить лед, наладить более или менее непринужденные отношения между мужчинами. Даже Уош освоился в новой компании.

Когда глухонемой убрал со стола, принес две бутылки виски, лед, бокалы и ушел, Мейски, подперев руками острый подбородок, сказал:

— Ну, а теперь, господа, поговорим о деле. У меня к вам предложение. Миш рассказал вам, быть может, что мы с ним прожили три года под одной крышей. Такого пожирателя таблеток я больше не знавал. За время, проведенное вместе, у меня сложилось впечатление, что у него большие способности к технике, и еще я узнал, что у него есть не менее способные знакомые. Вот почему я попросил его связаться с вами, господа. Что касается Уоша... он не похож на нас. Он не преступник,— ласково улыбнулся Мейски,— но нам без него не обойтись, а ему нужны деньги и к тому же хочется отомстить.

Все поглядели на смутившегося Уоша...

— Какое у вас предложение? — спросил Чандлер.

— Мы собрались здесь, чтобы взять два миллиона в Казино.

Наступила мертвая тишина. Даже с лица Коллинза сползла самонадеянная улыбка. Все четверо ошарашенно уставились на Сержа Мейски.

— Два миллиона? — переспросил Чандлер, который первым пришел в себя.— Послушайте, меня ждут дела. Кому нужна эта пустая болтовня? Два миллиона...

Мейски жестом напомнил гостям про бутылки.

— Пожалуйста, угощайтесь, господа. Мне, к сожалению, нельзя... врач запретил.— Он обернулся к Перри.— Вы слышали, что я сказал. Джесс, как видно, не верит мне... а вы?

Перри выпустил в потолок тонкое облачко сигарного дыма.

— Толкуй дальше,— ответил он.— Не обращай внимания на красавчика. Он отроду нервный. Ты толкуй. Я слушаю.

Чандлер было вскинулся, но встретил холодный взгляд Перри. И едва Чандлер заглянул в его блеклые глаза, как ощутил дрожь в коленях. Он не имел привычки к насилию, и Перри своим взглядом нагнал на него страху. С деланным безразличием пожав плечами, он потянулся к виски.

— Раз так... рассказывайте.

Мейски откинулся на спинку стула.

— Много лет я мечтал придумать, где можно взять большие деньги. Наконец я пришел к выводу, что их можно взять здесь усилиями нескольких, тщательно отобранных человек, которые знают свое дело. Мы можем взять в Казино два миллиона долларов, но лишь при том условии, что у вас хватит на это духу и вы будете в точности выполнять мои указания. Если вы не согласны на эти два простых условия, то забудем обо всем.— Он по очереди окинул каждого теперь уже ледяным взглядом.— Вы согласны?

— С тобой, док, я на любое дело пойду. За мной остановки нет,— отозвался Миш.

Мейски пропустил его слова мимо ушей, он смотрел на Чандлера.

— Вы?

— Обчистить Казино? — сказал Чандлер.— Это невозможно. Года два назад один парень предложил мне то же самое. Он собирался войти туда вдесятером, но мы...

— Так не пойдет, Джесс. Либо соглашайтесь, либо отказывайтесь... сию минуту,— мягко проговорил Мейски.

Чандлер замялся, потом махнул рукой в знак согласия. Он вдруг понял, что имеет дело с таким же опасным человеком, как Перри, а Перри он знал как облупленного.

— Ладно... ладно... идет. Я все-таки думаю, это невозможно, но раз вы думаете иначе, пусть будет по-вашему.

Мейски перевел взгляд на Перри, и тот ухмыльнулся в ответ.

— Без вопросов, согласен. Только растолкуй,— сказал он.

Мейски повернулся к Уошу.

— А вы?

Маленький негр заерзал на стуле, но только оттого, что все уставились на него, а ему всегда было не по себе под взглядами белых. Он без колебаний ответил:

— Конечно... что мне терять?

Мейски облегченно улыбнулся.

— Очень хорошо. Стало быть, если сомнений нет, господа, я могу на вас положиться? — Он подождал, пока все четверо кивнули, затем продолжил.

— Сначала я расскажу вам немного о самом Казино,— сказал он, раскладывая бумаги перед собой на столе.— Сейчас разгар сезона. В субботу, то есть послезавтра, в этом здании будет примерно три миллиона долларов наличными. Если нам пофартит, мы возьмем два миллиона. Нас пятеро, так что при дележе получится по триста тысяч на брата.

— По моим подсчетам, не так. У меня выходит по четыреста тысяч,— вмешался Чандлер.

Мейски ласково улыбнулся.

— Вы правы, но мне достанется больше. Каждый из вас получит по триста тысяч, а я заберу остальное, так как понес немалые расходы. Я придумал весь план, подготовил его осуществление и, да будет вам известно, живу здесь уже девять месяцев. Мне пришлось снять бунгало, выложить кругленькую сумму за информацию. Так что...— Он развел похожими на клешни руками.— Мне достанется больше.

— Заметано, док,— сказал Миш.— Это по справедливости.

— Позвольте, я продолжу? Объясняю насчет Казино. Джесс говорит, он уже обдумывал план ограбления, по которому десять человек должны были ворваться в игорные комнаты.— Мейски рассмеялся.— Такой план, конечно, не принес бы желаемых результатов. В субботу ночью на столах лежит, самое большое, около четверти миллиона. Остальные деньги держат в хранилище, расположенном как раз под игорными комнатами. Когда возникает нужда в наличных, их поднимают в маленьких, наглухо закрытых лифтах. Пока идет игра, возле каждого лифта дежурят по два охранника. Если на столах скапливаются деньги, их отправляют в хранилище. Получается непрерывное движение денег... вверх-вниз... и всегда под надежной охраной.— Он прервался, чтобы прикурить очередную сигарету, затем снова заговорил.— Понаблюдав несколько дней за этой процедурой, я пришел к выводу, что нападать нужно на хранилище. Деньги там лежат аккуратными пачками. В хранилище работают четыре девушки и двое вооруженных охранников. Девушки управляются с деньгами, охранники их стерегут. Там стальная дверь, и внутрь пускают только по делу. Так было заведено много лет назад. Вот тут-то у них и слабое место. Мы проникнем в хранилище, возьмем деньги и уйдем...

Чандлер смотрел на Мейски, как на полоумного.

— Ну, знаете! — возмутился он.— Это ваша теория? Черта с два вы попадете в хранилище. Вы что... в бирюльки с нами играете?

Мейски вынул из кармана пиджака блестящий металлический баллончик длиной дюймов шесть. Он любовно выставил его на стол, словно предлагал вниманию присутствующих уникальное произведение искусства.

— Вот ключ к решению проблемы,— сказал он.— С этим мы без труда вынесем деньги из хранилища.

Четверо мужчин уставились на блестящий баллончик.

Немного погодя Перри спросил:

— Это что за хреновина?

— Здесь газ паралитического действия,— объяснил Мейски.— Хитроумное изобретение, газ под очень высоким давлением. Валит с ног в течение десяти секунд.

Чандлер, глядя на Мейски, потер шею.

— Он... смертельный?

— Да нет. Действует часов пять, не больше. Нам ведь нужна касса, а не трупы.

— Чего только не придумают! Классная вещь,— восхитился Перри.— Давай... толкуй дальше.

Мейски взял со стола бумаги и протянул их Коллинзу.

— Взгляни, тебе это что-нибудь говорит?

Миш откинулся на спинку стула и углубился в схему электропроводки Казино. За считанные секунды он смекнул, с чем имеет дело, и его багровое лицо озарилось восхищенной улыбкой.

— Снимаю шляпу, док. Теперь все ясней ясного. Где ты раскопал такой клад?

Мейски пожал плечами...

— Вот план в общих чертах. Казино закрывается в три часа ночи. К половине третьего основная часть денег возвращается в хранилище. В это время мы и нападем. Произойдет это примерно так. Ровно в половине третьего Миш явится в Казино в спецовке муниципального электрика. Спецовку я уже раздобыл. Скажет, что с электричеством неполадки и он хочет проверить предохранители. В такое время там сидит только вахтер. Сколько я здесь живу, я ходил в Казино ежедневно и выяснил, что главная контора закрывается без четверти два. Гарри Льюис, который заведует Казино, в это время ходит по игорным комнатам до самого закрытия. Его помощники уже сидят по домам. Так что все пройдет как по маслу. Вахтер в вестибюле решит, что тебя вызвал Льюис, и покажет, где найти предохранители. Учти, Миш, все надо будет делать точно в назначенное время. Теперь взгляни на схему. Сперва необходимо отключить кондиционер в хранилище... Дальше, в хранилище есть счетная машина, на которой девушки подсчитывают прибыль. Ее тоже следует вырубить. Полагаю, ты найдешь нужный предохранитель.

Миш сверился со схемой и кивнул.

— Сделаем,— сказал он.— Без проблем.

— Значит, вот твоя работа, Миш. Ты вырубаешь кондиционер и счетную машину. Я все излагаю только в общих чертах. Потом мы, конечно, обговорим подробности. Теперь...— обратился он к Чандлеру,— у вас задача потруднее. Вы с Уошем ровно в половине третьего подъедете на небольшом грузовике... Грузовик стоит у меня в гараже. На вас будут спецовки инженеров Ай-би-эм, и вы привезете коробку, в которую якобы упакована счетная машина. Никакой счетной машины в ней, конечно, не будет. В ней будут два противогаза и два автоматических пистолета. Эти вещи я уже приобрел. Джесс скажет вахтеру, который сидит у входа в хранилище, что ему позвонил мистер Льюис и попросил заменить счетную машину в хранилище. Тем временем Миш отключит ее, и когда Джесс с Уошем подойдут к двери хранилища, охранники уже будут знать, что счетная машина сломалась. От убедительности Джесса будет зависеть, пустят ли их в хранилище... думаю, это не составит труда. И он, и Уош будут одеты в спецовки и принесут с собой коробку компании Ай-би-эм. Девушки пожалуются, что у них вышла из строя машина. Психологически, думаю, мы можем рассчитывать на успех. Оказавшись внутри, Чандлер откроет коробку и возьмет охранников на мушку. Уош наденет противогаз и сменит Чандлера, который тоже наденет противогаз. Это нужно делать быстро, нагнав на них побольше страху. Завтра, конечно, потренируемся. Пока охранники очухаются, Джесс пустит газ...

Брать будете только пятисотдолларовые банкноты. Они упакованы в пачки, и с ними легко управляться. Наполните коробку и уйдете. Вахтер решит, что вы уносите сломанную машину. Погрузите коробку в кузов, и мы уедем. Таков вкратце мой план. Подробности, разумеется, предстоит тщательно обговорить и отработать, но этим мы займемся завтра вечером.

Он откинулся на спинку стула, стряхнул пепел с сигареты и вопросительно оглядел четверых мужчин, которые до сих пор слушали его затаив дыхание.

— А я-то каким боком в этом замешан? — спросил Перри.

— Ах, да... вы,— улыбнулся ему Мейски.— Вы тоже наденете спецовку Ай-би-эм. Зайдете в Казино с Джессом и Уошем, но останетесь с вахтером. Я потом вам про него расскажу. Старик любит почесать языком. Ваше дело — разговаривать с ним. Я не предвижу осложнений, но в случае чего мы должны быть начеку. Вдруг заявится какой-нибудь ретивый охранник и станет путаться под ногами.— Мейски выразительно посмотрел на Перри.— Я надеюсь, вы разберетесь с осложнениями и любопытными охранниками.

Перри ухмыльнулся.

— Годится... если это все, работка — не бей лежачего.

— Мы знаем теперь, что должны делать Миш, Уош, Джек и я. А как насчет вас? — с подозрением спросил Чандлер.

— Я поведу грузовик,— ответил Мейски...— Об ограблении станет известно очень быстро. Начальник полиции здесь прыткий. Если мы рванем из города с деньгами во время шухера, то наверняка засыпемся. Деньги лучше закопать у меня в саду. Потом разбежимся, передохнем пока в городе, а уж после, когда шухер уляжется, каждый возьмет свою долю — и гуляй на все четыре стороны.

Перри сказал:

— Это мне не нравится. Деньги разделим сразу, и пусть каждый сам крутится, как хочет.

— Верно,— согласился Чандлер.

— Пожалуй, это правильно,— присоединился к ним Миш после некоторой заминки.

Мейски пожал плечами.

— Как угодно, господа. Мы еще обсудим, разумеется, все детали. Но, полагаю, общий план вы одобряете?.

— Высший класс,— похвалил Миш...

— У меня вот только одно не идет из головы,— сказал Чандлер,— как вы раздобыли чертежи и все другие сведения? У кого вы их купили?..

Мейски неожиданно поднял голову, и Чандлера передернуло от взгляда его серых ледяных глаз.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Продолжение следует.

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА



Зинаида Николаевна Нейгауз и Борис Леонидович Пастернак познакомились в конце 1929 года. Лето 1930 года семьи Пастернаков и Нейгаузов провели в дачном поселке Ирпень под Киевом. Вспыхнувшее между Борисом Леонидовичем и Зинаидой Николаевной чувство привело к распаду обеих семей. Вскоре Борис Леонидович и Зинаида Николаевна стали мужем и женой.

Публикуемые здесь письма, особенно ранних лет, могут читаться как прямой комментарий ко многим стихотворениям сборника «Второе рождение».

Более поздние письма говорят уже о семейной жизни Бориса Леонидовича и Зинаиды Николаевны Пастернаков. Немногочисленность этих писем свидетельствует о том, что семья разлучалась редко и вынужденно, как это произошло, например, во время войны, когда Зинаида Николаевна с младшими детьми провела долгие месяцы в чистопольской эвакуации.

Зинаида Николаевна бережно хранила письма Бориса Леонидовича. В своих воспоминаниях она рассказывает о том, как увозила их в эвакуацию: «В дорогу не разрешалось брать много вещей, но я захватила Лёнины валенки и шубу и завернула в нее Борины письма и рукопись второй части «Охранной грамоты»: они были мне очень дороги, и я боялась, что во время войны они пропадут. Благодаря этому письма и рукописи уцелели».

После смерти Бориса Леонидовича Зинаида Николаевна осталась без средств к существованию. Пастернака не издавали, пенсию, несмотря на настойчивые хлопоты ее семьи и друзей, ей получить не удавалось. Сама Зинаида Николаевна обращалась с письмами о помощи к К. А. Федину и Н. С. Тихонову, нс и это не имело результата.

14 сентября 1963 года К. И. Чуковский сделал дневниковую запись о том, как бедствовала в то время Зинаида Николаевна: «14 сент. Суббота. Зинаида Николаевна рассказывает: я просто взбесилась и написала бешеные письма Федину и Тихонову о том, что я в нищете, что до сих пор не получаю пенсии, что томик стихов Бори издательство сократило вдвое, что из-за границы мне не шлют ни копейки; о том же написала и Тихонову. Тихонов сейчас же пришел ко мне — обещал поговорить с Фединым — и вот нужно же было так случиться, что после этого я пошла к Сельвинским взять в долг хоть несколько рублей — вижу, идут они оба: Тихонов и Федин. У меня подкосились ноги, чувствую, что падаю, сердце застучало как сумасшедшее, только бы дойти до кордиамина (лекарство)...»

Зинаида Николаевна так и не получила пенсии. В 1962 году она перенесла тяжелый инфаркт. Безденежье становилось непереносимым. Почти невозможным казалось сохранение дома поэта в Переделкине, в котором она надеялась в дальнейшем увидеть музей.

Видимо, эти обстоятельства послужили причиной тому, что 8 октября 1963 года при содействии З. А. Масленниковой Зинаида Николаевна продала самое дорогое из того, чем располагала,— письма Бориса Леонидовича к ней. В бумагах Зинаиды Николаевны сохранилась расписка: «Я, Софья Леонидовна Прокофьева, 8 октября 1963 года купила у Зинаиды Николаевны Пастернак все письма Бориса Леонидовича Пастернака, адресованные ей. (Количество писем и открыток приблизительно семьдесят пять.) С. Прокофьева. 8 окт. 63 г.». 28 июня 1966 года после тяжелой болезни Зинаида Николаевна умерла.

Настоящая публикация осуществлена по микрофильму из семейного архива Б. Л. Пастернака.

№ 10
14 мая 1931 г.

Прости ненужное глубокомыслие позавчерашнего письма. Я повез его на Брянский вокзал и опустил в почтовый вагон, ускоренного, чтобы отошло поскорее. Так же поступлю с этим. Опять, значит, был вокзал, вечер, Дорогомилово, воспоминанья.

На широкой и пустой привокзальной площади попались навстречу две женщины. Старые, бедно одетые, с лицами, как вечерняя мостовая. Обе в трауре, шли, еле передвигая ноги. Я с ними поздоровался. Обе были приятельницами моих стариков, обе когда-то были очень богатые. У одной из них я снимал комнату в 20-м году летом. Туда в первый раз пришла ко мне Женя[1] со своим знакомым, я поил их чаем. Ей же о комнате звонил нынешней зимой, не свободна ли. Я сразу догадался, что другая приехала к первой погостить и теперь уезжает в Одессу и что они спешат на ускоренный, куда я опустил письмо. Я удивил их своей догадкой и пошел дальше. А дом у первой — собственный, в Георгиевском переулке, близ Патриарших, я однажды ночью показывал его тебе и Гаррику [2], когда мы ехали ночью от Асмусов[3], и я зашел к вам, и ты в седьмом часу поила нас чаем. Но — вечерний ли свет, тихая ли пустынность площади — меня, не волнуя, поразила печать старости на их каменных и почти пыльных лицах. И имя окраины, в котором звучит: Дорога милого и дорого-мило, отдалось надтреснутым звуком кладбищенского Дорогомилова. Ты удивишься. Наблюденье восхитило меня. Лишний повод,— решил я, жить коротко, быстро и внутренне сильно.— Ляля, Лялечка, Лялечка моя! А там как бог даст.— Надо жить быстро, а я не высыпаюсь, просыпаюсь с первыми трамваями, мутными пропащими днями пробую работать, сонно и безуспешно, и — запускаю дела. Они плывут, я к ним не притрагивался. Что, например, может быть проще. Издательство Ленинградских писателей берет собранье и на мои условья соглаша-

ется, надо только написать заявленье для подшивки к делу, и даже не по почте, а еще легче — в живые руки одной приезжей сдать, и тогда будет заключен договор и сразу пойдут деньги. И, по-видимому, я враг деньгам, потому что сам отдаляю их приток таким поведеньем. Шура была в промтоварном распределителе, я позволил ей купить для себя материал на 2 рубля с копейками. Ее вызвали к заведующему, и он потребовал, чтобы до 20-го все было забрано, потому что ордер выдан в феврале, а до сих пор использован слабо. Но без тебя не хочу, хотя он сделал отметку на ордере об ограничении срока.— Из Тифлиса получил телеграмму: письмо ваше имя адрес Пильняка возвращено почтой. Телеграфируйте согласье приехать готовы братский привет от товарищей Паоло Яшвили[4].— Без тебя не отвечаю.— По комнатам летает моль день ото дня все более многомольными роями, судебным решением до сих пор не поинтересовался, к фининспектору не ходил, чувствуя себя без парусов, усталым и счастливым.— У Шуры (Александра Леонидовича[5]) — нарыв на ноге, лежит у меня в спальной, что тормозит уборку, отчего комната пыльней и летнее обычного: худой, небритый, штаны на стуле, мухи, простыни, посеревший ковер, моль.

Скоро ты напишешь мне, сердце мое,— не правда ли? Удивительно верю в тебя (это главное) — и вторым порядком,— тебе. Что тебе верю — замечаю, нуждаюсь,— но вера в тебя постоянна, и она нужнее мне. Вышло именно так, как я мечтал. Огромная, огромная дружба — душ и ртов и ног, в близости и на расстоянье и, как обязательная ее частность,— любовь,— то что обсуждают, то что как нам сказали, разбило две жизни, то что стало темою для Ирины Сергеевны[6], то что как физический круг солнца, имеющийся на небе, когда кругом на десятки тысяч верст светло. Ослепительный, всем видный круг, на который можно смотреть только сквозь копоть сплетен и осложнений, и — день: десятки тысяч верст несудорожной, вольной, никому неведомой связи с тобой. Верю в тебя и всегда знаю: ты близкая спутница большого русского творчества, лирического в годы социалистического строительства, внутренне страшно на него похожая,— сестра его. Это знаю всегда. И иногда — кажется,— почти знаю,— не смею верить: этот спутник чудной тебя — я; могу им быть, буду.— Но вера в тебя постоянна. И если тебе показалось в эти киевские дни, или случится и покажется завтра, что что-то новое у тебя на совести против меня,— брось эти мысли и будь покойна: ничего этого нет, ты права и чиста передо мной. Только бы не было больно тебе. Но теперь совсем о другом. Бывает и так. Есть внезапная правда, которой не подозревал до этого за минуту. Положенья, знакомые по тысяче раз, вдруг в тысячу первый дают открытье, немое, категорическое, стягивающее все существо сладким содроганьем. Полагавши вчера, что я есть, ты можешь вдруг пережить сегодня, что меня нету: и новизна этого (столько раз пережитого) мгновенья с Гарриком будет именно в силе и ужасе того, что меня нет, и как тогда быть? Тогда не жалей, не жалей — умоляю тебя! Не жалей и не бойся. Сейчас я все скажу тебе. Не жалей меня и всего слышанного мной и от тебя полученного, не жалей бедных стихов и писем, которые бежали к тебе, любя и улыбаясь, а вот теперь узнают (что узнают они!)... Не бойся случившегося, ни даже трещины в будущем, теперь как будто поправимой, и косых взглядов и ударов: не бойся их, потому что тогда это твоя жизнь, все равно отныне большая. Потому что именно это и случилось с тобой этою зимою. Ты сейчас такая, какой была ребенком, когда дулась и хоронилась и не понимала, отчего так обидно и сказочно, что хоть плачь, и радовалась всему этому в следующую минуту. И потом все это было стеснено (о, не Гарриком, боже сохрани, разве я о нем?). Ты родилась девочкою большой жизни, и когда судьба это связала, назначенье стало игрой: ты играла в то, чем немыслимо было жить во всем объеме: ты кокетничала, восхищала, и — я никого не хочу обижать, все твои летние обожатели были игрушками, а игрушек должно быть много (кукольные сервизы, избы, кремли, карликовый скот в сухом искусственном мху). Но твоя подоплека восторжествовала. Ты жива сейчас во весь рост. Только отсюда нет возврата назад. Из твоего полного раскрытья, из пробужденья, а вовсе не из позора пересудов, или семейных осложнений, будто бы непоправимых. Если тебя сильно потянет назад к Гарику, доверься чувству. Смело говорю за тебя: это будет тянуть тебя вперед к нему, все у вас пойдет твоей большой жизнью, за которой вы забудете, поправимо ли или нет случившееся; вам будет некогда заниматься воспоминаньями: все затмит новизна твоих размеров, совершенных, как в детстве. Как это трудно выразить! Ты знаешь, о чем я говорю? О вернувшемся слухе и зреньи; о лете в квартире, как бы только что вошедшем и присутствующем, как человек; о сочлененности твоей красоты с тем, что делается в природе; о какой-то творческой пропорции существованья: о тебе, хозяйке, и о шкапах, полных поэзии, о кухонных полках, ломящихся от вдохновенья. Тогда не опасайся ничего дурного и тяжелого от Гаррика: ты сама будешь напоминать ему, кто он, когда он будет забываться. Так напомнила ты мне обо мне. И он будет расти от твоих напоминаний.— Или же, если тебя не закружит болью,— подари, подари все это мне.

Пойми цель этих советов: ты должна быть счастлива. Сейчас у тебя столько данных обнять заглавную прелесть существованья, полную смысла и достоинства,— ты как возрождена этими потрясеньями, так страшно, как бы ты не ошиблась! Но пойми и причину: обо всем этом я и в том случае, если ты моя, говорю, чтобы тебе было легче. Потому что ты верно не сдержалась и жалеешь об этом? О, прости и ты меня, если это не так, и тысячу раз благодарю тебя. Я люблю, я люблю тебя, я тебя люблю. <...>

№ 21
26 июня 1931 г.

<...> Ирина Сергеевна дивится молве вокруг нас и «тень» за это набрасывает на тебя так же, как весной за это винили меня. Опять подход убийственный, в мещанских рамках — идеально благородный, но в наших — принижающий и несправедливый, как был бы упрек музыке, зачем она слышна. Наш праздник больше человеческого и не принадлежит нам,— мы собственность времени, за что оно и греет нас своим до осязательности близким, материнским дыханьем. А о толках,— (вероятно и эти распускаю я), будто конфискован № Нового мира с моими стихами. Будто у Горького было собранье писателей, очень шумное и чуть ли не кончившееся дракой, и всех шумнее вел себя я. А в основаньи последней утки вот какое действительное происшествие. 30 мая, когда я был в Челябинске, здесь в Москве происходило собранье у Горького, действительно шумное. В состоянии задора и в виде вызова лицам официальным Алексей Толстой и Вс. Иванов провозгласили тост за меня, как за «первого нашего поэта», все же смотрели в сторону наркома по просвещенью Бубнова, который сказал, что «я не с ними», т. е. не революционный, Ал. же Толстой кричал, что его доведут до того, что он станет монархистом, заявленье в присутствии правительства довольно смелое. И пр. и пр. <...>

№ 23
18 июня 1931 г.

<...> Ты настолько оказываешься совершеннее того большого, что я думаю о тебе, что мне становится печально и страшно. Я начинаю думать, что счастье, которое кружит и подымает меня, предельно для меня, но для тебя еще не окончательно полно. Что я не охватываю тебя, что как ни смертельно хороша ты в моем обожаньи, в действительности ты еще лучше. Что этот избыток остается за краем, где тебе печально, потому что твое превосходство надо мною заброшено в одиночество, куда мне никогда не достигнуть и не забросить моей радости, моей человеческой и художнической службе тебе. Что того счастья, какое даешь и будешь давать ты мне, мне тебе не дать.— Ну, а вдруг я еще вырасту в погоне за этим твоим последним.

Как удивительно ты пишешь, как плохо себя знаешь, как мало ценишь!— До сих пор все это было разговором с твоим письмом, с его музыкой. Я должен был сперва ответить ему, прежде чем отвечать тебе на него. Потому что и его хочется целовать и невозможно не восхищаться, как тобою.

Но тебе я отвечу на словах при встрече. Потому что в письмах я впадаю в мучительное многословье. Что оно непростительно для писателя, так это с полбеды. Но оно недопустимо перед тобою. Оно искажает так много молниеносно подлинного и прямо вызванного тобою! Эти искры говорят о твоем ударе и могли бы тебя радовать, из моих же писем ты узнаешь о них меньше, чем если б я молчал. <...>

Из моей жизни, сейчас удесятерившейся, я хочу делать одну тебя, и если бы ее стало во сто раз больше, все равно этих средств мало для такой цели и их всегда будет недоставать.— Ты права, что что-то свихнулось у меня в душе по приезде сюда, но если бы ты знала, до какой степени это вертелось вокруг одной тебя и как вновь и вновь тебя одевало в платье из моей муки, нервов, размышлений и пр. и пр. Я болел тобой и недавно выздоровел, и про все это расскажу тебе устно. Но чтобы выраженье «выздоровел» ты не поняла превратно,— вот в чем было дело. У меня был досуг при редких, для работы, условиях и свежа была память об апреле, когда я отхватал больше тысячи, едва замечая, как это делалось,— я должен был теперешний досуг употребить с пользой, кроме того, мне страшно хочется умножить твои стихи и увидать осенью твою книгу, и вот я с ужасом убеждался в том, что это не выходит и мне разлуки с пользой не употребить. Я почувствовал себя как-то материально виноватым перед тобою, и это чувство преследовало и терзало меня. Я понял, что я неотделим от тебя, и был болен этим чувством, пока считал его виною перед тобою, до самого недавнего времени, когда вдруг то же чувство неотделимости показалось мне моей силой и правотой перед тобою, и все во мне просветлело. Так я и выздоровел. И едва я извинил это состоянье, как само собою это открытье стало мне темой, и поэзия вернулась, точно прощеная, и тут я стал прочно навсегда звать тебя женою, тем самым словом, которому ты противишься в письме и с которым я теперь не могу расстаться, потому что я так полюбил его на тебе, как звуки Зина и Ляля. И это имя моего выздоровленья и оно значит окончанье повести и выход с тобой через революцию к какому-то последнему смыслу родины и времени, и нашу будущую зиму с тобой, и нашу через год заграничную поездку. <...>

№ 28
23.XI.33 г.

Дорогая Киса, помнишь ли ты еще меня? Тут холодно и сыро, кругом Тифлиса на возвышенностях (не выше Коджор) вчера выпал снег, в Орианте не топят, и так как ванны зависят от отопления, то нельзя принять ванны, а в баню страшно пойти, можно простудиться, выйдя в легком на такой холод. Я хотел выехать завтра, потому что оставаться дольше решительно незачем, но билеты должен достать Павленко, а он меня не отпускает раньше 26-го. Я не только сильно стосковался по тебе, но у меня есть еще и местные причины чувствовать себя неважно: параллельно с нарастающим моим убежденьем в общем превосходстве Паоло и Тициана[7] я встречаюсь с фактом их насильственного исключенья из списков авторов, рекомендованных к распространенью и обеспеченных официальной поддержкой. Я бы тут преуспел, если бы от них отказался. Тем живее будет моя верность им. Целую тебя без конца и счета. Твой Б. Телеграмму в Ленинград послал, озабочен результатами.

№ 31
Съезд, утреннее заседанье
22.VIII.34 г.

Дорогая Киса, пишу тебе за столом президиума в Колонном зале (на эстраде). Только что говорила Мариэтта Шагинян, произнесшая замечательно содержательную речь. Вчера на вечернем заседании председательствовал я, а потом в 12 часов ночи был вечер-встреча с грузинскими делегатами, я и Коля Тихонов читали свои переводы, и я лег в 5 часов утра, так что сейчас совсем сонный. Вчера же обедали с Гарриком и Паоло в ресторане. У меня нет возможности все тебе рассказать в письме, сделаю это потом устно. Все время нахожусь в страшной рассеянности, что ни куплю, то сейчас же где-нибудь забываю, потерял вчера 30 руб., потом однажды посеял где-то шляпу и пр. и пр. Мне все время страшно хочется домой, и я подвел Ник. Як., упросив его взять мне билет (он уезжает сегодня), но ехать мне невозможно, да и было бы глупо: как раз открытье съезда (первые дни) отпугнуло нас своей скукой: было слишком торжественно и официально. А теперь один день интереснее другого: начались преньа. Вчера, например, с громадным успехом и очень интересно говорили Корней Чуковский и И. Эренбург. Кроме того, мне и неудобно уезжать до доклада Бухарина и Тихонова. <...>

№ 34
11.I.35 г.

<...> Щербаков (председатель Союза) и Балашов просят меня завтра 12-го съездить в Малеевку на машине. Там устроили 2-х месячные курсы для лучших представителей литературной молодежи со всех республик Союза, к ним ездят профессора лекции читать, а меня им только бы повидать. И будто бы очень хотят именно меня. Так как

это живое свидетельство нашей действительности, комсомольцы эти, то мне это очень интересно и, по ходу моей прозы, даже и надо бы мне в смысле материала. Вот отчего я не сразу отказался. Но дело уже к ночи, выезжать надо в 10 часов утра, и, мне кажется, я не соберусь.

Вообще у меня теперь является желанье хорошо написать этот роман. Постепенно подобрались разные положенья, которые я хотел бы дать, наметились узлы в разных временах, разрослась фабула, замысел как бы расположился в пространстве. Его можно было бы изложить по-настоящему, как это делали старики. А ты знаешь, по скольку лет они работали? Сколько, например, времени писалась Война и мир, как Гоголь работал над Мертвыми душами?

Я эту вещь буду писать долго; и чем больше она разрастается, чем больше материализуется в уже написанном, т. е. чем более куски определенные вытесняют части первоначально общие и приблизительные,— тем более эта работа меня приближает к возможности писать в будущем стихи как-то по-новому, не в смысле абсолютной новизны этой предполагаемой поэзии, а какой-то следующей еще простоты, без нарушенья последовательности в приобретенном навыке, немыслимой. Ну, спокойной ночи. Лягу, а то поздно. <...>

№ 43
24.VII.1941

Дорогая дуся! Третью ночь бомбят Москву. 1-ю я был в Переделкине, так же как и последнюю, с 23 на 24-е, а вчера, с 22-го на 23-е был в Москве на крыше (не на площадке солярия, а на крыше) нашего дома вместе со Всеволодом Ивановым[8], Халтуриным[9] и другими в пожарной охране. Помнишь рассказ англичанина, передававшего свои наблюденья по радио, я как-то тебе рассказывал? Ну вот, теперь мы все это видим каждую ночь своими глазами и испытываем на своей шкуре. Регулярное это недосыпанье, не говоря о другом, что до тебя донесет молва и легко подскажет воображенье, страшно изнуряет. Сколько раз в теченье прошлой ночи, когда через дом-два падали и рвались фугасы и зажигательные снаряды, как по мановенью волшебного жезла, в минуту воспламеняли целые кварталы, я мысленно прощался с тобой, мамочка и дуся моя. Спасибо тебе за все, что ты дала мне и принесла, ты была лучшей частью моей жизни, и ты и я недостаточно сознавали, до какой глубины ты жена моя и как много это значит.

Помни меня, милый мой друг, если, по несчастной случайности, в этой гибельной лотерее мне выпал бы смертельный номер. Кланяйся Тамаре Владимировне[10] и скажи ей, что в естественных условиях и отдаленно нельзя себе представить, каким облегченьем является в опасности близость или присутствие человека, которого любишь и ценишь при всех обстоятельствах. Я говорю о Всеволоде, который стоял в нескольких шагах от меня за чердаком. А кругом была канонада и море пламени.

Душу в объятьях тебя, Леню[11] и Стасика[12]. Все живы и здоровы. Адик[13] в безопасности.

№ 52
1.IX.41 г.

<...> Я не жалуюсь на свое существованье, потому что люблю трудную судьбу и не выношу безделья,— я не жалуюсь, говорю я, но я форменным образом разрываюсь между 2-мя пустыми квартирами и дачей, заботами о вас, дежурством по дому, заработками, военным обученьем. Официальное отношенье ко мне возмутительное. До того, как мной заинтересуются немцы, меня уморят голодом свои. Весной, после Гамлета, я написал лучшее изо всего мной когда-нибудь написанного. Этот подъем продолжается и сейчас. Я делаю все, что делают другие и ни от чего не отказываюсь: вошел в пожарную оборону, принимаю участие в обученьи строю и стрельбе; ты видела, что я писал в начале войны для газеты: такое же простое, здравое и содержательное и все остальное. Меня просили для Красной Нови дополнить те, невоенные стихи чем-нибудь военным. Я написал четыре вещи. Из них выбрали одну, самую слабую. Мне обещали 250 рублей. Когда я пришел попросить, чтобы мне их натянули до трехсот, я узнал, что выписали только сто, да и тех не уплатили. Тем временем, я за Стасикины полуботинки (штиблет нигде нет) по своей промтоварной карточке отдал последние 65 руб. И опять ты будешь недовольна.

№ 55
10.IX.41 г. утром

Вчера ночью Федин сказал мне, будто с собой покончила Марина. Я не хочу верить этому. Она где-то поблизости от вас, в Чистополе или Елабуге. Узнай, пожалуйста, и напиши мне (телеграммы идут дольше писем). Если это правда, то какой же это ужас! Позаботься тогда о ее мальчике, узнай, где он и что с ним. Какая вина на мне, если это так! Вот и говори после этого о «посторонних» заботах! Это никогда не простится мне. Последний год я перестал интересоваться ею. Она была на очень высоком счету в интеллигентном обществе и среди понимающих, входила в моду, в ней принимали участие мои личные друзья, Гаррик, Асмусы, Коля Вильям, наконец, Асеев. Так как стало очень лестно числиться ее лучшим другом, и по многим причинам, я отошел от нее и не навязывался ей, а в последний год как бы и совсем забыл. И вот тебе! Как это страшно. Я всегда в глубине души знал, что живу тобой и детьми, а заботу обо всех людях, долг каждого, кто не животное, должен символизировать в лице Жени, Нины[14] и Марины. Ах, зачем я от этого отступил! <...>

№ 56
12.IX.41

<...> У меня было очень тяжелое настроение вчера, пустая, бессодержательная газета, усталость от города. Была ужасающая погода, двухсуточный осенний ливень с ветром. Ночью дождь и завыванье бури не давали мне спать. Наверное, очень плохо с Ленинградом, Киевом и Одессой. Уже несколько дней тому назад говорили о поголовном переселеньи всей республики немцев Поволжья от мала до велика (до 1-го милл. человек) в Среднюю Азию или за Алтай. И вдруг это коснулось московских немцев, вплоть до Риты Вильям[15], например. Именно в эту страшную дождливую ночь узнали об этом в Переделкине Кайзеры и Эльснеры (живущие у Павленки), чистые, честные, работящие люди. Они завтра должны выселяться в Казахстан, за Ташкент. Всю ночь это меня давило. Сколько горя и зла кругом, какими горами копится человеческое разоренье, сколько счетов, друг друга перекрывающих, прячет за пазуху человеческое злопамятство, сколько десятилетий должно будет уйти в будущем на их обоюдостороннее погашенье.

И потом усиливающаяся безысходность несносной душевной несвободы. Делаешь что-то настоящее, вкладываешь в это свою мысль, индивидуальность, ответственность и душу. На рукописи ставят отметки, ее испещряют вопросительными знаками, таращат глаза. В лучшем случае, если с сотней ограничений примут малую часть сделанного, тебе заплатят по 5 р. за строчку. А я за два дня нахлопал несколько страниц посредственнейших переводов для Литературки, из второстепенных латышей и грузин, без всякого труда и боли, и мне вдруг дали по 10 р. за строчку за эту дребедень. Где ж тут последовательность, что ты скажешь! Или непониманье простейших мелочей, споры разных редакций с Фединым по поводу вещей, за которые надо кланяться в пояс и говорить спасибо, а не морщить лоб и требовать исправлений. Всю эту дождливую ночь я об этом думал. Как быть, к чему стремиться и чем жертвовать? Нельзя сказать, как я жажду победы России и как никаких других желаний не знаю. Но могу ли я желать победы тупоумию и долговечности пошлости и неправды? — И когда Таня Иванова утром подала мне письмо от тебя, я заплакал раньше, чем вскрыл его, я боялся известия о какой-нибудь беде с тобой или с детьми, вслед за новостью о Цветаевой и настроеньями этой осенней ночи.

Дуся моя и Лялечка. Как нежно я ни пишу тебе, всего этого недостаточно, чтобы выразить тебе, какая ты прелесть и счастье! Прости мне, что я так хмуро начал серию этих писем: я тогда еще ничего не имел от тебя, кроме упреков. Прости за горечь в словах о несчастной Марине: если я чем-нибудь виноват перед ее памятью, это не касается тебя, ты чиста как ангел перед ней, у меня же к тебе нет ничего, кроме сознанья, что ты и я одно и то же и кроме невозможности отделить тебя от меня. Спасибо тебе за умное и бодрое письмо. Ты чудный друг и большой человек. Я распорядился, чтобы начали ремонтировать квартиру, и внес в домоуправление денег для этой цели. На даче у меня все вещи и книги были вынесены в чулан (в твое газоубежище). Вчера впервые я перенес энциклопедический словарь назад на книжную полку. У нас в Ельне (под Смоленском) был большой успех. Если он разовьется и мы перейдем к лучшему и укрепится надолго, может быть, зимой или к весне вас можно будет перевезти в Москву. Но я с Леоновым и Фединым во всяком случае до начала зимы вас увидим. Крепко обнимаю тебя и детей. Если ты чего-нибудь не поймешь в письме или чем-нибудь будешь недовольна, знай и помни главное: что я люблю тебя как жизнь мою и хочу жить с тобой хорошо долго, долго.

Твой Б.

№ 58
Август 1942 г.

<...> Ты молодчина и я горжусь тобой. Будь же справедлива и ты: я не растерялся и со всем справляюсь, несмотря на то, что взятый большинством и считающийся обязательным тон в нашей печати еще дальше от меня и отвратительнее мне, чем до войны, несмотря на дикое сопротивленье неисчислимых пошляков и бездарностей в редакциях, секретариатах и выше.

Да, последняя новость,— лишился всех своих постов твой друг и любимец Фадеев, хотя мне-то его по-человечеству и дружески очень жаль. Он приезжал с фронта, запил и пропал на 16 дней. Я думаю, такие вещи не случайны, и ему самому, наверное, захотелось расстаться с обузами и фальшивым положеньем своих последних лет. Я не знаю, кто будет вместо него по Союзу, но в Информбюро (нечто вроде центральной цензуры и инстанции, которая распределяет печатный материал для Союза и за границы) вместо него будет Афиногенов[16]. Нас (меня, Костю[17], Всеволода Иванова и кое-кого еще) привлекут к более тесному сотрудничеству.

В Москве сейчас совершенно спокойно, несравнимо с тем, что месяц назад. Без конца тебя, тютя моя, Леню и Стасика целую.

Твой Боря

№ 76
30 июля 1954

Дорогая Зиночка!

Допускаю мысль, что упорным своим молчанием Нина, может быть, готовит сюрприз и явится вдруг, не предупреждая, вдвоем с Тицианом.

Вчера зашел Федин и рассказал неожиданные вещи. Пересматривается «дело» Бабеля и есть сведения, что он жив и выйдет на свободу. Уверяет, что видели вернувшегося Чаренца, которого все считали расстрелянным. Отчего не может это случиться с Тицианом и Пильняком? <...>

Твой Б.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Евгения Борисовна Пастернак — художница, первая жена Б. Л. Пастернака.
2. Генрих Густавович Нейгауз — музыкант, первый муж З. Н. Пастернак.
3. Валентин Фердинандович Асмус — философ. Ирина Сергеевна Асмус — его жена.
4. Паоло Яшвили — грузинский поэт.
5. Александр Леонидович Пастернак — архитектор, младший брат Б. Л. Пастернака.
6. Ирина Сергеевна Асмус.
7. Паоло Яшвили и Тициан Табидзе — грузинские поэты, близкие друзья Б. Л. Пастернака.
8. Всеволод Вячеславович Иванов — писатель.
9. Иван Игнатьевич Халтурин — критик и детский писатель.
10. Тамара Владимировна Иванова — переводчик, жена В. В. Иванова.
11. Леонид Борисович Пастернак — младший сын Б. Л. Пастернака.
12. Станислав Генрихович Нейгауз — младший сын Г. Г. Нейгауза.
13. Адриан Генрихович Нейгауз — старший сын Г. Г. Нейгауза и З. Н. Пастернак.
14. Нина Александровна Табидзе — вдова поэта Тициана Табидзе.
15. Маргарита Николаевна Вильям — сестра Н. Н. Вильям-Вильмонта, литературоведа.
16. Александр Николаевич Афиногенов — драматург.
17. Константин Александрович Федин — писатель.

Трагические события августа 1968 года прервали процесс демократических преобразований не только в Чехословакии. В равной мере пострадали народы тех стран, чьи войска были посланы в Прагу. Гусеницы танков проехались по ним самим. Так лишний раз подтвердилась старая истина: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Жестокий удар был нанесен и самой идее социалистического содружества наций, посеяв в «братской семье единой» семена раздора, недоверия, вражды. Недавно в Москве было принято заявление правительств пяти стран, осудивших свои совместные действия. Справедливость восторжествовала. И сегодня событие, о котором мы хотим рассказать, может показаться незначительным. Но это не так, потому что всегда велика цена поступка, нравственного выбора, который человек совершает наедине с собой. Да они, к счастью, и не были одиноки — те, кто решился тогда выйти на площадь. За ними стояли тысячи других, согласных с ними, но — молчавших. И десятки тех, кто не молчал, и среди них — академик Андрей Дмитриевич Сахаров, математик Александр Есенин-Вольпин, поэт Евгений Евтушенко, открыто протестовавшие против вмешательства во внутренние дела суверенного государства.



В ночь с 20 на 21 августа 1968 года войска пяти стран Варшавского Договора — СССР, НРБ, ВНР, ГДР и ПНР — перешли чехословацкую границу.

Из Заявления ТАСС («Правда», 21 августа 1968 года): «ТАСС уполномочен заявить, что партийные и государственные деятели Чехословацкой Социалистической Республики обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами. Это обращение вызвано угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю... со стороны контрреволюционных сил...

Советские воинские подразделения вместе с воинскими подразделениями... союзных стран... будут незамедлительно выведены из ЧССР, как только создавшаяся угроза завоеваниям социализма в Чехословакии, угроза безопасности стран социалистического содружества будет устранена и законные власти сочтут, что в дальнейшем пребывании там этих воинских подразделений нет необходимости...

Братские страны твердо и решительно противопоставляют любой угрозе извне свою нерушимую солидарность. Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств».

В те годы народ у нас был благонамеренный, не то что теперь. На заводах и фабриках, в колхозах и конторах по всей стране состоялись митинги, были приняты резолюции.

Стараниями умелых организаторов митингов и бойких газетчиков мир узнал мнение советского народа о событиях в Чехословакии.

Существовало и другое мнение.

Прежде всего его придерживались многие чехи и словаки, включая тогдашнее руководство страны. Иной оказалась и позиция некоторых компартий. О «капиталистах» нечего и говорить.

Иную точку зрения открыто высказала и горстка наших граждан. Причем некоторые из них протестовали против ввода войск еще до того, как он совершился.

Утром 29 июля 1968 года арестовали Анатолия Марченко. За «нарушение паспортного режима». Нелепость обвинения — тридцатилетнего грузчика задержали в Москве, где он не был прописан, однако работал — объяснять не приходилось. В недавнем прошлом политзаключенный, автор получившей широкое хождение в самиздате книги «Мои показания», Марченко незадолго до ареста опустил в почтовый ящик «Открытое письмо чехословацким газетам», в котором писал:

«Я внимательно (насколько это возможно в нашей стране) слежу за событиями в Чехословакии и не могу спокойно и равнодушно относиться к той реакции, которую вызывают эти события в нашей печати. На протяжении полугода... газеты стремятся дезинформировать общественное мнение нашей страны и в то же время дезинформировать мировое общественное мнение об отношении нашего народа к этим событиям. Позицию партийного руководства газеты представляют как позицию всего населения — даже единодушную. Стоило только Брежневу навесить на современное развитие Чехословакии ярлыки «происки империализма», «угроза социализму», «наступление антисоциалистических элементов» и т. п. — и тут же вся пресса, все резолюции дружным хором подхватили эти же выражения, хотя наш народ сегодня, как и полгода назад, ничего по существу не знает о настоящем положении дел в Чехословакии».

С осени 1967-го лишь малый круг интеллигенции, как губка, впитывал все сведения, поступавшие из Праги. События, происходившие в этой стране, вызывали горячее сочувствие, внушали надежду и тревогу. Еще продавались в киосках «Союзпечати» пражские газеты: их молниеносно раскупали, быстро переводили и шумно обсуждали. Ясно было одно: правительство Дубчека решилось на дерзкий эксперимент — действуя в рамках социалистической системы, оно почти упразднило цензуру, на деле, а не на словах предоставило своим гражданам свободу высказывать и отстаивать убеждения.

А на московских кухнях кипели споры. К весне 1968-го, когда разногласия между «братскими компартиями» стали очевидны, ощущение тревоги сменилось предчувствием беды, и все дискуссии свелись к одному простому вопросу: «Задавят или не задавят?» Одни (их было большинство) полагали, что вооруженное вторжение невозможно, приводя достаточно веские доводы. Если танки войдут в Прагу, говорили они, то будет дискредитировано мировое коммунистическое движение, от нас отшатнутся даже друзья, чего не могут не понимать наши руководители... Так что ситуация будет урегулирована мирным путем, более того, пример Чехословакии чему-нибудь и нас научит! Другие были не столь категоричны, они предполагали худшее, хотя и не теряли надежд на благоразумие Советского правительства. Третьи (их было немного) считали, что вторжение почти неминуемо, и всеми силами стремились если не предотвратить, то хотя бы отдалить трагедию.

Из самиздатской «Хроники текущих событий» (выпуск третий, 1968 год): «29 июля в посольство Чехословакии было передано письмо пяти советских коммунистов с одобрением нового курса КПЧ и осуждением советского давления на ЧССР. Письмо подписали П. Григоренко, А. Костерин, В. Павлинчук, С. Писарев и И. Яхимович».

Еще у многих на памяти были венгерские события 1956 года. Советские интеллигенты, убежденные в том, что чехи разделят судьбу венгров, оказались в мучительнейшем положении людей, которые знают о готовящемся преступлении, ничем не могут помочь жертве. но и молчать тоже не могут. Обязаны предупредить, хоть это и бесполезно...

Суд над А. Марченко был назначен на 21 августа.

Обычно приговор по столь ничтожному делу, как нарушение паспортных правил, оглашается быстро и сводится к штрафу, а тут заседание продлилось до позднего вечера, и судья был строг, и приговор не мягок: год лагерей. И все уже понимали, что на свободу Марченко выйдет нескоро, что в лагере добавят... Расчет властей был прост: припугнуть, предупредить «диссидентов» (чужой народ в грош не ставим, с вами тем более не будем чикаться), принудить к молчанию. Крови не алкали — жаждали послушания. Но просчитались.

А на короткой волне уже звучал исполненный боли и отчаянья женский голос с чуть заметным чешским акцентом: «Русские братья, уходите, мы вас не звали!..» Еще — звучал.

Из «Хроники текущих событий» (выпуск четвертый,1968 год): «В ночь с 21 на 22 августа... 20-летний ленинградец Богуславский написал на трех клодтовских конях: «Вон Брежнева из Чехословакии». Тут же, на Аничковом мосту, он был арестован и через две недели осужден по ст. 70 на пять лет строгого режима. Верховный суд РСФСР... переквалифицировал его действия на ст. 190 [1] и соответственно изменил меру наказания: 3 года общего режима (максимум по данной статье).

Эстонский студент, написавший в Тарту на стене кинотеатра в ночь с 21 на 22 августа: «Чехи, мы — ваши братья», при задержании был зверски избит: у него отбиты почки, и он до сих пор находится в больнице».

23 августа 1968 года Москва встречала Людвика Свободу. «В тот день я шла по Ленинскому проспекту,— рассказывает Лариса Богораз.— Транспорт не ходил. Стояли толпы людей, согнанных, как водится, из разных учреждений встречать дорогого гостя, скучали, жевали пирожки, обмахивались чехословацкими флажками. Гостя долго, очень долго не было. Я успела пройти весь проспект, повернуть к «Ударнику»... Наконец появились машины. Везли Свободу. Он ехал стоя в открытой машине, слепо смотрел перед собой. Лицо его было безжизненной, трагической маской. Рядом с ним, добро улыбаясь, стояли Брежнев с Подгорным, а стоящий сзади Косыгин был, как всегда, мрачен. Машина шла медленно. Люди на тротуаре замахали флажками, закричали, заприветствовали. Свобода глядел вперед, не поворачивая головы ни вправо, ни влево. Видеть это было страшно и невыносимо, словно посреди карнавала шла по улицам похоронная процессия. Мне захотелось выкрикнуть что-то наперекор этой равнодушно-веселой толпе, ведь произошла жуткая трагедия, наши танки вошли в Прагу, и все мы, и я в том числе, в этом виновны... Я сдержалась».

«Утром 25 августа,— вспоминает Юлий Ким,— ко мне пришел Вадик Делоне. Все уже было решено, отговаривать поздно, но Вадик мог и не знать... Знал. Он коротко спросил: «Идут или не идут?» Соврать я не мог и все же вяло напомнил Вадиму, что на нем висит еще прежний, условный срок. Он в корне пресек эти поползновения, протянул руку и сказал, картавя на все буквы в силу своего французского происхождения: «Пгощай, стагик, чегез тги года встгетимся». Меня потрясла будничность этого — нет, не предсказания, не пророчества, не предвидения — достоверного распределения своей жизни... «Все, я пошел в лагерь, старик»,— так это прозвучало. Так и исполнилось».

Два года спустя во Франкфурте-на-Майне выйдет книга Натальи Горбаневской «Полдень», где будут собраны документы, рассказы друзей, свидетельства очевидцев, чудом добытая стенограмма суда... Часть этих материалов использована в статье.

Наталья Горбаневская:

«Флажок я сделала еще 21 августа: когда мы ходили гулять, я прицепляла его к коляске, когда были дома, вывешивала в окне. Плакаты я делала рано утром 25-го: писала, зашивала по краям, надевала на палки. Один из них был написан по-чешски: «At' žije svobodné a nezávislé Čescoslovensko!», то есть «Да здравствует свободная и независимая. Чехословакия!». На втором был мой любимый призыв: «За вашу и нашу свободу»...

Я подошла к Лобному месту со стороны ГУМа, с площади подошли Павел, Лариса, еще несколько человек. Начали бить часы. Не на первом и не на роковом последнем, а на каком-то случайном из двенадцати ударов, а может быть, и между ударами, демонстрация началась. В несколько секунд были развернуты все четыре плаката (я вынула свои и отдала ребятам, а сама взяла флажок), и совсем в одно и то же мгновение мы сели на тротуар».

Это такая традиция российская — идти на площадь. В счастливые годовщины, в праздники на площадях собираются пикующие толпы. В дни испытаний и бед сюда шли тоже — свергать царей, но шли уже по-другому, стиснув зубы или выкликая проклятия. Красная площадь немало их повидала, бушевавших под кремлевскими стенами. Те, кто пришел сюда 25 августа 1968 года, сразу направились к Лобному месту, потому что никого свергать не намеревались, а только «за правду порадеть и крест принять опальный». Ведь случилась беда, и они явились, чтобы рассказать об этом. Молча, сидя лицом к Историческому музею, с развернутыми плакатами и маленьким флажком чужой страны. Константин Бабицкий, лингвист, и Лариса Богораз, филолог. Владимир Дремлюга, рабочий, и Вадим Делоне, поэт. Павел Литвинов. физик, и Наталья Горбаневская, поэт. Татьяна Баева, студентка, и Виктор Файнберг, искусствовед.

Что видит и слышит человек, сидящий средь бела дня у Лобного места на Красной площади? Он видит ноги гуляющих, вдруг обступившие его со всех сторон, слышит недоуменные голоса. Это длится недолго. Дальше все происходит еще быстрее. Расталкивая кучку любопытных, на демонстрантов разом набрасываются какие-то одинаковые люди, вырывают из рук и рвут плакаты, пытаются отнять флажок. «Вы хотите

отнять у меня чехословацкий государственный флаг?» — спрашивает Горбаневская. Рука разжимается, но тут же на помощь ей приходит другая, и флажок гибнет. Толпа увеличивается. Слышны возгласы: «Это что, чехи?», а им в ответ: «Бей антисоветчиков!», матерщина. Начинается избиение. Какая-то женщина бьет Литвинова тяжелой сумкой по голове. Сидящего трудно ударить рукой, ногой — легче. Лариса Богораз вдруг чувствует, что у нее на спине намокла блузка — это выбили зубы сидящему сзади Виктору Файнбергу, и кровь идет у того изо рта. Таня Баева, присев на корточки, вытирает ему платком лицо. Избивают Делоне. Толпа стоит смотрит; демонстранты молча сносят побои, слышны лишь крики избивающих, их сопение, треск рвущейся материи.

Начинают подъезжать машины. В них, выворачивая руки и продолжая наносить удары, вталкивают участников демонстрации. За юную Татьяну Баеву вступается совершенно незнакомый ей юноша из толпы (М. Леман), его тоже втаскивают в машину, потом разберутся, отпустят.

В 50-м отделении милиции, располагавшемся тогда на Пушкинской улице и известном в народе как «полтинник», встретились вновь. Чувство, переполнявшее их, называлось счастьем. Все-таки посмели, сбросили с плеч эту окаянную ношу, вышли на площадь. Пусть знают чехи, что мы им все-таки братья... Пусть знают люди... Пусть знает мир... Дело сделано. А теперь будь что будет.

9 октября 1968 года, крохотный, битком набитый зал Пролетарского райсуда, где рассматривается Мосгорсудом «уголовное дело по факту учинения групповых действий на Красной площади, грубо нарушивших общественный порядок». Судят Ларису Богораз, 39 лет, Вадима Делоне, 21 года, Павла Литвинова, 28 лет, Константина Бабицкого, 39 лет, Владимира Дремлюгу, 28 лет. Позади полтора месяца, обыски, допросы, тюрьма. Обвинительное заключение подписано старшим следователем прокуратуры г. Москвы советником юстиции Л. Акимовой. Что касается В. Файнберга, то он находится на стационарной судебно-психиатрической экспертизе, его дело выделено в отдельное производство — человека с четырьмя выбитыми передними зубами сочли, вероятно, нежелательным персонажем на данном процессе. Н. Горбаневская признана невменяемой и отдана пока под опеку матери. Т. Баеву к суду не привлекли — конечно, ей не поверили, когда она, посоветовавшись с Л. Богораз, заявила следователю, что на площади оказалась случайно,— но и упорствовать не стали, решив, по-видимому, что чем меньше будет «отщепенцев», тем лучше (а еще лучше их бы вообще не было). Ее только выгнали из института.

Председательствует судья В. Г. Лубенцова (подсудимые ее скоро нарекли «Лубянцевой»), ей помогают народные заседатели П. И. Попов и И. Я. Булгаков. Государственное обвинение поддерживает прокурор В. Е. Дрель.

Наша Конституция в те годы, несомненно, являлась самой демократической в мире, поскольку не была рассчитана на применение. Так что судить обвиняемых за сам факт участия в демонстрации было неприлично — как бы противоречило Конституции. Судили по уголовным статьям 190^{1} и 190^{3}.

Судья зачитывает обвинительное заключение. Все демонстранты обвиняются в том, что вступили «в преступный сговор... заранее изготовив плакаты с текстами, содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а именно: «Руки прочь от ЧССР»... «Долой оккупантов», «Свободу Дубчеку», пришли на Красную площадь, где и нарушили «общественный порядок и нормальную работу транспорта»: развернули «вышеуказанные плакаты», выкрикивали «лозунги аналогичного с плакатами содержания, чем вызвали возмущение собравшихся вокруг граждан...».

А в переулке перед зданием суда развернулось иное действо, чем-то неуловимо схожее с основным сюжетом. Уже наученные опытом предыдущих процессов, власти знали, что у входа с утра до вечера будут дежурить друзья и родственники подсудимых. Решено было дать «идейный отпор». Тщательно проинструктированные, явились комсомольцы-оперотрядчики. Они разъясняли случайным прохожим, кого и за что судят сегодня. К ним присоединился люд постарше, компенсировавший некоторую свою необразованность предельной искренностью и категоричностью суждений. Эти жаждали общения с П. Григоренко, И. Габаем, П. Якиром... Впрочем, дискуссия носила несколько односторонний характер. Довольно скоро в адрес «диссидентов» послышались выкрики вроде: «Молодец Гитлер, передавил вас, гадов,— жалко, что не всех», или «Эх, мне бы сейчас автомат в руки!..». Кто-то очень умело продумал этот спектакль в тиши кабинета, вызвал актеров, раздал роли, да сам и суфлировал...

Но вернемся в зал суда. Тут самое время сказать об адвокатах. Немногие в те годы соглашались защищать людей, обвиняемых по 70-й либо 190-й статьям. Во-первых, ничего, кроме неприятностей, эти процессы адвокатам не сулили; во-вторых, исход дел всегда был предрешен.

...Откуда ж берется охота,
Азарт, неподдельная страсть
Машинам доказывать что-то,
Властям корректировать власть?.. —

вопрошал Юлий Ким в давнем своем (1968 год!) «Юридическом вальсе». В самом деле, откуда?..

«На этот вопрос,— пишет Софья Калистратова («Московские новости» № 32, 1989 г.),— пожалуй, точнее всего ответил в своем последнем слове на процессе известный правозащитник Илья Габай. Он сказал: «Я видел такие нарушения прав человека, умолчание о которых мне представлялось равноценным соучастию». Я к тому же считала, что необходимо использовать судебную трибуну, чтобы донести до людей правду, чтобы открыто и во весь голос сказать свободное слово».

«Наверное, разные адвокаты должны были по-разному ответить на этот вопрос,— продолжает Дина Каминская в своей книге «Записки адвоката», изданной в США.— Для некоторых главной движущей силой было стремление разоблачить, сделать наглядным для всех тот трагический фарс, каким являлись все политические процессы. Но для меня разоблачение было следствием работы, результатом той тщательности, с которой готовилась к каждому делу, но не ее причиной».

В зал один за другим входят люди, на чьих показаниях так хорошо и убедительно держится обвинение. Но странно сегодня звучат их речи и неправдоподобны ответы на вопросы адвокатов и подсудимых. Скажем, свидетель Стребков. 25 августа он нес службу на патрульной машине у Красной площади. Внезапно получил приказ подъехать к Лобному месту. Подъехал. Видит: двое граждан ведут под руки третьего, сажают в машину и велят Стребкову доставить его в милицию. «Эту команду мне дали неизвестные граждане»,— вдруг говорит он. «И вы исполнили команду каких-то граждан?» — спрашивает С. Калистратова. Свидетель растерян, он отвечает: «Да». «Если завтра к вам подойдут двое, ведущие третьего,— оживляется подсудимый Бабицкий,— и прикажут отвезти его, вы исполните их приказание?» Судья снимает вопрос.

Готовясь к суду, адвокаты обратили внимание на нескольких свидетелей, обозначенных в деле как «сотрудники воинской части», причем оставалось лишь гадать, какую форму они носят, находясь на службе. И вот один из них, Долгов, отвечает на вопросы суда. Скоро выясняется, что никого из своих сослуживцев он не знает, разве что «видел где на партконференции».

Но вызывается свидетель Иванов, «сотрудник» той же воинской части, и сообщает совершенно противоположное: с Долговым они знакомы. И что же, начинается перекрестный допрос? Нет, суд более не возвращается к этой теме. Зато показания свидетелей, весьма невыгодные для обвиняемых, остаются одной из главных улик следствия.

«В советском суде тот факт, что свидетель является сотрудником КГБ или милиции, никак не обесценивает значимость его показаний,— замечает Д. Каминская в «Записках адвоката».— Приговоры по множеству уголовных дел основываются целиком или в основном на показаниях оперативных работников милиции и уголовного розыска.

Что мешало свидетелям просто сказать суду:

— Да, мы сотрудники КГБ. В нашу обязанность входило наблюдение за порядком на Красной площади. Мы считали, что сидячая демонстрация нарушает порядок, и задержали демонстрантов».

Л. Брежнев ставит подпись: конец «пражской весне»...

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА
Москва. Кремль 1968 г.



Допрос свидетелей продолжается. Еще один из них, Давидович, чье место работы суд так и не установил, на предварительном следствии заявлял, что оказался на площади случайно, вышел из ГУМа. «Но ГУМ в воскресенье закрыт»,— замечает подсудимый Литвинов. «Это не имеет значения»,— раздраженно отвечает свидетель. Суд удовлетворен этим ответом и внимательно выслушивает показания Давидовича, весьма путаные и противоречивые, чтобы не сказать лживые.

Начинаются судебные прения. Из речи прокурора суд узнает, что «нет надобности доказывать... плакаты носили явно клеветнический характер». Это первое доказательство вины. Есть и второе: «Наша печать разъяснила всем гражданам прогрессивный характер действий Советского правительства, и не понимать это невозможно». Все, вина доказана. Остается, впрочем, еще мелочь: конституционное право граждан на демонстрацию. Тут совсем просто. «Да, действительно,— заявляет Дрель,— статья (Конституции.— **И. М.**) предусматривает свободу демонстраций. Но то, что совершили подсудимые, отнюдь не может называться демонстрацией. Под демонстрацией мы имеем в виду организованные действия. Подсудимые демагогически ссылались на одну ее часть, забывая о второй части Конституции, которая называет демонстрацией организованное шествие в интересах трудящихся и в целях укрепления социалистического строя. Что касается сборища 25 августа, то его нельзя отнести к демонстрации ни по существу своему, ни по содержанию».

Тем не менее долгая речь прокурора слушается с напряженным вниманием. Устами его говорит Государство; тот приговор, который он сейчас предложит, суд скорее всего и вынесет. Прокурор выносит приговор...

Теперь очередь адвокатов. Каждый из них абсолютно уверен в невиновности своих подзащитных; если у кого-то еще оставались какие-то сомнения, то на суде они развеялись. Ясно и то, что никакой надежды на оправдательный приговор после речи прокурора уже не остается. Разве что надежда на чудо.

Дина Каминская, адвокат Павла Литвинова. Опытнейший защитник, она вряд ли надеется на чудо: предыдущие политические процессы, в которых принимала участие, не сделали ее оптимистом. Остается лишь честно и безукоризненно исполнить свой долг. «Закон карает,— объясняет она суду,— ...за систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений. Ни в тексте обвинительного заключения, ни в речи прокурора такого обвинения в адрес подсудимых не было.

Статья 190 [1] предусматривает также ответственность за изготовление клеветнических произведений. Защита считает, что поднятый Литвиновым лозунг не является произведением, что в деле нет никаких доказательств того, что этот лозунг был изготовлен именно Литвиновым и что текст этого лозунга не носит клеветнического характера...

Не так давно в кинотеатре «Россия» демонстрировался фильм «За вашу и нашу свободу». Название этого фильма точно соответствует лозунгу, поднятому Литвиновым на Красной площади. Никто не считает название этого фильма клеветническим. Значит, не смысл этого лозунга, а подразумеваемый подтекст... признается сейчас неправильным и преступным...»

Не нужно, думаю, объяснять, какого мужества требовало само решение, выступив в защиту диссидента, потребовать его оправдания.

Девять лет спустя Д. Каминская будет исключена из коллегии адвокатов, у нее дома устроено несколько обысков, за нею установят слежку, под угрозой ареста окажется муж — и их обоих буквально вытолкают в эмиграцию.

Выступает Софья Калистратова, защитник Вадима Делоне. У нее огромный опыт адвокатской деятельности, в том числе и участие в политических процессах. Ее подзащитный — молодой поэт, у которого за плечами условный срок, несколько месяцев пребывания в следственном изоляторе КГБ за участие в правозащитной демонстрации на Пушкинской площади.

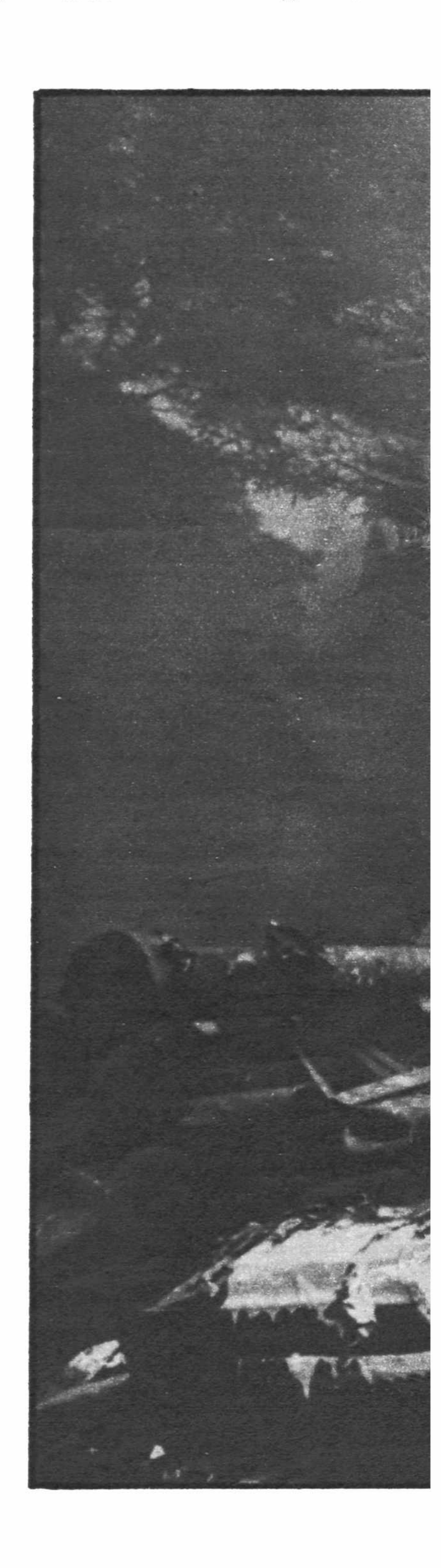
С. Калистратова подробно рассказывает о судьбе молодого человека, еще не нашедшего места в жизни, зато уже испытавшего и тягость заключения, и наветы прессы. «Я имею право утверждать, что наш закон не знает уголовной ответственности ни за убеждения, ни за мысли, ни за идеи, а устанавливает уголовную ответственность только за действия, содержащие конкретные признаки того или иного уголовного преступления. Вот позиция защиты, которая дает мне право утверждать, что умысла опорочить советский государственный строй у Делоне не было, что он в своих действиях руководствовался совсем другими мотивами. Если эти мотивы, это своеобразие мнений и убеждений прокурор охарактеризовал как политическую незрелость и неустойчивость, то за политическую незрелость и неустойчивость нет уголовной ответственности».

В 1976 году С. Калистратова уйдет из адвокатуры; за участие в правозащитной деятельности переживет пять обысков. Семь лет над нею будет висеть уголовное «дело», прекращено оно будет лишь в 1988-м... за год до смерти.

За оправдание своих подзащитных выступают и адвокаты Владимира Дремлюги и Константина Бабицкого — Н. Монахов и Ю. Поздеев.

Лариса Богораз, отказавшись на время суда от услуг адвоката, защищает себя сама. Она пытается объяснить, что заставило ее выйти на площадь, но эти объяснения никак не могут устроить судью и прокурора. Речь Л. Богораз неоднократно прерывается требованиями «не пропагандировать свои взгляды», «не излагать свои убеждения». Подсудимая объясняет суду, что убеждения ее, как и любого нормального человека, гораздо шире того, о чем она вынуждена говорить. «Для себя я не прошу ни о чем,— произносит она в конце.— Прошу обратить внимание суда на вопрос о мере наказания для Делоне». И вновь судья ее обрывает: «У каждого подсудимого есть свой адвокат,

...Александр Дубчек, Людвик Свобода и все члены правительства были доставлены в Москву.



говорите о себе».

О себе Л. Богораз скажет в последнем слове, в последний день судебного заседания.

«Я люблю жизнь и ценю свободу, и я понимала, что рискую своей свободой и не хотела бы ее потерять.

Я не считаю себя общественным деятелем. Общественная жизнь для меня далеко не самая важная и интересная сторона жизни. Тем более политическая жизнь. Чтобы решиться на демонстрацию, мне пришлось преодолеть свою инертность, свою неприязнь к публичности...

Я оказалась перед выбором: протестовать или промолчать. Для меня промолчать — значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать — значило для меня солгать. Я не считаю свой образ действий единственно правильным, но для меня это было единственно возможным решением.

...Именно митинги, радио, сообщения в прессе о всеобщей поддержке побудили меня сказать: я против, я не согласна...»

Последнее слово предоставляется Павлу Литвинову.

«...Для меня не было вопроса, выйти или не выйти. Как советский гражданин я считал, что должен выразить свое несогласие с грубейшей ошибкой нашего правительства, которая взволновала и возмутила меня,— с нарушением норм международного права и суверенитета другой страны.

...Прокурор называет наши действия сборищем, мы называем их мирной демонстрацией. Прокурор с одобрением, чуть ли не с нежностью говорит о действиях людей, которые задерживали нас, оскорбляли и избивали. Прокурор спокойно говорит о том, что, если бы нас не задержали, нас могли бы растерзать. А ведь он юрист! Это-то и страшно».

Последнее слово Вадима Делоне.

«Я понимал, что мое положение особое. И что обвинение, безусловно, воспользуется этим, если против меня будет возбуждено дело. В отличие от других подсудимых я знал, что такое тюрьма... Однако я все-таки вышел на демонстрацию... Это лишь доказывает, что я действовал с глубокой убежденностью в своей правоте... Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади могу расплатиться годами лишения свободы».

Суд удаляется на совещание.

Сегодня, когда вынесены все приговоры, и время, о котором идет речь, названо «застойным», нетрудно припомнить день и час, обозначившие неуклонное сползание страны в трясину беззаконий, лицемерия, лжи. Ночь с 20 на 21 августа. С этой поры начинаются равномерное и жестокое удушение культуры, идеологические погромы, экономический развал. Обиженные XX съездом неосталинисты восприняли «чешские события» как сигнал к действию, и пошли по нашим городам и весям проработки, исключения, аресты, ссылки, высылки... Конечно, все это происходило и раньше, но такой размах и силу в новейшей истории приобрело лишь с августа 1968 года.

«ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ...» Суд выносит приговор, который вполне совпадает с требованием прокурора. Чудес не бывает и отныне не будет.

«Суд приговорил Дремлюгу В. А. к трем годам, Делоне В. Н. — к двум годам и десяти месяцам лишения свободы; Литвинова П. М.— к пяти годам, Богораз Л. И.— к четырем годам и Бабицкого К. И.— к трем годам ссылки.

Подсудимые получили свое. Получили по заслугам. Находившиеся в зале представители общественности Москвы с одобрением встретили приговор суда. Пусть наказание... послужит серьезным уроком для тех, кто, может быть, еще думает, что нарушение общественного порядка может сходить с рук. Не выйдет!» (А. Смирнов, «Вечерняя Москва», 12 октября 1968 года.)

Приговор был странен: статья, по которой судили демонстрантов, не предусматривала ссылки.

Верховный суд РСФСР подтвердил все вынесенные приговоры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Виктору Файнбергу, а впоследствии и Наталье Горбаневской другие суды «назначили» принудительное психиатрическое лечение — приговор, едва ли не более жестокий, чем лагерь. Освободившись, оба в разное время покинули страну, ныне живут во Франции. Вадим Делоне, отбыв срок, вышел на свободу, но тут арестовали его жену, Ирину Белогородскую. Платой за ее свободу была совместная эмиграция. Он умер в Париже 35 лет от роду. Владимир Дремлюга получил в лагере второй срок, освободился, уехал в США. В США живет и Павел Литвинов. Лариса Богораз и Константин Бабицкий проживают в Москве.

Пора ставить точку. Впрочем, у читателя может возникнуть вопрос: а почему все-таки они вышли на площадь? Неужели ради «пяти минут свободы», за которые потом якобы не жаль заплатить годами ссылки, заключения, изгнания, исковерканной жизнью, наконец? Согласимся, это не всем понятно. Да ведь и страшно, наверное, было. «Я боялась,— признается Лариса Богораз,— и за себя, и, более всего, за близких, но иначе не могла».

Демонстрация на Красной площади была актом отчаяния. Отчаяния такой глубины и силы, что оно перевесило, превозмогло страх перед оскорблениями, побоями, тюрьмой. Они были и остались очень разными людьми, но в те августовские дни одно и то же чувство объединило их. Они вышли на площадь не потому, что рассчитывали что-либо изменить, а именно потому, что никакой надежды на это уже не было.

«Не ругайте нас, как все нас сейчас ругают. Каждый из нас сам по себе так решил, потому что невозможно стало жить и дышать». Эти слова Л. Богораз написала 25 августа 1968 года. «И не пишите о нас, как о героях, мы были обычными людьми»,— добавляет она 21 год спустя. Но это не мешает мне восхищаться их жертвенностью, мужеством, благородством.

Советские танки в Праге. Фото Й. КУДЕЛКА





А НАМ ВСЕ РАВНО?..

■

В связи с публикацией в фонозаписи сцен VI пленума правления Союза писателей РСФСР (№ 48, 1989) считаю полезной для читателей следующую информацию.

Если бы в Федеративной Республике Германии кто-либо выступил с утверждениями, подобными тем, которые позволил себе сделать Анатолий Буйлов («евреи — единственная национальность, видимо, которая заинтересована в том, чтобы был этот раздор у нас», «есть еще хуже евреев»), то он немедленно был бы отдан под суд за антиконституционные высказывания. Точно так же подлежит в ФРГ судебному преследованию лицо, публично высказывающее расистские взгляды. (Расизм — это определение национальности по крови и призывы к недоверию по отношению к людям с определенным составом крови.) Исходя из этого, западногерманский суд признал бы правонарушителями писателя Сергея Воронина, отказавшего в праве считаться русскими писателями тем, кто пишет на русском языке и работает в области русской культуры,— на том основании, что в расовом отношении они к русским не принадлежат; критика Татьяну Глушкову, считающую справедливым при приеме в Союз писателей интересоваться национальным (по смыслу ее высказываний — расовым) происхождением матери и отца кандидата; писателя Василия Белова, говорившего о засилье московских писателей еврейской национальности в различных организациях, имея в виду не писателей, пишущих на идише или на иврите, а русских писателей, имеющих еврейских предков.

Организации, которые не исключают из своих рядов членов, высказывающих расистские, в том числе и антисемитские взгляды, считаются в ФРГ антиконституционными, так что Союз писателей РСФСР, находись он в ФРГ, был бы немедленно помещен в список запрещенных объединений, а его члены были бы поставлены под негласный надзор органов охраны конституции.

Поскольку упомянутые мною выше лица и Союз писателей РСФСР, как мне известно, до сих пор к судебной ответственности не привлечены, неизбежен вывод, что расизм и одно из его проявлений — антисемитизм — не являются антиконституционными, что выводит Советский Союз из числа современных цивилизованных правовых государств.

Участники пленума правления СП РСФСР нанесли ущерб политике перестройки: цивилизованный гуманистический Запад вряд ли долго будет доверять искренности намерений Советского правительства, допускающего на территории подвластной ему страны существование расистских организаций и не обращающего внимания прокуратуры на необходимость пресечения их действий. Следует также заметить, что любая демократическая партия в ФРГ немедленно исключила бы из своих рядов тех своих членов, которые не только открыто высказывают антисемитские взгляды, но и состоят в союзах или другого рода объединениях, терпимо относящихся к расизму. Вряд ли будет ошибочным предположение, что некоторые названные мною лица, как и те, кто им восторженно аплодировал,— члены КПСС. Учитывая, что они до сих пор из этой партии не исключены и что КПСС — партия правящая, нетрудно представить себе, к каким выводам приходит западноевропейское общественное мнение об идеологии партии, по Советской Конституции являющейся ядром всех общественных организаций и руководящей силой общества.

Расистский антисемитизм ассоциируется в странах Запада только с германским нацизмом. Русские писатели, открыто выражающие расистские убеждения, наносят катастрофический урон репутации русского народа. Учитывая это, участники пленума правления писателей РСФСР никак не могут быть признаны истинными русскими патриотами, за которых они себя крикливо выдают.

О недостаточной развитости правосознания в Советском Союзе свидетельствует и тот факт, что русские интеллигенты, защищающие честь России,— авторы письма пленуму, члены литобъединения «Апрель», писатели Рекемчук, Арро, Дудин, литературовед Турков — вступили в прямую полемику с невежественными и агрессивными расистами. В демократической Европе ни один мало-мальски уважающий себя человек культуры не посещает подобных собраний и не расходует своей интеллектуальной энергии на оспаривание преступных взглядов, а просто обращается к органам охраны общественного порядка, предоставляя право судебным инстанциям определять меру наказания за нарушение конституции.

Герман АНДРЕЕВ,
доцент университета Майнц
ФРГ



СТРАНА «ШВЕЙЦАРИЯ»

ПОПЫТКА ПОРТРЕТА

Александр ТЕРЕХОВ

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

«Ведь чаевые — душа нашей профессии»
Г. Белль.
«Бильярд в половине десятого»

Я люблю своего героя.

Я любуюсь им, когда горстка смелых скребется, стучится, ломится в ресторанную дверь — и, наконец тенью за шелохнувшейся занавеской появляется из тепла запретного мира валютных гостей, зеркальных стен, хриплых вздохов оркестра, с равнодушными глазами, отпирает дверь и вырастает на грешной улице, сделав благоговейную тишину, мой герой — швейцар.

Портрет будет на вечернем фоне, верно? Вы встаньте, пожалуйста, вот сюда, сюда, ага, к окошку — ведь вам-то удобней стоять, верно я сообразил? Итак, что вы спросили: почему именно вас рисуют, швейцара? Что, так сказать, заставило?

Дело не в том, что человек охраняющий — это массовая профессия: и бесчисленные цепные вахтеры, и лающие коменданты, и сальный дядечка из гардероба творческого клуба деятелей культуры, трепетно принимающий монетки в кулачок из щедрой лапы совестей народных, и вы, швейцар,— это ведь целый класс, а швейцар просто его мундирное воплощение, как толстый сорняк воплощает в себе несокрушимую мощь подземного переплетения корневищ, незримых глазу.

Дело лишь в том, что на носу белопарусных кораблей, звенящих шпагами эпох, всегда торчала фигура, выражающая чувства и помыслы преимущественно владеющих данным экипажем. И теперь, когда наша держава, летучим голландцем наводившая тихий ужас на цивильный, вперед уплывший мир, наконец-то возвращается к непиратской жизни, очень интересно глянуть на фигуру, которая высится у нас по ходу движения, выражая общую суть,— фигуру швейцара.

Вот и все.

Я сидел на вахте учреждения с товарищем, ждал. Громоздкий, как сейф, швейцар маятником чертил подъезд. Из радио неслись созвучия. Товарищ предположил: «Кажется... Шопен?»

Швейцар замер, поднял гордую голову, дошагал до радио и сделал на полную мощь, разбудив напугавшуюся гардеробщицу, которая запальчиво сказала: «А я не спала!»

Послушав, швейцар убрал громкость, сдержанно усмехнулся и шевельнул старчески-бесцветными губами: «Нет. Это скрипка».

Пенсионер Сергей Васильевич, бывший швейцар «Националя»:

— Ходил в штыковую, в тыл врага нас четыре раза бросали. В партии я с сорокового года. В органах МВД служил до 1960-го, майор. Как вышел в отставку, пару лет поработал в леспромхозе — у меня ж стенокардия, надо было молочка на природе попить, по лесу гулял. Стали тянуть меня на партработу, а зачем мне это надо? Поехал в Москву, спросил: где заработать можно больше? Сказали: в системе «Интуриста», там за каждого гостя копеек 60—70 доплачивали. Туда отставников брали, режим ведь. И начальник отдела кадров был отставник, он меня и направил.

«Националь» для меня святое место — здесь Ленин останавливался. Всю свою двадцатипятилетнюю работу я провел под этим впечатлением. Любил чистить вывеску, мемориальную доску — чтоб блестело! А ведь разные безобразия бывают. Вот так вышел подышать вечером, смотрю: мужик стоит, оправляется. Я ему говорю: «Ты что ж тут, знаете-понимаете, тут Кремль напротив, место святое, а ты... оскверняешь». Он как мне в лоб закатал! Боксер, наверное,— полгода болело.

Работаем бригадой: режим, гардероб, лифт и порядок в вестибюле. Принести-отнести багаж, переводчик пишет на бумажке, какой номер. Самый лучший это 107 — там Ленин жил, и тот, где двести долларов в сутки. Такси поймать, а таксисты, знаете-понимаете, тоже народ: все валюты хотят. Пусть, говорят, клиент сам выйдет поговорить.

Надо, чтобы сервис обслуживания был на уровне высоком, всегда в приличных рамках: не грубить. Иностранец, он ведь народ такой, он не любит, когда его хватают за шиворот, не терпит.

И щедрые. Их обслужишь, но — хорошо обслужишь! — ручку тебе хорошую дарит или жвачки сунет. Принесешь багаж — выпить предложит. Если плохо обслужишь — берегись. Пришел новый товарищ в бригаду — вещи мы отнесли, а гость нам никакого внимания, он дверью как долбанул! Я ему говорю: да разве можно так? Это же казус!

Из наших только знать бывает: Алла Пугачева, Лещенко, потом этот, из цыган — Сличенко, Тихонов из «Семнадцати мгновений...». Пахмутова обедать одно время ходила — живет, что ли, рядом? Ульянов бывает: так запросто войдет, спросит что... Сидят в ресторане, угощаются. Раз подошел ко мне почеловечески комбайнер, два ордена Ленина, много раз, говорит, читал про «Националь». Хочу один раз поесть. Я его пустил. Сел он на втором этаже, а от него все шарахаются — никто обслуживать не стал.

Пенсионер Сергей Васильевич мечтательно улыбается.

Скромненькая тетенька зовет кого-то в телефон: «Приходите, можно будет в ресторане покушать». «Кто это?» — уважительно спрашиваю я. «Уборщица. Пойдемте обедать?»

Я мужественно отказываюсь.

Швейцары — это визитная карточка времени.

Это раньше — «придворник, служитель для приема и проводки посетителей у наружных дверей». Или — «слуга у парадного подъезда жилого дома, присутственного места, театра... обыкновенно в ливрее».

А теперь гаснет и сама золотистая, лампасная оболочка этой профессии — вместо «швейцар» все чаще — инспектор службы режима, контролер, служба внутреннего порядка. Да и как вообще наши предки умудрились заимствовать из немецкого языка это слово, когда у немцев — «портье»? Или, гуляя по заграницам, видели они швейцарских наемников, стоящих на страже чужого покоя, и перенесли это слово как обозначение слуги-привратника или каким другим заковыристым путем.

Но швейцар — это еще визитная карточка места.

Отечественная популяция швейцаров имеет два лица. Первое — встречать с радостью, провожать с сожалением. Второе — не пускать и ограждать. В какую сторону перевес — это исходите из личного опыта.

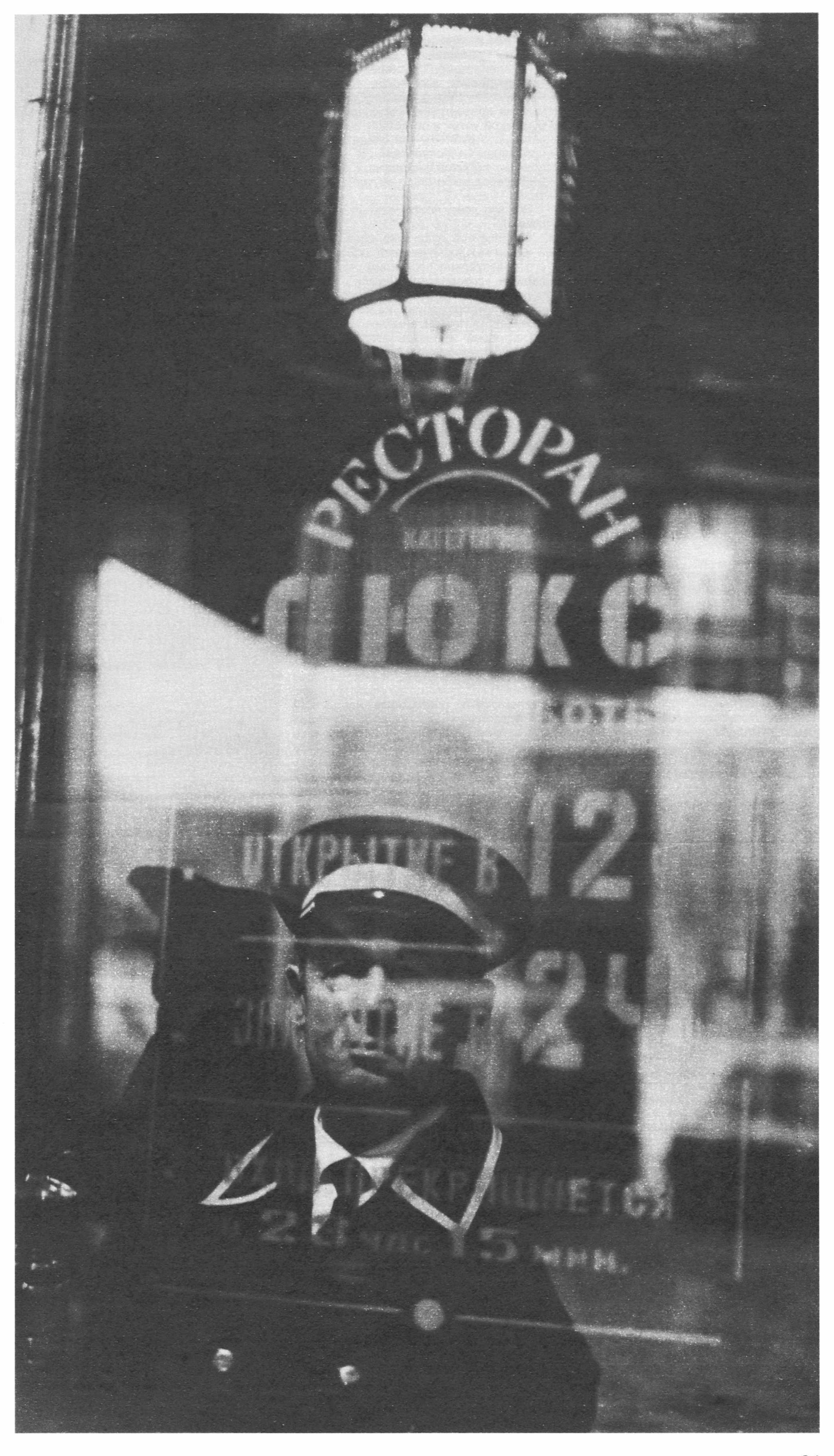
Эти два лица носит довольно пожилое тело.

В громадном «Космосе» 74 швейцара имеют средний возраст так лет 55—60, но это, пожалуй, самый молодой коллектив. Тело отличается исключительно крепким здоровьем, больничный для швейцара — редкость, трудно припоминаемая.

Кроме того, тело имеет четкую выправку. Академии, вузы, ПТУ швейцаров не выпускают, но высокая армейская пенсия, любовь к строгостям режима, солидарность кадровиков, тоже недавно снявших погоны, и доверие контор, утверждающих поданные соискателями швейцарского места анкеты, производят четкий естественный отбор, что на место у входа, на маленькую зарплату и непроизводительный труд встают бывшие представители следующих ведомств (по убыванию): Министерство внутренних дел, Вооруженные силы, Комитет государственной безопасности, «Аэрофлот» (совсем крохи).

Еще идет свежая загадочная поросль — бывшие работники технических служб гостиниц и их родственники. Что их влечет на внешне малосимпатичную деятельность — черт знает, но им видней, работали рядом, видели. Отставники, взявшись за руки, стоят стеной — текучесть в их рядах крохотная, так что молодежи попасть «на солнышко» практически невозможно.

И типичная смена в тихой гостинице «Пекин», куда неимущая шваль не лезет,— в китайском ресторане бутылка водки — семьдесят пять рэ, и будь здоров. Там житель в основном дипломат



и мимолетный советский директор, который прилетел на пару суток, которому не до проституток, и самое большое, что он может,— бутылку придушить со старым товарищем или нужным человеком. Так вот, типичная смена швейцаров выглядит таким образом: бывший старший сержант из охраны Госбанка, бывший майор милиции, бывший капитан внутренних войск.

Они любезно мне пояснили, что за смену каждый набирает чаевых в гардеробе на пять-шесть рублей. На подноске багажа — за одно место — 60—70 копеек. Иностранцы могут дать рубль.

Я знаю, что это излишняя скромность, но спасибо и на этом.

Заместитель директора по режиму Петр Сергеевич, подполковник:

— Одна наша смена — это четырнадцать человек, оклад у них под двести рубликов. Легче тем, кто шпрехает немного, когда «сенкью», когда «гуд» ляпнет, а то получит, как говорят, «Русс баран!».

Туристы ведь — несчастные люди. Их распорядок спланирован так, что в туалет помчаться некогда. Сбежит он, бедный, по нужде, покажет швейцару пальцами доходчиво, что ему требуется, и летит-несется обратно: глаза квадратные, с высоко поднятыми ушами, а переводчица уже тащит за собой его группу, как стадо баранов, и машет флажком или вообще уже уехала. Вечером приезжают из театра или кабака, полуусталые, полудовольные, а завтра опять...

Сутки у нас — полторы тыщи въезд, полторы — выезд. Каждый имеет два чемодана. Пустой чемодан никто сюда не повезет и отсюда — тоже. Осуществляется, как говорят, экономический обмен. Качаются товары вокруг шарика. Итого — швейцары тянут шесть тыщ чемодано-человек в сутки! Контактируют с переводчицами. А переводчицам, как говорят, палец в рот не суй — отгрызут по локоть.

А чуть что: мелким бисером в журнал жалоб, отплевывайся потом. И как только чемодан доставлен по назначению, тут же из кармана следует какое-то «спасибо», которое сдаче не подлежит.

Вечером и ночью — ресторан и бар «Солярис». И начинают лезть сюда родственники гостей, земляки-студенты и те, кому сюда лезть не положено. Если швейцар кого-то пропускает за четвертной и застигается — поняли? — зас-ти-га-ет-ся рука в руку, то это стремительно переходит из серии чаевых в серию поборов, и начинает всплывать статья 156 со значком «два». На выходе публика тоже разгоряченная. В ресторане, как говорят, не фильм смотрят, в ресторане за воротник качают. Начинается выяснение: кто кого как пустил и что сказал. Вот одному швейцару наш, как говорят, соотечественник, сунул, как говорят, лезвие между ребер.

Опять же красавицы. Весь мир признает, что отдыхающему без них не обойтись, а вот мы — уперлись! А мир-то — он ведь везде одинаковый.

Мир пока еще разный.

И швейцары — это «наши за границей», которые командируются в иноязычный праздник посменно, но только до третьих петухов, когда придется опять тикать в слякоть и скудость Отечества. И швейцары — пограничники, они на самой ленточке «можно — нельзя», и они своими лапами намертво держат двери: чем большим согражданам будет «нельзя», тем дольше швейцарам будет «можно».

Западная культура «слуг и господ» спокойно заключает их в свои бархатные объятия, что отчетливо говорит о том, что масса людей и сейчас готова быть слугами, батраками, садовниками — для них свободно-зависимое положение, безусловно, выгоднее принудительного равенства, которое реально существует лишь в одном раскладе: равенство убогих в передней чиновного лица.

Ясно, что провоцирует среда: система «Интуриста», в которой бармен проигрывает в одночасье 25 тысяч, у официанта, учинившего драку, милиция с удивлением обнаруживает в кармане тысячу двести, горничная, убирая номер, укладывает в сумочку разложенные на кровати джинсы с приколотой бумажкой «сто» и оставляет взамен эти самые сто рублей — ни свидетелей, ни продавца, ни покупателя. В «Интуристе» нет проблем с кадрами, с дипломами переводчиков-люди рвутся в официанты.

Все это ясно, но это еще не все и не главное.

Главное — в душе швейцара.

Когда мы дорисуем этот портрет, мы его обязательно застеклим, чтобы товарищи созерцатели могли помимо портрета заметить на его фоне и свое легкое отображение, найти в душе швейцара поразительную родственность своей и понять это, поскольку грядущие времена сделают выбор швейцара нашим выбором.

Что же происходит в душах майоров, подполковников, капитанов, милиционеров, комитетчиков, танкистов, гаишников, моряков, летчиков — в самых надежных душах Отечества? Почему так странно легко сгибается сталь, и что это за сталь?

Начальник отдела кадров крупной гостиницы Сергей Григорьевич из крепких служивых товарищей, которые за границей были последний раз с автоматом на шее:

— Кого зря я не беру. Вот приходят девочки восемнадцатилетние — я говорю: нет, хребет у вас еще мягкий. Что здесь эта девочка увидит? Как проститутка Валя гардеробщику десять рублей дает чаевыми? Как картежник из ресторана вышел и эту же десятку за газету в киоске положил? А потом ее иностранец пальцем поманит к себе в номер... Насчет швейцаров мы сами в военкоматы обращались, направляйте отставников, но больше из милиции, как они себя называют — «сотрудники органов», часто из тех, кто сам раньше курировал рестораны. Идут работать к нам на семьдесят рублей. Средний возраст примерно 62 года, как и во всех гостиницах Мосгорисполкома.

Система у них простая: в смене три человека, стоят по очереди на входе, подноске багажа и в гардеробе. Что кто наберет — идет в свой карман — не делятся. Да и трудно делиться, не проверишь. Я вот из своего окна вижу: он чемодан к такси поднес, иностранец ему червонец в руки, а он в карман и — спасибо! Неужели он будет в смене делиться? Зачем?

Да и не только иностранцы — наши переступают порог гостиницы, и начинает у них в крови купчишко играть: он, может, у себя дома каждую копейку стережет, а тут — нате я какой! А швейцары — они психологи: он ведь не просто пальтишко подает, он улыбается, а потом вдруг полезет под прилавок, и щеточка откуда ни возьмись, и он — тирк, тирк вас по спинке, там запылилось чуток, дескать. А потом и одеколончиком сбрызнет — и как вы ему не дадите? Как будете после этого рисоваться перед своей дамой?

Даже если упрется один — не будет брать — рано или поздно втянется. А тем более, если из милиции — у него уже закваска есть. Раз он на дороге брал, когда стоял с полосатой палочкой, он и тут тянуть будет. Если он был начальником паспортного стола в районе и в любой магазин района заходил, как в свой погреб, то как ему здесь по-другому жить? Они все меряют на свой аршин, чуть затруднение — все решают или пятеркой, или бутылкой.

Я одному отставному полковнику не выдержал, сказал: «Эх, фашисты тебя не согнули, а здесь ты сам согнулся».

Мне кажется, если швейцары так легко становятся на колени — значит, им это знакомо.



Генеральный директор одной гостиницы Игорь Степанович:

— Я проехал Францию, был в Мадриде, в высококлассных отелях Швейцарии, в социалистических странах, где бы ни был — не видно швейцаров. Но! Только машина подъезжает к подъезду гостиницы, к ней не медленно, но и неспешно подходят два интересных мужика среднего возраста. Открывают дверь, багажник, тут уже и тележка для вещей. Багаж автоматически едет в номер. Мужиков подходит ровно столько, сколько нужно,— они заранее машину или телекамерой прощупывали, или в зеркале специальном увидели, сколько в ней народа. И какие мужики! Костюмчики выглажены, ботинки пыли не знали никогда. Двери открывают дипломатически! А у нас такой порядок только для страшно высокопоставленных гостей. Даже группы особого внимания и те встречаем в коридоре.

На Западе швейцары только помогать должны. В Мадриде каждого гостя при входе сфотографируют и быстренько проверят — не уголовник ли... И чаевых там не просят, а бархатно вынуждают к этому образцовым обслуживанием, не стоят, как наши столбы в номере, клянча зажигалку.

Юрист:

— Попасть в бригаду швейцаров практически невозможно. Отбор людей ведет сама бригада. Если кого-то направляют со стороны — его выдавливают. Все это оформляется прилично: с протоколами собраний трудового коллектива, с выговорами за нарушение дисциплины. Кого возьмут — зависит только от швейцаров. Они даже бригады предпочитают собирать по «профессиональному» признаку — одна бригада из милиции, другая — армия...

К нам даже один генерал приходил проситься в швейцары. Кричал на весь коридор: «Ведь у нас всякий труд почетен!»

С работы швейцара не выгонишь. Жалоб на них не поступает, очень либеральный КЗоТ — восстанавливает немедленно. Левые доходы, удобный график — сутки отработал, трое — отдыхай на даче. Попытались ввести работу посменно, по двенадцать часов — такое началось: куда только не писали — в ЦК, на Съезд, в Совет Министров — добились отмены. С чаевыми сделать ничего невозможно, раньше таблички вывешивали: «Чаевые унижают человеческое достоинство», предложили им сдавать валютные чаевые на обмен по государственному курсу. Сдавали только процентов десять. Швейцарам выгодней продать валюту оптовикам.

Может быть, легче будет в совместных предприятиях, когда человеческие контакты сведутся к минимуму, все будет через машину и можно будет выставить человека без долгих объяснений. А что можно еще? Выборы руководителей — это чепуха. Руководитель, если он захочет здесь работать, пачкаться не станет, но и бороться не будет. Он знает — под ним не вулкан, а глубокая воронка, которая может его засосать в одно мгновение: если он будет рыпаться — так называемый трудо-



вой коллектив его переизберет моментально. Ужесточать режим — это тоже не путь, ввели зам. директора по режиму — стало дороже. И только. ...Тут ничего не изменишь. Ну что вы сделаете со швейцаром?

И весь портрет — мы прощаемся, спасибо, вы хорошо переносите неподвижность, неподвижность — это ваша мечта. Что вы говорите? Нет, мы поужинаем как-нибудь потом. Греющаяся в предбаннике проститутка заботливо заглядывает через плечо — это не про нее? Не про вас. Я выхожу в беззвездную московскую ночь, размытую мертвым электричеством, швейцар выплывает за мной, как сонная серебряная рыба: сегодня на Красной площади репетиция парада, он хочет увидеть, как вереницей огней, волною вязкого грохота, едва покачивая тяжелыми стволами, на площадь пойдут танки, неся на башнях заледеневшие фигуры в зеленых бушлатах.

Прощайте, а к нему уже липнут товарищи буржуйского вида, их руки трогают его карман, и он уже душою там, где угощается знать и шваль, где парадный костюм сдерживает расползание гниющего тела. Швейцар уверен, что все, как он, только не все имеют возможность, и он по-братски шепчет мне сквозь танковый рев и мегафонную сталь команд:

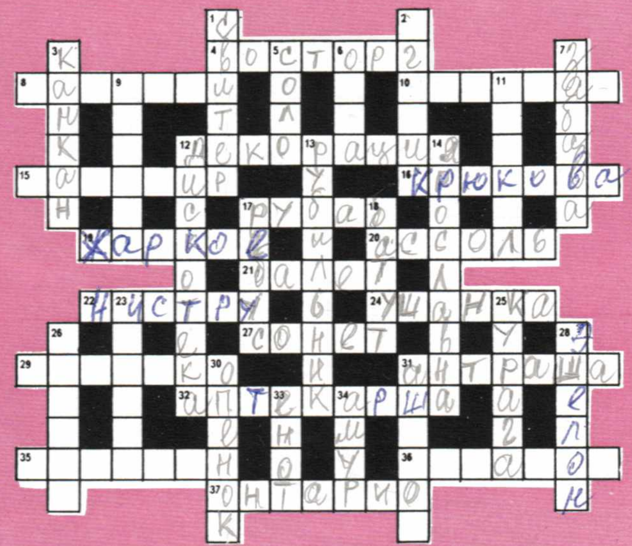
— Может, возьмете берлинских пирожных?

И мы замираем, не сливаясь, не расходясь,— душа швейцара и душа моя.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Туликов. 7. Виртуоз. 11. Культура. 12. Озеров. 14. Мнение. 15. Поздравление. 16. Чайхана. 18. Казачок. 20. Ница. 21. Дружба. 22. Судеты. 23. Тайм. 25. Остенде. 26. Изольда. 28. Дивертисмент. 30. Кабаре. 31. Авиаль. 32. Тамбурин. 34. Ахромат. 35. Учитель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Туркенич. 2. Толк. 3. Лиза. 4. «Романтик». 6. Иссоп. 8. Турне. 9. Флориан. 10. Публика. 13. Восхождение. 14. «Мирандолина». 17. Аррас. 19. Октод. 23. Теорема. 24. Миссури. 25. Ольбрахт. 27. Ансамбль. 28. Дриго. 29. Твист. 32. Трал. 33. «Ночь».



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Радостное настроение, склонность к развлечениям, смеху. 8. Грузинский народный танец. 10. Композитор, автор оперы «Виндзорские проказницы». 12. Оформление сцены для спектакля. 15. Город в Болгарии, где в 1918 году провозглашалась республика. 16. Советская сказительница, исполнительница былин. 17. Струнный щипковый инструмент, распространенный в Азии. 19. Мясное кушанье. 20. Героиня повести А. С. Грина «Алые паруса». 21. Искусство театрального танца. 22. Молдавский литературно-художественный журнал. 24. Теплая шапка. 27. Стихотворная форма. 29. Советская шахматистка, международный гроссмейстер. 31. Прыжок в балете. 32. Рассказ А. П. Чехова. 35. Советский геохимик и минералог, академик. 36. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 37. Озеро в системе Великих озер в Северной Америке.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Теплая вязаная фуфайка. 2. Первая чемпионка мира по шахматам. 3. Быстрый танец, сопровождаемый пением в оперетте. 5. Самостоятельная партия в музыкальном произведении. 6. Спутник Юпитера. 7. Развлечение, игра. 9. Советская спортсменка, чемпионка Олимпийских игр в 1968 году по скоростному бегу на коньках. 11. Басня И. А. Крылова. 12. Музыкальный молодежный клуб. 13. Простейший электрический выключатель. 14. Героиня оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 17. Загадка в виде рисунков. 18. Пружинящее устройство, сетка для спортивных прыжков. 23. Южное травянистое декоративное растение. 25. Сушеные абрикосы. 26. Складной краткий путеводитель, проспект. 28. Поезд специального назначения. 30. Съедобный гриб. 31. Казахский актер, народный артист СССР. 33. Пушной зверь. 34. Река на Дальнем Востоке.

НЕТ ПРОБЛЕМ?



Рис. Марата ВАЛИХМЕТОВА



40 коп.
Индекс 70663

1990

	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
ПН	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
ВТ	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
СР	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
ЧТ	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
ПТ	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
СБ	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
ВС	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24

	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
ПН	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
ВТ	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
СР	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
ЧТ	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
ПТ	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
СБ	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
ВС	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30